

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УКД: 81.255.2=222.8=512

РАСУЛОВА ЗУЛФИЯ ХОЛМУРОТОВНА

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТАДЖИКСКО-
УЗБЕКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПЕРИОДА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности: 6.2.15. Таджикская литература, литературные связи

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Холов Хол Раджабович

ДУШАНБЕ – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-10
ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	11-75
1.1. Роль и значение традиции двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях периода классической литературы.....	11-21
1.2. Особенности таджикско-узбекских литературных связей в контексте литературы советского периода.....	21-50
1.3. Таджикско-узбекские литературные связи советского периода в высказываниях писателей Таджикистана и Узбекистана.....	51-62
1.4. Возрождение процесса таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости.....	63-75
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПОЭТИКИ ОРИГИНАЛА).....	76-118
2.1. Проблемы перевода поэзии и способы их решения.....	76-88
2.2. Жанрово-стилистические особенности современной таджикской поэзии в восприятии узбекских поэтов-переводчиков.....	88-118
2.2.1. Вариации поэзии Мирзо Турсунзаде в переводах современных узбекских поэтов: проблема адекватности.....	88-98
2.2.2. Проблема сохранения национальных особенностей и поэтики Лоика Шерали в узбекских переводах.....	98-112
2.2.3. Проблема воссоздания поэтической образности поэзии Бозора Собира в переводах на узбекский язык.....	113-118
ГЛАВА III. ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК.....	119-147

3.1. Особенности перевода современной узбекской поэзии конца XX века.....	119-123
3.2. Поэтика произведений современных узбекских поэтов в таджикских переводах периода независимости.....	123-147
3.2.1. Лоик Шерали и Саидали Маъмур в поисках достижения адекватности при переводе поэзии Эркина Вохидова на таджикский язык.....	126-138
3.2.2. Поэзия Абдулло Орипова в контексте переводов Саидали Маъмура, Бозора Собира и Низома Косима.....	138-147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148-154
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	155
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	156-172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В течении длительного исторического периода, насчитывающее не одно столетие, таджики и узбеки жили бок о бок, исповедовали одну религию, традиции, обычаи и много схожего в культуре. Традиция почитания наставника, уважение обычаев, интерес к литературе и культуре друг друга, заложенная Абдуррахмоном Джами и Алишером Навои, продолжается и сегодня. Самым значимым периодом, оставившим след в таджикско-узбекских литературных отношениях, является именно этот период дружеских отношений двух великих поэтов. Истоки литературных связей этих двух народов начинаются именно с творческих связей этих величайших мастеров поэзии, чьи произведения вошли в мировую литературу.

С начала XX века и до сегодняшнего дня узбекскими и таджикскими поэтами сделано большое количество взаимных переводов поэзии, и, в связи с этим, возникла потребность изучения состояния художественного перевода и определения его роли в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях особенно в период независимости. Данное исследование, по существу, является первым шагом в изучении предложенного вопроса.

Актуальность настоящей диссертационной работы заключается также в том, что настоящая работа представляет собой первое самостоятельное монографическое научное исследование, в котором изучается роль художественного перевода в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях, вопрос продолжения традиции двуязычия в этих странах. Исследование таджикско-узбекских литературных связей в контексте художественного перевода в период государственной независимости наших стран открывает новые возможности выявления поиска новых приёмов и методов перевода в новых социально-политических условиях.

Изучение таджикской и узбекской литературы, а также жизни, творчества и поэтического наследия поэтов в контексте художественного перевода обладает

важной социокультурной ценностью не только для современного общества, но и для будущих поколений. Изучение темы позволило осветить некоторые белые пятна в истории литературы в рассматриваемый период, показать, что, несмотря на трудности первых лет независимости, культурные связи развивались, в рамках дней таджикской и узбекской литературы, культуры и искусства в Таджикистане и Узбекистане проводились массовые мероприятия, которые способствовали общению деятелей литературы и искусства двух стран, что во многом способствовало активизации переводческой деятельности как узбекских, так и таджикских поэтов и переводчиков.

Степень изученности научной темы. Переводы таджикских и узбекских поэтов, выполненные в годы независимости, в специальных сборниках, литературных журналах и периодических изданиях Таджикистана и Узбекистана не только не подвергнуты сравнительному анализу, но и в достаточной степени не исследованы отечественными и зарубежными учёными. Такое положение дел не представляет возможности во всей полноте выявить степень адекватности этих переводов, их качество и соответствие текстам оригинала.

В немногочисленных научных работах, посвящённых литературным связям узбеков и таджиков, проблеме двуязычия, общих этнокультурных особенностей этих народов, проблемам художественного перевода в целом и, в частности, переводов узбекской и таджикской литератур периода независимости, говорится вскользь, часто не было подкреплено конкретными примерами.

Заслуживают внимания суждения и выводы о роли литературных связей наблюдаются в исследованиях таких известных отечественных и зарубежных ученых литературоведов, как Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, Х.Г. Корегли, Г.И. Ломидзе, Э. Шодиев, С. Солиев, Ш. Шомухаммедов, Б. Валиходжаев, А. Мирзоев, М. Шакури, Л.Н. Демидчик, А. Нуралиев, А. Маниёзов, А. Сайфуллоев, В. Самад, Х. Шодикулов, А. Рахмонзода, А. Абдуманнонов, А. Аминов, А. Худойдодов, З. Улмасова, М. Бакаев, Ш. Мухтор, А. Давронов, М. Зайниддинзода, Н. Одинаев, Ш. Амонова, У. Абдуллоева, Н. Охунджонова и

других. Однако следует отметить, что в работах вышеперечисленных учёных часто наблюдается обращение к произведениям известных таджикских и узбекских поэтов и писателей, однако внимание на таджикско-узбекских литературных связях сфокусировано не было.

В этом смысле переводческая сфера сильно пострадала и сегодня реально является проблемой, нуждающейся в тщательном исследовании.

Связь исследования с программами либо научной тематикой. Диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы кафедры мировой литературы филологического факультета Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» и соответствует его основной проблематике – сравнительному литературоведению и литературным связям.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Исследование поэтики переводов поэзии узбекских поэтов на таджикский язык и таджикских поэтов на узбекский язык, выявление видов переводов, степени сохранения духа оригинала, определение роли переводов в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях, эволюции школы художественного перевода в Таджикистане и Узбекистане.

Задачи исследования. Для достижения указанной цели перед предстояло решить следующие задачи:

- определить специфику развития художественного перевода в рассматриваемый период на материале поэзии;
- определить роль ведущих поэтов Таджикистана и Узбекистана в переводе поэзии этих стран в годы независимости;
- раскрыть особенности традиции двуязычия в рассматриваемый период;
- выявить основные идеи и темы, отражённые в переведённых произведениях таджикских и узбекских поэтов;

- определить степень поэтического мастерства таджикских и узбекских поэтов-переводчиков;
- выявить роль идиостиля поэта-переводчика в процессе художественного перевода;
- охарактеризовать жанровую палитру переведённых стихов на узбекский и таджикский языки.

Объектом исследования является изучение литературных связей между узбекской и таджикской литературами эпохи независимости этих государств. Основными источниками исследования являются переводы стихов таджикских поэтов на узбекский язык и узбекских поэтов на таджикский язык в период государственной независимости этих народов.

Предметом исследования является анализ поэтики переводов узбекской поэзии на таджикский язык и таджикской поэзии на узбекский язык, определение роли переводов в таджикско-узбекских и узбекско-таджикских литературных связях.

Теоретические основы исследования. При определении теоретических основ исследования мы обратились к фундаментальным исследованиям таких известных отечественных и зарубежных ученых, как М. Шукуров, И.С. Брагинский, А. Мирзоев, А. Сайфуллаев, Р. Мусулмонкулов, А. Рахмонзода, А. Давронов, Х. Шодикулов, З. Муллоджанова, М. Имомзода, М. Зайниддинзода, С. Вохидов, Р. Вохидов, Ш. Шомухаммедов, Б. Муртазоев, А. Самадов и др.

В ходе исследования нами были использованы методы исторического и историко-литературного анализа, использовали комплекс методов и приемов, помогающие нам в исследовательской работе по изучению специфических языковых проблем, а также выявлению композиционных, жанровых, образных особенностей, исследованию выразительных средств художественной литературы. Достаточное место в работе отведено изучению проблем художественного перевода.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в данной работе впервые проводится

комплексное исследование роли художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях и творчество двуязычных поэтов Таджикистана и Узбекистана, а также выявляется степень мастерства поэтов-переводчиков двух братских стран в исследуемый период.

Положения, выносимые на защиту:

1. Правильно выстроенная государственная политика во многом способствует укреплению культурных и литературных связей между народами и приносит желанные плоды дружбы и братства.

2. Взаимные переводы узбекской поэзии на таджикский язык и таджикской поэзии на узбекский язык активизировались в 30-50-е годы XX века, но особое развитие получили в годы государственной независимости.

3. Одним из важных факторов достижения узбекскими и таджикскими поэтами адекватности и эквивалентности переводов является то, что многие переводы осуществлялись без подстрочника, прямо с языка оригинала и эта тенденция продолжает развиваться в наши дни.

4. Перевод художественных произведений представителей литературы одного народа на язык другого народа способствует их развитию и взаимообогащению. Важную роль в возрождении и обновлении таджикско-узбекских литературных связей сыграло достижение этих народов своей государственной независимости.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты проливают свет на историю таджикской и узбекской литератур периода независимости государств. Результаты исследования могут быть полезны при изучении курсов истории художественного перевода, в преподавании специальных курсов в высших учебных заведениях по проблемам теории и практики перевода.

Соответствие диссертации паспортам научной специальности. Диссертация на тему «Роль художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях в период государственной независимости» на соискание учёной степени кандидата филологических наук полностью соответствует

паспорту научной специальности 6.2.15. Таджикская литература, литературные связи.

Личный вклад соискателя учёной степени в исследование. Тема исследования была определена совместно с научным руководителем. В ходе работы над диссертацией соискатель самостоятельно проводил под руководством и при участии руководителя исследование практические аспекты исследования, готовил и публиковал статьи, а также выступал с докладами на конференциях различных уровней.

Соискателем проведена объемная работа в исследовании роли художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях в период государственной независимости, в раскрытии поисков таджикских и узбекских поэтов новых путей и методов перевода, степени соответствия перевода оригинальному тексту, вклада таджикских и узбекских поэтов в расширение процесса художественного перевода в период государственной независимости.

Апробация и применение результатов диссертации. Различные теоретические вопросы, связанные с таджикско-узбекскими литературными связями, ролью художественного перевода в развитии и расширении этого процесса в период государственной независимости, были оценены на научно-теоретических и научно-практических конференциях международного и республиканского уровней.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры мировой литературы, кафедры таджикского языка, кафедры отечественной и международной журналистики, кафедры печатных СМИ и PR факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий Российско-Таджикского (Славянского) университета (Протокол №10 от 05 июня 2025 года).

Публикация научных работ по теме диссертации. Основное содержание диссертации опубликовано в 1 монографии, 34 статьях автора в научных сборниках, материалах международных, республиканских и университетских конференций. Из них 5 статей опубликованы в рецензируемых научных

журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, 8 разделов, 5 подразделов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, списка использованной литературы и включает в себя 172 печатных листов.

ГЛАВА I

К ИСТОРИИ ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. Роль и значение традиции двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях периода классической литературы

Таджикско-узбекские двуязычие своими корнями уходит в период создания классической литературы. Свидетельством являются поэты, которые писали на двух языках – таджикском и узбекском, что дает нам право говорить о них как о великих поэтах таджикской, так и узбекской литературы. Это указывает на то, насколько глубоко они владели обоими языками.

Существует множество лингвистических работ по проблемам двуязычия, где достаточно полно отражено данное понятие, его классификация, функционирование и роль данного феномена в жизни общества. На современном этапе билингвизм и полилингвизм становятся одними из самых важных аспектов формирования языковой политики государств. Под указанными терминами обычно понимается владение двумя (билингвизм) и более (полилингвизм) языками и переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. Известный исследователь языковых контактов У. Вайнрах пишет: «Процесс попеременного использования языков называется билингвизмом, а человек, использующий их - билингвом» [49, 22].

Мысль Луи Мишеля относительно того, что *билингвизмом* нужно считать даже владение говором и литературным языком, не нашла широкой поддержки среди лингвистов. В совершенно другую крайность уводит нас М.М. Михайлов, который утверждает: «...Мы полагаем, что двуязычие – это владение двумя генетически разными средствами общения» [78, 5]. Данное утверждение также далеко от истины, так в языковой семье насчитывается сотни языков, различающие по степени родства. Но утверждение подходит к нашей ситуации, когда контактируют языки разных языковых семей. «Под двуязычием следует понимать владение в совершенстве общеупотребительными устной и

письменной формами существования обоих литературных языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур» [69, 36].

Таким образом, билингв - человек, в равной степени владеющий двумя языками.

Ни одна литература на всем земном шаре не может зародиться и развиваться без влияния литератур других народов и наций, о чем красноречиво говорят следующие строки Саади из его «Гулистана»:

*«Ҳеч гули мақсуд дар ин бӯстон
Чуда нашуд бе мадади дӯстон»* [29, 3].

На самом деле, цветение одного единственного цветка еще не говорит о наступлении весны, из одной розы нельзя составить разноцветный букет, один цветок еще не цветник. Весну, цветники и букеты цветов составляют буйство и многообразие цветов, запахов, многочисленных трав и растений. Такова и мировая литература, в создании и развитии которой принимали и принимают участие все народы земли, в соответствии со своими эстетическими вкусами и мировосприятием. Поэты и писатели разных народов, изучая литературу друг друга, получают заряд вдохновения и используют наработанный в разные эпохи творческий опыт выдающихся художников слова.

На основе дошедших до нас литературных материалов и источников можно прийти к выводу, что литературные связи прежде всего состоялись в форме взаимного художественного перевода.

Таджикские, узбекские и зарубежные ученые востоковеды в результате анализа неопровержимых фактов и литературных явлений, пришли к справедливому заключению, что в процессе зарождения и формирования литератур тюркоязычных народов, наряду с устным народным творчеством тюркоязычных народов, таджикско-персидская литература служила одним из основных животворных источников. Эти выводы ученых подкреплены отдельными высказываниями, примерами из художественных произведений и цитатами из научных трактатов таких известных сынов тюркоязычных народов, как Юсуф Баласагунский, Сайфи Сарои, Хайдар Хирави, Навои и др.

Одним из первых письменных литературных памятников тюркоязычных народов является «Кутагу билик», который принадлежит перу придворного поэта Каракитайцев Юсуфу Хас Хаджибу. Произведение было написано им в XI веке не только с использованием метрического размера «Шахнаме» - мутакориб, но заимствовавшего отдельные сюжеты и образы у Фирдоуси.

Академик В.М. Жирмунский писал: «От того, насколько высока культура и литература того или иного народа, зависит, настолько сильным и плодотворным будет воздействие её на процесс литературных взаимосвязей с другими народами» [65, 7].

Алишер Навои, высказывая своё уважение и признание своему наставнику-устоду Абдуррахману Джамии, искренне называл его «Махдуми Нуран» - «Светозарный Ученый», «кибла» - «сторона, к которой обращаются мусульмане лицом при чтении молитвы», «устод» - «гуру», «пир» - «глава духовной общины», что является свидетельством высокого уважения ученика к наставнику:

«Ул сафо аҳли пок фарчомӣ,
Покфарчом пок фар Чомӣ,
Ул яқин сарӣ дастгир манга,
Қиблаву устоду пир манга» [139, 7-8].

Что означает:

Источник чистоты, великодушия;
Благодушный Джамии мне воистину опора и поддержка;
Моя кибла, наставник и гуру мой.¹

Или Навои, написавший под влиянием Хафиза более 600 газелей на таджикском и узбекском языках, следующим образом подчеркивает место и роль поэта:

«Ғазал гуфтан мусаллам шуд ба Ҳофиз шояд, эй Фонӣ,
Нашой чошнӣ дарюза з-он назми чаҳоноро» [139, 8].

---

¹ Здесь и далее приводится построчный перевод, выполненный автором диссертации.

Творить газели стало правилом для Хафиза, о Фони,
Не пристойно отведывать вкус неискушенному этой высокой поэзии.

(Построчный перевод автора дисс.).

Тюркоязычные поэты пристально изучали произведения таджикско-персидских поэтов, используя сюжеты, образы, темы, жанры и способы изображения, они создали свою литературу и в дальнейшем развивали её.

Таджикская литература не только оказала влияние на узбекскую литературу и литературу других тюркоязычных народов, но также ученые в разных областях науки широко пользовались научными изысканиями таджикских и персидских мыслителей. К примеру, Алишер Навои и Захириддин Мухаммад Бабур, внимательно изучив теоретические произведения Рашидаддина Ватвота («Ҳадоиқ-ус-сеҳр фӣ дақиқ-уш-шеър»), Шамс Кайса Рози («Ал-мӯъҷам фӣ маъоири ашъор-ил-Ачам»), Ходжа Насриддина Туси («Меъёр-ул-ашъор») и («Асос - иқтибос»), Вахида Табрези («Чамъи мухтасар»), Атоуллаха Махмуда Хусайни («Бадоеъ-ус-Саноеъ»), создали под их влиянием такие свои произведения, как «Мизон-ул-авзон» - «Мерило стихотворного размера», «Рисолаи аруз» - «Трактат об арузе» и разработали теорию тюркского аруза.

На основе исторических источников и дошедших до нас древних рукописей различных антологий «тазкира», выясняется, что поэты-представители и основоположники узбекской, азербайджанской и туркменской литератур в равной степени владели как тюркскими, так и персидским языками и писали свои произведения на этих языках, то есть были билингвами.

К XV веку благодаря усилиям многих персоязычных и тюркоязычных поэтов литература в Средней Азии постепенно набирала обороты, крепла и опираясь на традиции, заложенные предшественниками, пошла по пути дальнейшего своего развития. К этому времени одним из важных центров культурной и литературной жизни был Герат, в котором при правлении Султон Хусейна Бойкаро поэты, художники, музыканты и писатели не только Средней Азии, но и других областей Ирана и Афганистана организовывали свои круги и

создавали шедевры литературы и искусства. Примечательно, что в это трудное и судьбоносное время эти литературные и научные движения возглавляли таджикский поэт Абдуррахман Джами (1414 -1492) и узбекский поэт Алишер Навои (1441-1501), которые своими творениями и всяческой помощью людям творчества того времени не только выражали передовые идеи времени, но и способствовали взаимосвязи и взаимообогащению узбекской и таджикской литератур.

Благодаря заложенной этими поэтами традиции, вплоть до конца XVII века литература продолжала своё развитие по инерции, то давая человечеству новые выдающиеся произведения, то оставаясь на том уровне, которого достигла в это время.

В середине XVIII века в Средней Азии к власти пришла династия Шайбонидов, во времена правления которой литературы стали развиваться. В результате литературная жизнь практически замерла. В начале XIX века в Фергане возникло самостоятельное ханство с центром в Коканде. Его правитель - меценат и поэт Умархан (правил в 1809-1822) был высокообразованным человеком, сам писал стихи и при его поддержке и постоянному попечительству в Коканде образовался огромный литературный круг по оживлению литературной жизни, и в это время заметное развитие получила поэзия бедийского направления. При Кокандском дворе Умархана творили такие известные поэты, как Адо, Акмаль, Фазли. По традиции, они создавали свои стихи как на узбекском, так и на таджикском языках.

Известный исследователь литературных связей И.С. Брагинский утверждает, что «двуязычность таджиков и узбеков в произведениях писателей Центральной Азии в основном начинается с XII века. Данные исследования по истории литературы показывают, что эта традиция, т.е. сочинение стихов тюркоязычными поэтами на фарси, гораздо дальше - идёт с XIV-XV вв.» [45, 35].

По свидетельству исторических источников, в период владычества династии Саманидов (819-999) недалеко от Айлак – вблизи местности Чач, сегодняшнего Ташкента, жил и писал свои литературные произведения на

персидском языке поэт турок по происхождению турок Тюрккеши Айлаки. К великому нашему сожалению и сожалению ценителей его творчества приходится констатировать, что из многочисленных сочинений до нас дошли только 4 бейта.

Известный средневековый ученый и поэт Мухаммад Ауфи в своей тазкира, под названием «Лубаб-ул-албаб», дабы подчеркнуть его поэтический дар, именует его *соқии шароби фазл* («кравчием вина просвещения») и цитирует его стих, дошедший до нас:

«Имрӯз агар муроди ту бар н-ояд,
Фардо расй ба давлати бобову бар.
Чандин ҳазор умеди бани Одам,
Тавқе шуда ба гардани фардо бар!
Родмардию мардй донй, чист?
Боҳунартар зи халқ гӯям кист?
Он ки бо дӯстон тавонад сохт,
В-он ки бо душманон битвонад зист» [66, 154].

Перевод:

Если сегодня твои желания не исполнятся,
Завтра ты достигнешь богатства предков.
Тысячи грез и желаний рода человеческого,
Стали ошейником на шее завтрашнего дня.
Знаешь, что такое благородство, и что такое мужество?
И кто среди народа искуснее других?
Тот, кто может ладить с друзьями,
И, тот, кто умеет жить со своими врагами.

Важно подчеркнуть, что первая строфа стихотворения выстроена в типичном стиле художественной образности, свойственной манере письма классиков персидско-таджикской литературы.

Вторая кит'а наполнена суфийской символикой, то есть имеет два уровня значения, и любой читатель, знакомый с персидской литературой, знает, что в данном значении этот образ использован Хафизом спустя три века:

«Осоиши ду гетй тафсири ин ду харф аст:
Бо дӯстон мурувват, бо душманон мадоро» [30, 16].

Перевод:

Спокойствие в двух мирах в толковании двух этих слов:
С друзьями - благородство, с врагами - сдержанность.

В XI-XII веках была также известна своими задушевыми и содержательными стихами на языке фарси поэтесса Мутриба Кашгари, уйгурка по своему происхождению, она также играла на многих музыкальных инструментах и видимо, подобно Рудаки исполняла свои же стихи в музыкальном сопровождении. Тому свидетельством может служить следующее его стихотворение в жанре рубаи:

«Дар мотамат, эй шох, сияҳ шуд рӯзам,
Бе рӯи ту дидагони худ бардӯзам.
Теғи ту кучост, эй дареге, то ман,
Хун рехтан аз дида биомӯзам» [47, 186].

Перевод:

От траура по тебе, шах, мой день стал черным,
Без твоего лица я пришиваю (закрываю) свои глаза.
Ну, где твой меч, о горе, чтобы я,
Научила его проливать кровь из глаз.

Таджикско-персидская литература имеет многочисленные примеры литературных произведений поэтов, писавших на персидском, арабском и тюркском. Чрким примером подобного многоязычного творчества может служить творчество поэта XIII века Осими. Творчество многих поэтов, писавших на двух и трех языках служит основанием для утверждения относительно того, что тюркские народы достаточно серьезно относились к изучению персидского языка и с любовью изучали литературу на этом языке. Более того, они по мере

возможности достаточно сил тратили на развитии литературных традиций персидского наследия.

Таджики и узбеки, на протяжении веков проживая рядом, совместно развивали различные ремесла. В связи с этим археологи, находя керамические изделия и орудия труда, нередко испытывают трудности в определении этнической принадлежности их создателей, поскольку мастера прошлого носили одинаковые исламские имена.

На основе приведенных примеров и умозаключений целого ряда отечественных и зарубежных ученых востоковедов, можно с уверенностью утверждать, что феномен двуязычия в узбекской и таджикской литературах обусловлен многовековой совместной жизнью и сотрудничеством этих народов.

Известные русские востоковеды и таджикские ученые литературоведы (Е.Э. Бертельс, Ян Рипка, В. Бартольд, А. Мирзоев, А. Самадов, Р. Мукимов, С. Садиев, Х. Хамроев, А. Рахмонзода и др.) на основе исследования литературы XV в. (1370-1506 гг.) в истории таджикской культуры было периодом её возрождения. «Таджики, как свидетельствуют исторические источники, играли важную роль также в государственном управлении. Например, в период правления эмира Тимура, по их инициативе в Коксарае была построена крупная библиотека» [126, 60-61].

«Еще до Алишера Навои – основоположника классической узбекской литературы, в XIV – первой половине XV века многие тюркские поэты, в том числе Хорезми, автор «Книги о любви» (1353 г.), Хафиз Хорезми, Мавлян Лутфи Хирави (1365-1464 г.), Атаи Балхи и Гадои писали не только на персидско-таджикском языке, но и на своем родном тюркском языке. Это свидетельствует о том, что традиция двуязычности среди узбекских поэтов существовала задолго до Алишера Навои» [80, 87].

Следует, однако, подчеркнуть, что в эпоху Абдуррахмана Джами и Алишера Навои таджикско-узбекское двуязычие достигло качественно нового уровня развития. Этому во многом способствовали изысканные газели Алишера Навои, вошедшие в его персидский диван, созданный под псевдонимом, Фони.

Вместе с тем данный процесс носил взаимный характер: многие персидско-таджикские поэты, в том числе Абдуррахман Джами, Камолиддин Бинои, Бадриддин Хилали, Даулатшах Самарканди, Васифи и другие, создавали поэтические произведения и на узбекском языке. К примеру, Е. Бертельс отмечает, что «маловероятно, чтобы Джами проживал в городе Герате с Тимуридами, и в то же время, не знал их языка» [42, 34].

В книге Бабура «Бабурнаме» есть небольшой рассказ, в котором автор упоминает таджикского поэта Бинои и приводит его рубаи на узбекском языке, который благодарный поэт посвятил ему за оказанную финансовую помощь. Вот какими словами Бинои обращается к своему благодетелю:

«Мирзом, ки шоҳи бару бар билусидур,
Дунёда хунарлар била сар билусидур.
Бир мучмал учун мунча иноят билди,
Маъкул агар десам нелар билусидур?!» [45, 47].

Перевод:

Мой Мирза будет шахом морей и суши,
В мире он будет удостоен ремеслами.
Из-за одной нелепости он меня так одарил,
Если бы сказал прилично, чтобы бы было?!

Следует отметить, что «двуязычность постепенно получает развитие, особенно в XIX-XX веках, и поднимается на более высокий уровень. В указанный период процесс создания поэзии на двух языках - персидско-таджикском и староузбекском, развивается параллельно, в результате чего появилась целая плеяда двуязычных поэтов, среди которых особо отличались своим мастерством создания стихов на двух языках такие поэты, как Захириддин Мухаммад Бабуршох, Борахим Машраб, Махмур, Гулхани, Фуркат, Завки, Агахи, Камиль Хорезми, Дилафгор и десятки других поэтов Бухары, Хивы и Коканда» [45, 29-30].

Известно, что в литературном центре Коканда по инициативе и всяческой поддержке эмира Умархана (1787-1822) творили свои произведения на двух

языках - узбекском и таджикском более 80 поэтов. Большинство из них внесли свой вклад в развитие персидско-таджикской поэзии. «Принцесса Худжанда Мохларойим Нодирабегим, супруга Умархана писала свои стихи под псевдонимом Макнуна, Джахон Отин Увайси автор четырех лирических диванов, в том числе «Вокеоти Мухаммад Алихон» (История Мухаммада Алихана) и «Шахзода Хасан» (Принц Хасан). Двухязычной была также поэтесса Махзуна. Эмир Умархан, как поэт лично принимал участие на заседаниях литературного кружка и читал свои стихи» [45, 99].

В XIX-XX века двухязычие в литературе широко развивается. Аминходжа Муками (1860-1903 гг.), Зокирджони Фуркат (1868 г.), Юсуф Сарми (1840-1912 гг.), Завки (1863-1921 гг.) и другие писали на двух языках. «Возех (1864-1893), Савдо (1823-1873), Кошифи (1824-1888), Асири (1864), Карим Девона (1878-1918), З. Джавхари (1860-1945), Файз (1478-1934), Садри Зиё (1867-1932), Саидахмад Аджзи (1864-1927), Махмудходжа Бехбуди (1875-1919), Садриддин Айни (1878-1954), Абдурауф Фитрат (1886-1937), Хамза Хакимзода Ниязи (1889-1929) известны в литературе как двухязычные поэты» [93, 102-103].

Таким двухязычным поэтом был и Ниязи Балхи, оставивший в наследство нам ценные поэтические произведения на персидском и узбекском языках. Судя по содержанию и образному строю его произведений, он хорошо знал поэзию классиков узбекской и таджикско-персидской литератур, дружил и творчески перерабатывал творения своих современников.

Известно, что Тимуршаха «сопровождали придворные поэты Мир Хутак Афган (свой диван составил в 1788 -1789 гг.) и Лалмухаммад Оджиз Табиб, который в истории литературы Афганистана более известен под псевдонимом Абдушафихан. Оба поэта были приверженцами индийского стиля, поэтому свои стихи писали, подражая Бедилю» [82, 25].

Таким образом, становится очевидным, что народы, имеющие тесные культурные связи, имеют много общего и в литературе. Следовательно, «традиция двухязычности в культурной и литературной жизни будет играть важную роль. Литературное двухязычие как историческое явление играет особую

роль в развитии дружбы и мирного сосуществования между народами. На примере жизни и творчества многих поэтов и мыслителей узбекского народа классического периода литературы мы видим синтез культур узбеков и таджиков» [80, 25].

В процессе литературных связей важной составной частью является также перевод. Для того, чтобы другие народы могли по достоинству оценить произведения иных наций и народов, необходимо, чтобы в переводе наряду с эмоциональностью и ритмом сохранились мысли и образы. Самое главное здесь заключается не столько в недостатке мастерства, сколько в том, что искусство обычно оказывает сопротивление неизбежно объединяющему его анализу. Соблюдение тождества размера перевода с размером оригинала имеет непревзойдённое значение для сохранения всех особенностей подлинника. Формирование интонации осуществляется прежде всего взаимодействием ритма и синтаксиса. Смысл произведений передается также ритмико-интонационным единством. Отсюда становится ясным, как важно сохранить все средства синтаксиса, т.е. повторы, переносы, обороты и т.д. При умелой передаче характера этого единства, перевод стихотворного произведения, с учётом воссоздания других факторов, будет правильным.

1.2. Особенности таджикско-узбекских литературных связей в контексте литературы советского периода

Таджикско-узбекские литературные связи в контексте перевода поэзии следует рассматривать на протяжении трех периодов, – это 20-ые-30-ые, 40-ые-80-ые годы XX века и период независимости и начала. В 20-ых-30-ых годах прошлого века в таджикско-узбекских литературных связях наступают качественно новые отношения, основанные на уважении национальных чувств и культурных традиций. В эти годы у истоков литературных связей наших народов стояли прославленные учёные Садриддин Айни, Абулкосим Лохути, Абдулло Кодир, Хамза Хакимзода Ниёзи с деятельностью которых связаны

качественные изменения литератур. Особенно стихи С. Айни и Х. Ниёзи с новыми идеями, содержанием и формой были перспективным явлением в литературной жизни. В их революционных произведениях наблюдался дух времени. Другой заметной стороной было то, что в узбекских газетах, в какой-то мере продолжалась традиция издания стихотворений и статей на таджикском языке. Так, например, в первые годы революции газеты «Мехнаткашлар товуши» и «Кутулиш» на своих страницах наряду с произведениями узбекских литераторов печатали стихи таджикских поэтов. По размышлениям учёного Дж. Бакозода, «эти стихи, во-первых, были доступны трудящимся обоих народов, затем быстро становились ясными идейно-художественные новшества и революционное по содержанию творчество таджикских литераторов узбекскому народу и узбекских поэтов таджикскому народу, что в те годы, это можно считать, как одну из форм таджикско-узбекских литературных взаимосвязей» [38, 57].

В этот период проявилось развитие наших древних литературных традиций, создание стихотворений на двух языках, прежде всего в творчестве устодов Айни и Хамзы. В стихотворных сборниках «Ахгари инкилоб» и «Инкилоб учкунлари» (1923) были опубликованы революционные стихи С. Айни. Прав оказался учёный по международным связям А. Сайфуллоев, который писал: «Для С. Айни узбекский язык считался вторым родным языком. Он переводил произведения зарубежных литераторов с узбекского на таджикский язык. Об этом свидетельствует повесть французского писателя Фердинанда Дюшана «Месяц» [106, 10].

Эти высказывания можно подкрепить разъяснением двух статей устода С. Айни: «Как чувствуют себя за рубежом наши учащиеся?» и «Опять о наших учащихся за рубежом», которые были изданы в 1923 году в Самаркандской областной газете «Зарафшон» на узбекском языке.

В рассматриваемый период Хамза Хакимзода Ниёзи, также написал много стихотворений на таджикском языке, более шестидесяти из которых известны в

настоящее время. К сожалению, многое из сочинённого им на таджикском языке было уничтожено или до сих пор не найдено.

Произведения поэта и драматурга Хамзы два раза были изданы отдельными книгами. В 1968 году в издательстве «Ирфон» был напечатан сборник стихов поэта на узбекском языке под названием «Да здравствуют Советы!», который был переведён на таджикский язык литераторами Таджикистана Мухиддином Аминзода, М. Муинзода, Гульчехрой Сулаймоновой. В 1980 году это же издательство напечатало сборник произведений Хамзы, который включил более исчерпывающий материал по сравнению с первой книгой. Сборник вышел с предисловием литератора А. Сайфуллоева. Его перевели на таджикский язык М. Муинзода, М. Фархат, Ш. Нодир. В сборнике наряду со стихотворениями на узбекском языке и сценическими произведениями «Бай и слуга» (перевод М. Аминзода), «Наказание клеветников» (перевод Х. Мирзокулова), «Майсара» (перевод А. Саидова), были размещены ещё 9 стихотворений на таджикском языке.

Темы произведений Хамзы, писавшем также стихи на таджикском языке, составляют любовь и недовольство социальной жизнью. Лирический герой поэта от несправедливости жизни, которая кому-то дала радость, а другому печаль, ищет причины неравенства и несправедливости:

«Гуноҳи ман чӣ буд, эй бевафо дунёи качрафтор,
Зи айши коми ин серӯза умрам мосиву кардӣ.
Намедонам, ки ҳайронам, сарам афтода дар зулмат,
Чӣ кардам бо ту ман, ту ин қадар бар ман чафо кардӣ.
Қудой як тараф, аз як тараф ҳачри сияҳчашмон,
Зи дасти ғурбатат бо мурданам охир ризо кардӣ» [11, 187].

Перевод:

В чём вина моя, эй, вероломный мир искажённый,
За желаемое наслаждение трёхдневной жизни меня принудил.
В недоумении и поражён, мой разум мраком охвачен,
Тебе что сделал я, что ты терзаешь так меня.

Со стороны одной разлука, расставание с черноокой с другой.

От твоих горестей готов я умереть.

Таким образом, лирический герой Хамзы ночи напролёт мечтает с надеждой о прекрасном. Он, окунувшись в печаль и горе времени, взывает о помощи, и надеется на воплощение душевной мечты:

«Дар ғами бечорагӣ дар чанг дандонам ба санг,
Орзуи дил кучо, ё айши давронам кучо?
Чашм бикшо, оқибат бар хок меафтӣ, Ниҳон,
Ёру дӯстонат кучо, ин умри бӯстонам кучо?» [11, 188].

Перевод:

От печали бедноты зуб скрежещет о камень
Где сердца мечты, или где моё время наслаждения?
Очи раскрой, в исходе канешь в лета, Ниҳон,
Где знакомые и друзья, где цветник жизни?

В своих лирических стихотворениях Хамза, следуя классикам таджикской поэзии, пишет о любви, о гордой и неверной возлюбленной. Тревожится от разлуки с ней. Так, лирический герой поэта является жизнерадостным и жизнелюбивым человеком, нетерпеливым возлюбленным любимой:

«Он парӣ, абрӯкамон, оҳуи чашмаш масти хоб,
Ҳеч парвое надорад бар мани мискин – хароб.
Аз шарори оташи ишқаш цигарҳо сӯхта,
Мебарояд аз димоғам ҳар нафас бӯи кабоб...
Сар ба тахти остон қурбони хокаш кардаам
Рӯ наметобам, ки ман аз ханчари он захр тоб,
Хилвате шуд, гуфтам: эй барно, мусулмонӣ кучо?
Ту чаро раҳме надорӣ, ё намехоҳӣ савоб?
Бо табассум гуфт он дар гӯши ин мискин Ниҳон:
Чон бигӯ, чонон маҷӯ, аз чон гузар, чонон биёб!» [11, 181].

Перевод:

Эта пери, с бровями дугой, с манящими глазами газели,

Совершенно беспечна ко мне бедолаге - истощённому.
От искры пламени любви томимый страстью,
Каждый вздох мой источает муки страданий.
Готов стать жертвой поступи у ног её,
Не отвернусь я от ядовитого кинжала.
Наедине сказал: эй красавица, где мусульманство?
Жалости ты не имеешь почему, или милости не хочешь?
Она с улыбкой прошептала бедному Нихон:
Тверди душа, не ищи милую, отрекись от души, милую найди!»

В своих произведениях Хамза, следуя выдающимся таджикским поэтам, обратил внимание на проблемы нравственности и морали. По поводу того, что нужно дорожить временем, скрывать тайны и секреты, не пустословить, свидетельствуют пленительные газели:

«Дило, ғофил машав ҳаргиз, нигар гардуни дунёро,
Шумор имрӯзаро фурсат, махур андӯхи фардоро...
Мақун асрори худ зоҳир ба назди ҳар касу нокас,
Кушуди ғунчаҳо орад хазони барги зеборо.
Мазан дар ҳар кучо оҳу фиғон монанди булбул.
Ки сози оқибат ёри қафас рӯи чаманҳоро.
Ҳазорон беҳ хамӯшидан агар хуни чигар гардӣ,
Ки орад лола бо сад доқ сайри файзи саҳроро» [11, 188].

Перевод:

Сердце, не будь беспечным никогда, взгляни на мир,
Сейчас считай момент удобным, о будущем не горюй...
Свои тайны не раскрывай перед всяким проходимцем,
Раскрытие бутона ждёт листков красивых увядание.
Не стенай и не вздыхай везде, как соловей.
На исходе, оказавшись в клетке, лишишься цветника.
В тысячу раз молчание лучше, если кровью сердце обливается,
Тюльпан несёт сто огорчений обилию гуляний в цветнике.

Отдельные газели Хамзы Хакимзода, на таджикском языке написаны как ответ газелям Хафиза Ширази.

Например, у Хафиза:

«Бидеҳ соқӣ майи боқӣ, ки дар ҷаннат нахоҳӣ ёфт,
Канори оби Рукнободу гулгашти мусаллоро...» [30, 28]
Налей вина остаток, виночерпий, ни то в раю не найти,
Берег реки Рукнабада и гулянье у Мусаллы...

Хамза:

«Биё, соқӣ, бидеҳ аз май ту ин Мачнуни шайдоро,
Ки аз худ беҳабар гардад, надонад рӯзи фардоро.
Зи дасти ишқи ӯ аз коми дунё доман афшурдам,
Ба худ хилватсаро созам дар ин як дам кӯҳу саҳроро...» [11, 182]

Перевод:

Давай, виночерпий, налей вина ты безумному Меджнуну,
Чтоб став без памятным, не знал будущего дня.
От мук его любви отрёкся я от мирских желаний,
В уединение превращу себе я горы и долины...

У Хафиза:

«Салоҳи кор кучову мани хароб кучо ?
Бубин тафовути раҳ аз кучост то ба кучо! » [30, 26].

Перевод:

Дорога разума изсестна, а я беспутный, где,
Взгляни на отличие пути откуда до куда.»

Хамза:

«Дар шаби торики ман он моҳи тобонам кучо?
Тан кучову дил кучо, ё ҷону ҷононам кучо?» [11, 183]

Перевод:

В беспросветную ночь где моя лунолика?
Где стан, где сердце, или где душа и любимая?

Действительно, Хамза Хакимзода Ниёзи, особенно олицетворяя братское дружеское единение таджикского и узбекского народов, был их ярким выражением благожелательности и любви к языку и литературе. Он продолжил лучшие традиции двуязычных поэтов. Создавая произведения на двух языках, установил дружеские отношения с таджикскими поэтами и прозаиками того времени. Хамза имел тесные связи с просветителем начала XX века: выдающимся деятелем просвещения Самарканда Абдукодиром Шакури, лично был знаком с известным поэтом Саидахмадом Васли, поддерживал дружеские и близкие отношения с устодом Айни. Хамза и Айни хорошо знали друг друга, были осведомлены о своей литературной и общественной деятельности, вместе принимали участие в съездах писателей.

Как было указано выше, в стихах Айни и Хамзы в вопросах выбора тем, способах выражения и использования новых стихотворных форм видится их близость и созвучие. Хамза, также как и Айни, писал учебники, морально-нравственные рассказы и пропагандистские стихи для школ с новым порядком обучения. Особенно «Китоби хониш» («Книга для чтения») Хамзы во многих отношениях созвучна произведению устода Айни «Тазхиб-ус-сибён» («Золотые дети»). Поэтому прав литератор А. Сайфуллоев, который отметил: «В этом отношении, также похожи друг с другом не только общественно-педагогическая деятельность, но и просветительские идеи Айни и Хамзы, которые определяют основное направление движения просветителей Средней Азии». Примером могут послужить следующие строки. С. Айни пишет:

«Мактаб ба ту ёд медиҳад илму адаб,
Мактаб зи ту мебарад ғаму ранчу тааб.
Як нуктаи мухтасар зи мактаб гӯям:
Одам нашавад касе магар аз мактаб» [107, 54].

Перевод:

Школа учит тебя знаниям и воспитанности,
Школа отбрасывает все твои печали.
Краткая мысль о школе:

Стать человеком всем помогает школа.

Хамза пишет:

«Партави хусн аст, оре, илму ахлоку адаб,
Бе адаб, бе илм бекадр аст, ин набвад ачаб.
Гар набинад мактабу устоду таълиму адаб,
Кас чу хайвон мешавад, гарчи бувад соҳибнасаб» [11, 177]

Перевод:

Да, ореол красоты есть знание, воспитание и нравственность,
Не странно, что без нравственности и знания, это никчемно.
Быть без школы и учителя, без наставления и нравственности,
Быть подобным животному, хотя он высокородный.

Таким образом, если устод Айни сыграл огромную роль в формировании реалистической прозы, также и Хамза своими революционными песнями и удивительными пьесами оставил неизгладимый след в образовании и развитии таджикской драматургии. В связи с этим, любимый таджикский поэт Мирзо Турсунзода писал таким образом: «Мы в молодые годы наряду с революционными русскими и таджикскими песнями со всей предосторожностью пели узбекские песни, особенно песни Хамзы Хакимзоды: «Эй, рабочий!», «Эй, эй буду стрелять!» и подобные им. Мы, молодые литераторы, насколько любили произведения Маяковского и Айни, также с любовью относились к песням Хамзы. Узбекские сценические произведения оставляли в нас ещё большее впечатление» [125, 9].

В 20-ые годы прошлого столетия в прозе и драматургии наших народов также произошли заметные изменения. В это время в литературе этих двух народов появились, такие жанры, как повесть, роман и драма в полном смысле этого слова, и позже творчество будущих поколений писателей поднялось на высокую ступень. В области прозы особенно было привлекательно творчество Садриддина Айни и Абдулло Кодир. В 1920 году С. Айни написал на таджикском языке повесть «Бухарские палачи», но по вине издателей Бухары рукопись пропала, а в 1922 году стал доступным читателям её

отредактированный сокращённый узбекский перевод в журнале «Инкилоб». В дальнейшем были изданы повесть «Одина» (1924), роман «Дохунда» (1930) устода С. Айни, романы «Прошедшие дни» (1925) и «Скорпион из ниши» (1929) А. Кодири, которые оказали огромное воздействие на развитие не только узбекской и таджикской прозы, но и на всю литературу народов Средней Азии и Казахстана.

Мастер художественной прозы Джалол Икромии таким образом писал об оказанном на него воздействии романов писателя Абдулло Кодири: «На мое творческое развитие, наряду с другими литераторами братских республик, оказали огромное воздействие прозаики и писатели Узбекистана. В разгар увлечения чтением книг (ещё в середине двадцатых годов) меня очаровали произведения умелого и искусного узбекского романиста Абдуллы Кодири. Такая ясность, совершенство и утончённость, которая имеется в произведениях Абдуллы Кодири, редко встречаются в произведениях литераторов» [6, 47].

Когда речь идёт о таджикской и узбекской драматургии тех лет, своевременно будет отметить, что первые сценические произведения были созданы на основе устного народного творчества наших народов при совместном сотрудничестве. По размышлению литератора Ш. Ризоева, первая национальная драма этих народов «Отцеубийца» Махмудхуджи Бехбуди привела в движение культурный мир всего Туркестана. Необходимо с удовлетворением отметить плодотворное воздействие узбекских мастеров искусства и, в частности литераторов на начальный период развития таджикского искусства и литературы.

В двадцатые годы продолжалось сочинение стихотворений в стиле «ширу шакар» (молоко с сахаром) - форма стихосложения с написанием строк попеременно на двух языках. К примеру, С. Аджзи и С. Айни писали в этом стиле. Например, у Сиддикии Аджзи:

«Кузимга учради ногах бир ашъор «инчунин бояд»,
Ман этдим унга тахсин ила такрор «инчунин бояд». [1, 17]

Перевод:

Попался взгляду моему стих один «так быть должно»,

Ему стал беспрестанно я вторить «так быть должно.

В этом двустишии редиф каждой строки: «инчунин бояд» - «так быть должно» является таджикским.

У Садриддина Айни:

«(Барои фикри истибдод гуфтор инчунин бояд)» [32, 21].

Перевод:

«Мой стих не понял кто-то: «Тайна такой быть должна»,

(За мысли тирании речь такой быть должна).

В настоящем двустишии конец первой строки «Асрор инчунин бояд» (Тайна такой быть должна) и вторая строка «Барои фикри истибдод гуфтор инчунин бояд» (За мысли тирании речь такой быть должна) написаны на таджикском языке.

Таким образом, в 20-ые годы XX века ускоренно формировалась и развивалась новая литература наших народов. В ней продолжились многие прежние старинные свойства и особые традиционные литературные связи наших народов. Позже взаимосвязи таджикской и узбекской литератур приобрели новые формы.

В 30-ые годы особенно заметно продолжение традиций в произведениях С. Айни. Он в эти годы написал на узбекском языке романы «Рабы» и «Смерть ростовщика». Также в эти годы свою творческую деятельность на узбекском языке начал Фотех Ниёзи. Двухязычных литераторов тогда было немного.

С. Айни был наставником и духовным учителем литераторов обоих народов. Таджикские и узбекские литераторы Ойбек, Дж. Икромии, С. Улугзода, А. Мухтор, М. Исмоили, Р. Джалил, А. Каххор и многие другие творчески изучая прозу С. Айни, развивали его творческие принципы. Видные узбекские литераторы Г. Гулом, Гайрати, Ш. Рашидов, Ойдин, С.Абдулло, Мирмухсин, С. Ахмад признавали в своём творчестве художественное воздействие С. Айни.

В тридцатые годы произошло знакомство Мирзо Турсунзода с творчеством Гафура Гуляма и личное творческое сотрудничество Абдулло

Каххора и Джалола Икромии. Вообще Джалол Икромии, когда учился в 1929-1930 годах в Академии педагогики города Самарканда, поддерживал творческие и дружеские связи с такими узбекскими литераторами, как Хамид Олимджон, Уйгун, Ойдина и Миртемир. Особенно эта дружба и поддержка, кроме отношений с Абдулло Каххором, запомнилась с Ойбеком, Шарофом Рашидовым, Комилом Яшином, Назиром Сафаровым и Хамидом Гуломом. В дни литературы и искусства в Узбекистане (1968) Дж. Икромии сказал: «Известный узбекский писатель Ойбек своим знаменитым произведением «Навои» очаровал меня. Абдулло Каххор, как искусный ювелир, в создании художественной прозы был изящен и тонок. Изящная проза и поэтичность Гафура Гулома и Шарофа Рашидова также мне привлекательны и желанны» [6, 4].

В литературной жизни этих лет заметно активное участие поэта А. Лохути. Этот великий и пламенный поэт также пользовался большой популярностью среди узбекских литераторов. Некоторые произведения Лохути: «Узбекистан», «Наставления узбекской матери», стихотворение «Торжественное открытие Большого Гиссарского Канала», - были посвящены богатому краю и трудолюбивому узбекскому народу, дружбе и братству таджикского и узбекского народов. К примеру, в стихотворении «Торжественное открытие Большого Гиссарского Канала» поэт сказал:

«Эй узбек, бародарони азиз,
Ба пеши мо мехмон хуш келибсиз.
Точикон кистанду шумо кистед?
Ба вичдон, ки аз мо чудо нестед.
Падарҳоямон ҳам дӯст буданд,
Чун як мағз дар чандин пӯст буданд...» [9, 12].

Перевод:

Эй узбек, друг дорогой,
В гости добро пожаловать.
Кто таджики и кто вы?

Честно, от нас неразлучны вы.

Были наши отцы дружны,

Были в шкурах нескольких как одно ядро...

В этом отрывке стихотворения проглядывается традиция жанра муламмаъ, когда при сочинении стихотворения в нем используются два языка. В конце второй строки выражение «хуш келибсиз» на узбекском языке означает «добро пожаловать» и в сочетании с таджикским текстом придаёт красоту форме стиха.

В свою очередь, узбекские литераторы отразили свою искренность и большую преданность этому утончённому поэту посредством написания научных статей и переводом его произведений. Например, Гафур Гулям дважды перевёл в двух стихотворных формах его поэму «Кремль». В дальнейшем лирические стихи Лохути были переведены на узбекский язык Г. Гулямом и другими литераторами.

Таким образом, в тридцатые годы прошлого столетия таджикские литераторы помогали в идейном развитии и творческом процветании узбекских литераторов. По этому поводу узбекский литератор Хамид Гулом написал так: «Я знаю Таджикистан с детства. 30 лет назад я жил в Душанбе, был сотрудником издательства и дружил с таджикскими поэтами. Мне много помогли Мирзо Турсунзода и Мирсаид Миршакар, Фотех Ниёзи Ашурмат.

На самом деле, судьба этого узбекского литератора связана с Душанбе и его прессой. В 1937 году его лишат права обучаться на факультете русского языка и литературы Ташкентского педагогического института по обвинению «Хвост Чулпан», «друг Усмона Носира». Несправедливые обвинения заставили его покинуть Ташкент и приехать в Душанбе. Он начал там свою творческую деятельность в качестве литературного сотрудника газеты «Красный Таджикистан». В этом добром деле ему оказали помощь заведующий отделом литературы Ашурмат Назаров, редактор газеты М. Муллоджонов. Заведующий отделом печати Центрального Комитета коммунистической партии Таджикистана Бободжон Гафуров заботливо взял его под свою опеку. Хамид Гулом так вспоминает эти свои мгновения жизни: «Ко мне, встав из-за стола,

стоявшего в углу комнаты, хромя подошёл полный, симпатичный, круглолицый, широколобый, представительный мужчина.

- Бободжон Гафуров - заведующий отделом печати. - Он взял мои худые руки в свои полные ладони и искренне пожал.

- Присаживайтесь, откройте книжку! - его лицо озарилось улыбкой, будто бы утешал. - Расскажите всё начистоту!

- Книжка состоит всего из нескольких страниц, - сказал я, успокоившись от доброго отношения Гафурова. - Первая страница - школа, рабфак, индустриальный институт; вторая страница - педагогический институт и первые упражнения в стихосложении; третья страница - проблемы, которые грянули на мою молодую голову... вот и всё.

- Понятно... - сказал Гафуров. - Вас хотят принять в редакцию на работу. Только при условии, что под моей опекой. Все будете делать, согласовав со мной. Согласны?

- С удовольствием, устод!» [20, 8].

Позже Хамид Гулом, живя и работая в Ташкенте, был признан как талантливый и плодотворный литератор.

В произведениях Хаида Гулома есть стихотворения, в которых искренне воспеваются дружба и сотрудничество таджикского и узбекского народов. Например, поэт в стихах «Варзоб бурлит» и «Вечно едины» описал «бурление и клокотание», «красоту цветника» [20, 52].

Братство и дружба отражены в стихотворении «Абади якдилем» (Вечно едины). Вот несколько строк, которые на таджикский язык перевёл таджикский поэт Али Бободжон:

«Ҳар гоҳ ба ман савол бидиҳанд:

-Худ узбек кист? Кист тоҷик?

Филҳол диҳам ҷавоб: - Онҳо

Ҳамсояву ҳамдаманду наздик.

Ду ёру бародари қаринанд,

Ду дӯсти баркамол ҳастанд.

Аз рӯи садоқати қадимӣ,
Меҳри дили ҳамдигар парастанд...» [3, 47].

Перевод:

Когда б спросили меня:
- Кто узбек? Кто таджик?
Тотчас дам ответ: Они
Соседи близкие друг друга.
Два приятеля братья родные,
Два зрелых друга.
По древней преданности,
Почитают любовь друг друга...»

В эти годы заметна ещё одна форма творческого сотрудничества таджикских и узбекских литераторов, воспевающих трудящихся, занятых на строительстве Ферганского и Гиссарского каналов. Абдусалом Дехоти, таджикский поэт, по этому поводу писал: «Талантливый узбекский поэт, покойный Хамид Олимджон в одном из своих бейтов очень мастерски выразил сотрудничество людей труда и литераторов:

«Ботирлари канал козади,
Шоирлари ғазал ёзади» [5, 201].

Перевод:

Богатыри роют канал,
Поэты создают газели.

Прекрасно помню, когда в 1940 году в Ташкенте прочитал эти бейты самому Хамиду Олимджону, он, улыбаясь, сказал: «Когда я писал это, то не думал о такой его красоте. Да, жизненные стихи получаются непредвиденно, получаются естественно красиво» [5, 284].

В произведениях Хамида Олимджона таких стихов очень много. Так, к примеру, Абдусалом Дехоти перевёл со всеми тонкостями на таджикский язык его стихотворение «Орзуҳои солинавӣ» («Новогодние мечты»):

«Ҷомҳо пур зи май - хурӯш ба сар,

Мекашад соли нав ба оғушаш,
Ҳаст оё шабе аз ин хуштар?
Дар дили ман ҳавас фузуд оташ» [5, 217].

Перевод:

Бокалы полны вина - буря в голове,
В объятия тянет новый год.
Какая ночь лучше этой?
Зажёг огонь желание в душе моей.

«Рӯямон набинад ҳеч гаҳ чин,
Боз як муддао шавад ҳосил:
Бахтамон бод ҷовидонтар аз ин,
Умрамон - асри пурраю комил!» [5, 217]

Перевод:

Пусть морщины лицо никогда не покроют,
Намерение свершится ещё одно:
Пусть счастье будет вечно как это,
Жизнь - вековая полна совершенства!

Также одним из узбекских двуязычных поэтов в эти годы являлся Чустии. Этот поэт в одной из своих газелей так отразил братскую дружбу таджикского и узбекского народов:

«Рудакий богида Турди сайр этар уз богида,
Лутфий хам Жомий, Навоий бир киши бармогидек,
Мушфиким Машраб газал жомин ширин каймогидек,
Хамза хам Садриддин Айни битта саф байрогидек,
Биттадир услубимиз, хам назмимиз, мазмунимиз,
Ажратиб булмас сира, тожикмисиз, узбекмисиз» [133, 21].

Перевод:

В саду Рудаки прогуливается, как у себя в саду Турди,
Лутфи, также Джами, и Навои, как один цветок садовый,

Мушфики с Машрабом пишут джамийские сладкие газели,
Хамза и Садриддин Айни под флагом в строю едином,
Един наш стиль, также поэзия и содержание,
Невозможно отличить это, таджик вы или вы узбек.

Как поэт, пишущий на двух языках, он написал стихотворение о пройденном пути и невзгодах на таджикском языке:

«Дар шаби зулмат ба дунё омадам,
Дар гулӯ печид фарёди нахуст.
Дар чахоне, ки кушодам чашмро
Зулму ночорию ноадлӣ бируст.
Чун калон гаштам, бидидам халқи ман,
Дар таҳти сад кулфату ранчу балост.
Рӯи шодиро намебинад даме,
Орзуо матлабаш рӯ бар фаност...» [133, 42].

Перевод:

Появился на свет я во тьме ночной,
Застрял в горле первый крик.
В мире, где открыл я очи,
Растут гнёт, нужда и несправедливость.
Я, повзрослев, народ увидел мой,
Находится в горести, страдании и беде.
Радости не видит ни один миг,
Мечты и желания его тленны...

Поэт Чусту написал также ряд произведений: сборник стихотворений «Весна» (1929), «Смерть врагу» (1932), «Ночь у реки» (1936), «На берегу Чирчика» (1937), «Страна» (1939), «Счастье» (1940) и другие.

В годы Второй мировой войны Хамид Олимджон написал стихотворения «Мать и сын» (1942), «Бери в руки оружие» (1942), «Доверие» (1943).

В 30-ые и начале 40-ых годов прошлого века могучий и пламенный узбекский поэт Хамид Олимджон своим высоким поэтическим искусством

прославился в братском Таджикистане. Его стихотворение «Мехр» (Любовь) было переведено таджикским поэтом Мастоном Шерали на таджикский язык:

«Ба чуз васфи саодатҳои инсон,
Набошад баҳри ман баҳти бузурге» [21, 57].

Перевод:

Кроме воспевания счастья человека,
Нет для меня большего счастья».

«Намебинем оё ҳамдигарро,
Хаёли бӯса чун армон бимонад.
Валекин ишқи мо дар рӯи олам
Чу Хуршеди ҷаҳон тобон бимонад» [21, 57].

Перевод:

Друг друга разве не увидим мы,
Досадою о поцелуе останутся мечты.
Но любовь наша на свете
Останется солнцем ярким в мире.

Хамид Олимджон прославлению Родины посвятил очень много стихов, и они отличаются своими новыми образами, притягательными словами, свежими мыслями и содержанием.

«Ба ман гулдастае додию гуфтӣ:
Бигир аз ман барои ёдгорӣ.
Ба чашми тар надонистам чӣ гӯям
Ҷавоби он сукути кӯҳсор» [21, 11].

Перевод:

Букет мне подарив сказал:
Возьми на память от меня.
С влажными глазами не знала, что сказать.
Его ответ гор молчание.

Также олицетворением близости таджикских литераторов к узбекской поэзии является ещё один пример того, что таджикский литератор Сотим Улугзода писал стихи в годы Великой Отечественной войны на фронте на узбекском языке:

«Узок Фаргонадан майдонда жавлон этгали келдим,
Немисларни кириб ер бирла яксон этгали келдим.
Кишига жон ширин, аммо ватан бахти учун, дуслар
Агар лозим экан, жонимни курбон этгали келдим...» [18, 71].

Перевод:

Из далёкой Ферганы пришёл на поле битвы я,
Сравнять с землёй фашистов на поле пришёл я.
Жизнь каждому сладка, но друзья, ради счастья родины
Понадобится если, пожертвовать жизнью пришёл я...

В этот период развития наших поэзий литературные связи приняли постоянный характер и эстетическое содержание. Стихи Гафура Гуляма «Дружественному таджикскому народу» на таджикский язык перевёл таджикский поэт Мухиддин Фархат:

«Сафҳаи таърихи ёру ошноҳои мо
Аз сабоҳи асрҳо ҳамчун шафақ сар мешавад.
Ёфтем аз ҳиммати Модар-Ватан нашъунамо,
Дар канори Осиё чавлонгаҳи мардон бувад.
Панҷакатро аз Варахш, охир, чи фарқ андар шукӯҳ?
Кори ду халқи ба ҳам ёру бародар ҳаст ин.
Вориси Суғди куҳан ҳастем дар водию кӯҳ,
Ҳар ки чӯяд фарқ, гардад таъна дар рӯи замин.
Дӯстии Ҷомию Навоӣ баҳри мо
Ҳаст рамзи дӯстии безаволи халқҳо.
Асрҳои аср монад ҳамсафию ҳамдамӣ,
Байни ин ду халқ н-афтад тафриқа ҳатто каме...» [22, 71].

Уместно отметить, что стихи Гафура Гуляма посвящённые 80-тилетию С. Айни на таджикский язык перевёл таджикский поэт М. Фархат, которые звучат так:

«Ба ту зебида, ҳамчун субҳи содиқ, оқсаққоли,
Дар ин син мешавад, чун субҳидам, умри чавон оғоз.
Чунон умре, ки пур аз ишқу эҷод асту иқболе,
Чунон умре, ки ҳар барно бувад хушбахту сарафроз...
Ватан ҳар лаҳза мегардад тавоно дурахшонтар,
Ҳазорон «Шоҳнома» мешавад хуррам, ҳаёти мо
Барои шаҳасар бинвиштан, эй устои беҳамто,
Сафи аҳли қалам пур мешавад аз навдаҳои тар» [63, 73].

Узбекский поэт Гафур Гулям поддерживал тесные и дружественные отношения с таджикским поэтом Мирзо Турсунзода и перевёл его стихотворение на узбекский язык:

«Эй қалам, шеър аҳлига манзур қурол,
Шод булиб, эл бахтини куйларга сол.
Колмагин тонг чогида гафлатда сен,
Бул мудом халкинг учун хизматда сен.
Кундалик ишларни сев, дoston кил!
Куй билан эл хизматин осон кил!
Дустларинга доимо бергин кумак,
Дилда рух ошсин ва куч олсин билак.
Суз билан гиштлар куйиб, кургин бино,
Мамлакат хуснига сен куйгин бино» [4, 88].

Перевод:

О, перо, достойное поэта,
Радуйся, воспевай счастье народа.
Открой глаза, с утра не будь беспечным,
Всегда будь на службе своего народа.
Люби свои дела и их ты прославляй,

И облегчи труд своих друзей и близких!
Будь опорой друзьям своим.
Пусть возвысится дух и сильной станет рука,
Из слов как кирпичей, создай строение такое,
Чтоб украшало твою страну (державу).

Гафур Гулям перевёл стихотворение «Возвращение» М. Турсунзаде на узбекский язык под названием «Ватанга кайтув» (Возвращение на Родину):

М. Турсунзаде:

«Чун ниҳодам пои худро бар сари хоки Ватан,
Борхо бўсидам аз рухсораи поки Ватан.
Муддате будам агарчӣ дур, аммо дар ёди Ватан,
Мевазонидам ба сар боди фараҳноки Ватан.
Хешро мебинам акнун боз дар оғӯши ӯ,
Боз мехонам суруди тозае дар гӯши ӯ.
Боз мегирам нафас ман аз ҳавои беғубор,
Боз менӯшам ман оби чашмаи пурчӯши ӯ» [125, 235].

Перевод Г. Гулома:

«Мен қачон туккан Ватан тупроғига куйдим кадам,
Тоза рухсорига юз суртиб упардим дам-бадам.
Озгина муддат узоклашдим, бировек ёди анинг,
Бошим узра тонг елидек чеврилар эрди шу дам.
Энди дустлар бағрида узни куриб туйгай кузим,
Кайта айтгайман кулогига бу кун ширин сузим.
Кайтиб олгайман нафас тоза хавосидан анинг,
Кайта ичгайман кониб кайнар булогидан анинг» [4, 83].

Перевод:

Когда я ступил на землю Родины,
Много раз я целовал чистую щеку Родины.
Меня давно не было, но я помню свою родину.
Я дую счастливым ветром Родины.

Я вижу ее сейчас, снова в её объятиях,
Я снова пою ей на ухо новую песню.
Я буду дышать снова непыльным воздухом,
Снова пью воду из её горячего источника.

Это сотрудничество и дружба двух великих поэтов свидетельствует об их близких взглядах и воззрениях, что является очень важным для осуществления перевода стихов друг друга.

Подтверждение дружеских отношений Гафура Гуляма и М. Турсунзаде видно из стихотворения «Барно йигит» (Красавец парень) М. Турсунзаде, написанного в 1963 году и посвящённого 60-летию Г. Гуляма. Оно так звучит на таджикском языке:

«Шастсола шоири маҳбуби мо,
Дӯсти чонӣ, рафиқи хуби мо
Мо ғуломи табъи пурчӯши туем,
Мисли чону тан дар оғӯши туем!
Назбро дарёи бепоён Гафур,
Дӯстиро чашмаи чӯшон Гафур.
...Бо муҳаббат гӯямат барно йигит,
Хушқаду қомат доно йигит,
Кӯҳ ҳам дорад сафедӣ бар сараш,
Рӯд ҳамчин дар руҳи софу тараш.
Назми ту кори чавонӣ мекунад
Бо чавонон зиндагонӣ мекунад...» [17, 230].

Это стихотворение на узбекский язык перевёл узбекский литератор Х. Хомиди следующим образом:

«Ёши олтмиш шоири маҳбубимиз,
Жонажон дусту рафиқи хубимиз.
...Меҳр бирла айтаман: барно йигит.
Хуш кадду, хуш комату доно йигит.
Тогнинг ҳам бошида бордир оклик,

Сой юзида товланиб окмоклик.
Навкиронлардек тетик назминг Гафур,
Навкиронлар барладир, азминг Гафур...
Куйларингдан жуш урар диллар мудом,
Сузларинг куйлаб юрар тиллар мудом.
Булмасин кам, оташин шеъринг сенинг.
Шеърларда куйлаган мехринг сенинг...» [110, 83].

Перевод:

Наш любимый шестидесятилетний поэт,
Джонахон наш лучший друг.
«... Я скажу по-доброму: он хороший парень.
Удачи, удачи, умник.
На вершине горы есть свет,
Вы сможете плавать на поверхности ручья.
Гафур, твоя песня свежа, как навкироны.
Навкироны - барла, твоя решимость - Гафур...
Сердца всегда бьются под твои мелодии,
Твои слова всегда воспеваются языками.
Несмотря ни на что, пламенная поэма твоя.
Любовь, о которой ты поешь в стихах, твоя...»

В 1951 году Гафур Гулям впервые на узбекский язык перевёл прозведение «Индийская баллада» М. Турсунзода и стихотворение «Тара-Чандра»:

«Газал дунёсини тузди тамоман янгидан Бедил,
Шеър бустонинг хусни безди рангидан Бедил.
Суз айтган чоғда эркиндур, Вале пинхон эрур маъно
Мисоли инжуларни багрида яширин тутар дарё.
На муфтий эрди, на мулло, на бетавфик рухоний» [4, 10].

«Хамиша эрди инсоний. Мудан хам Комделар санъатига
Хар замон койил ёронлар севгусин назм

Ипларига тизгувчи Бедил. Мудан овозига мафтуну
Комде раксига шайдо. Кунгил кони билан
Ушшок шеърни айлади пайдо.
Эурсин Комде янглик хусну санъатининг жахонгири
Сен эй раккосаи даврон Тара-Чандри, Тара-Чандри» [4, 10].

Перевод:

Он создал мир газелей полностью новый Бедиль,
Стихотворение слава бюста Бедил от цвета скуки.
Слово свободно, когда оно говорит.
Пример - в лоне жемчуга скрытая река.
Ни муфтий, ни мулла, ни невинный священник.
Он всегда был человеком. Отсюда к искусству юмористов
Всегда нравится стихотворение для влюбленных Бедиль, стрингер.
Очарованный голосом Мудана готов танцевать Комде.
С шахтой Кунгил Ушшок перевернул стихотворение и появился.
Новости Эурсин Комде – Мир искусства Хусну
Вы танцор Тара-Чандри, Тара-Чандри.

В перевод стихов классиков таджикской литературы внёс свой вклад узбекский поэт Гафур Гулям. Среди переведённых произведений классиков таджикской литературы особое место занимают произведения выдающихся представителей персидско-таджикской литературы - касыда (ода) «Шикоят аз пири» (Сетование на старость) Рудаки, стихи из «Гулистана» (Цветника) Саъди, маснави и газели Абдуррахмана Джами, газели на таджикском языке Навои-Фони, рубаи Бедиля. Так, например отрывок стихотворения из «Гулистана» Саъди на таджикском звучит следующим образом:

«Ба чи кор оядат зи гул табақе,
Аз «Гулистон»-и ман бубар варақе.
Гул ҳамин панҷ рӯзу шаш бошад,
В-ин «Гулистон» ҳамеша хуш бошад» [29, 57].

В переводе Г. Гуляя:

«Хар нечук гул дилингни килмас чоғ,
«Гулистон» имдан ол бирор япроғ.
Гул замони беш, олти кундур бас,
Бу «Гулистон» хамиша пок нафас» [4, 10].

Перевод:

Что ты делаешь с тарелкой цветов?
Вот страница из моего «Гулистана».
Цветку пять дней и шесть,
Пусть этот «Гулистон» всегда будет счастлив.

В 50-е годы таджикский поэт Абдусалом Дехоти также осуществлял перевод узбекских поэтов классиков. Так, например, он перевёл газель «Эй, пари» (Эй, пери) узбекского поэта классика просветителя Муками на таджикский язык.

Один бейт газели Муками на узбекском языке звучит так:

«Мулки Хинду Марвдин келсам, топардим эътибор,
Шул эрур айбим, Мукимий, мардуми Фаргона ман!»

В переводе А. Дехоти:

«Гар зи Хинду Марв оям, обрӯ меёфтам,
Айбам ин аст, эй Муқимӣ, мардуми Фарғона ман!» [5, 7].

Перевод:

Коль вернусь в Мерв из Индии, приобрету почёт,
Моя вина является, эй Муками, что я из Ферганы»

Абдусалом Дехоти относился с особой искренностью к узбекской литературе, что отразилось в стихотворении «Муқимӣ, зиндай!» (Муками жив!), написанном в стиле «ширу шакар» - на двух языках:

«...Фахрлан энди, Муками, бу гузал юртинг билан!
Фахрлан энди, шарафли мардуми Фаргона сан!
Тоҷикон ҳам дар сафи узбек бародарҳои худ,
Зинда медоранд номатро дар ашъору суруд» [5, 11]

Перевод:

«... Теперь гордись, Мукими, своим красивым краем!
Теперь гордись, ты Фергана народом славным!
Таджики вместе с братьями узбеками в строю,
Твоё имя в стихах и песнях возрождают.

«Ҳофизи узбек мехонад сурудатро ба шавқ,
«Чон!» мегӯяд рафиқи тоҷики ӯ карда завқ.
Духтари узбек мехонад: «Қародур кузларинг!»
Духтари тоҷик мегӯяд: «Қизил гул юзларинг!» [5, 13].

Перевод:

С охотой твою песню поёт узбекский певец,
«Джон» (душенька) от удовольствия говорит его друг таджик.
Узбечка поёт: «Чёрный жемчуг очи твои!»
Таджичка говорит: «Алая роза губы твои!»

А. Дехоти в своих научных трудах «Великий узбекский поэт и мыслитель А. Навои», «Мастер двух языков и двух литератур» и в десятках других публицистических произведениях старался, чтобы учёные и литераторы обратили внимание на проблемы дружеских и братских связей двух народов.

Лишь стараниями А. Навои при всестороннем изучении возможностей своего родного языка, он пришёл к выводу, что начиная с создания малых поэтических форм (газели, рубаи, кытты), до больших героических поэм и научно-философских произведений, можно создавать всё. Впоследствии он приступил к осуществлению намеченного.

Например, в своей касыде «Тухфат-ул-афкор», написанной на таджикском языке (А. Навои писал на двух языках), имеющей философский смысл, он использовал стиль замысла:

«Шах, ки ёд аз марг н-орад, з-ӯст, вайрони мулк,
Хусрави беқибат хусри билоду кишвар аст» [139, 67].

Перевод:

Шах, не вспоминающий о смерти, причина разрухи государства.

Хосров не думающий о последствии,
наносит ущерб городу и стране.

В пятидесятые годы А. Дехоти перевёл на таджикский язык несколько произведений узбекских литераторов. Например, он перевёл комедию «Сўзани шохй» («Шахское сюзане») известного узбекского писателя Абдулло Каххора, пьесу «Сирҳои дил» (Сердечные тайны) узбекского драматурга Бахрома Рахмонова.

Под воздействием поэзии Хафиза современные узбекские поэты М. Шайхзода, Э. Вохидов, А. Орипов писали одухотворенные стихи в стиле «ширу шакар». Так Максуд Шайхзода писал:

«Юзда хиндий холин курган ухлай олмас етти кун,
Минг бир кеча эртагидир кокилида хар тугун.
Унга манзур булар дея бир бахона тукдим,
Ва Хофизнинг газалидан машхур байтни укдим.
«Дилимни сийласа шояд у Шероз шахри жонони,
Кора холига бергайман Самарканду Бухорони». [111, 89].

Перевод:

Он не мог спать семь дней с индийской улыбкой на лице.
Это как в сказке тысячи и одной ночи.
Я дал ему оправдание, сказав, что они ему нравятся,
И я прочитал знаменитый стих из газели Хафиза.
Может быть, он сочтет мое сердце душой города Шираз,
Полностью отдам ему Самарканд и Бухару.

Написанные в 60-70-е годы узбекской поэтессой Зулфиёй стихотворения «Душабешахр» (Город Душанбе), «Қаробат» (Родство), «Баҳодурони сахро» (Богатыри полей), «Ҳарорат» (Теплота) свидетельствуют о братских традициях и обычаях наших народов и теплых отношениях. Таджикский поэт Мухиддин Аминзода перевёл её стихотворения на таджикский, отрывок из одного из них, «Родство» приводим для примера:

«Гаштанд дучорам ҳама чо ёру бародар,

Ҳар сӯ назари лутфу карам гашт ба ман боз.
Аз меҳру муҳаббат дили мо ғарқи ҳарорат,
Бо қалби самимона бигуфтем ба ҳам роз.
Ин дидаву дилҳо ҳама доранд қаробат,
Зеро шуда пурнур зи як чашмаи хуршед,
Бишнохта номи худу бо ҳам шуда пайваст.
Аз рӯи китобе, ки кунад дӯстӣ ҷовид» [99, 67].

Перевод:

Повсюду встретил я братьев и друзей,
Открылось отовсюду мне щедрость и милосердие.
В тепло погружены от ласки и любви наши сердца,
Поведали тайны сердец с искренней душой.
Родство имеют эти взгляды и сердца,
Так как один у них солнечный источник,
Познав друг друга, мы соединились.
По книге, что дружбу делает вечной.

Таджикский поэт А. Воситзода перевёл стихотворение Зулфии, отрывок которого приведён ниже:

«Дӯст донад, оре, қадри дӯстӣ,
Қадри хешию таборӣ, ёварӣ.
Боз як бори дигар дар ин сафар
Ман ба ин ҳикмат бикардам боварӣ.
Ғар забони мо дигар, манзил дигар,
Орзую максади моён яканд» [22, 83].

Перевод:

Знает цену дружбы, да, только друг,
Цену родства и покровительства.
В этом путешествии ещё раз
Поверил я в мудрость эту.
Хоть наш язык другой, и обитель другая,

Едины наши мечты и цели.

В эти годы наряду с поэтессой Зулфиёй, литературной деятельностью занимались и писали стихи такие поэты, как Миртемир, Шайхзода и Уйгун, стихотворения, которых переводились на таджикский язык. Так, таджикский поэт Абдумалик Бахори перевёл стихотворение «Мухаббат» (Любовь) узбекского поэта Уйгуна:

«Гуфтӣ, ки сафед шуд агарчӣ мӯят,
То ҳол суруди ишқ эҷод кунӣ...
Ин саъю талоши зиндагонӣ чӣ зарур,
Дилро ту агар зи ишқ озод кунӣ?!» [99, 74].

Перевод:

Говоришь, что коль поседела волосы твои,
Творишь до сих пор стихи о любви...
Зачем эти старания и хлопоты жизни,
Коль ты освободишь сердце от любви?!

«Он дил, ки зи завқу шодмонӣ холист,
Бар хонаи вайронаю бекас монанд.
Он дил, ки хабар надорад аз оташи ишқ,
Чун бар раҳи ёри хеш нур афсонад?!» [99, 74].

Перевод:

Сердце без восторга и радости,
Схоже с развалинами и бесприютном.
Сердце без пламени любви,
Как может освещать путь подруге любимой?!

Проведение литературных недель на родине друг друга, начиная с конца пятидесятых годов, стало традиционными.

В конце 60-х годов была проведена Декада таджикской литературы и искусства в Узбекистане, которая отличалась от предыдущих встреч и недель литературы. В состав литературной делегации входили председатель правления

Союза писателей Таджикистана, поэт и академик М. Турсунзода, М. Миршакар, С. Улугзода, Дж. Икромии, Р. Джалил, Б. Рахимзода, А. Шукухи, Ф. Ниёзи, А. Каххори, А. Бахори, М. Каноат, У. Раджаб, Г. Сулаймонова, М. Хакимова и другие деятели искусства. В честь данной Декады издательство художественной литературы имени Г. Гулома издало ряд книг таджикских литераторов: «Избранные сочинения» А. Лахути, «Стихи и поэмы» М. Турсунзода, «Любовь горянки» М. Миршакара, «Улица влюблённых» А. Шукухи, «Песня и река» А. Каххори, «Песня» Б. Рахимзода, «На том свете» и «Староверцы» Ф. Мухаммадиева и другие были переведены такими узбекскими литераторами, как Г. Гуломом, Р. Бободжоном, Чустии, М. Шайхзода, Т. Джалоловым, Ш. Шомухаммадовым, Аширматом и другими.

В конце десятилетия двадцатого века были проведены дни литературы наших народов. Так, в 1989 году в честь 80-летия Джалола Икромии дни таджикской литературы были проведены в городе Бухаре. На этом мероприятии с таджикской стороны участвовали поэты Бозор Собир, Убайд Раджаб, Гулназар, Хабибулло Назиири, литературовед, академик Мухаммаджон Шакури и другие под руководством секретаря правления Союза писателей Ибода Файзулло.

Благодаря независимости появились новые возможности для развития таджикской и узбекской литературы. В эти годы в таджикской и узбекской поэзии более широкое развитие и значение получили философский смысл и человеколюбие. «Получило дальнейшее развитие отображение в образной и действенной форме социальных проблем. Поэтические книги узбекских поэтов: «Ишонч куприклари» (Мосты понимания), «Куш тили» («Объединённый язык») А. Орифова, «Куй авжида узилмасин тор» (В заморозки не порвётся струна) Э. Вохидова, «Яхшидир аччик хакикат» (Хорошее дело горькая правда) Мухаммада Юсуфа, «Ишк кемаси» (Лодка любви), «Сукунат» (Молчание) Рауфа Парфи, «Сабр дарахти» (Дерево терпения), «Бахорим еллари» (Весенние напевы) Мирзы Кенджабаева, «Найсон» (Весна) Абдували Кутбиддина, «Бахтли йул» (Дорога счастья), «Сочлари сумбул» (Волосы красавицы) Эшкобила Шукурова и другие отличаются гражданственностью и конкретным психологическим содержанием,

живительные стихотворения таджикских литераторов - Муъмина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира, Гулрухсор Сафиевой, Фарзоны, Камола Насруллы, Аскара Хакима и других имеют конкретные черты философии, самосознание и всеведущности.

Особо следует отметить, что на основе этого литературного процесса, таджикско-узбекские литературные связи также приобрели новые формы, изменилось их эстетическое значение.

В последнее время в разных формах отражаются личные отношения и изучение взаимного опыта. Здесь можно упомянуть о проведении совместных торжеств, чествование выдающихся литераторов и обсуждение литературных явлений за круглым столом и другие мероприятия.

Например, узбекский поэт и искусный переводчик Джамол Камол перевел рубаи таджикских классиков в стиле аруза под названием «333 рубаи» в 1991 году, «Маснавий маънави» (Месневи духовное) Джалолиддина Руми в традиционном собственном стиле в 2001 году. Также поэт и переводчик Матназар Абдухаким перевёл на узбекский язык рубаи Пахлавона Махмуда в метрическом стиле в 1992 году. Узбекский литератор и переводчик Эргаш Очилов перевёл персидско-таджикские рубаи в своей книге «Минг бир рубои» (Тысяча одно рубаи) в 2009 году.

Таким образом, подводя итоги данного раздела диссертации необходимо сказать, что государственная независимость, придавая новое духовное богатство литературным связям наших народов и укрепляя традиционные формы этого важного фактора прогресса наших литератур, сообщает воодушевление новым видам связей. Взаимные переводы между нашими литературами, обмен опытом и творческие диалоги в рамках декад, недель и дней литературы в наших странах, дружеские личные связи и творческое сотрудничество, издание журналов и совместных газет, научные заседания в форме конференций и симпозиумов являются основой обогащения наших литератур.

1.3. Таджикско-узбекские литературные связи советского периода в высказываниях писателей Таджикистана и Узбекистана

В последние годы благодаря возобновлению политических, экономических, социальных и культурных взаимосвязей двух соседских и братских народов активизировались литературные контакты Таджикистана и Узбекистана, о чем свидетельствует проведение мероприятий различного уровня с их участием. В этой связи наше внимание привлекли к себе высказывания знаменитых таджикских литераторов XX столетия о литературных контактах двух стран и народов. Здесь хотелось бы изложить некоторые из них, чтобы дать оценку процессу данного взаимодействия. Поскольку они были напечатаны в таджикских изданиях, в частности журнале «Садои Шарқ» мы привели все эти выдержки в своем переводе на русский язык.

Мирсаид Миршакар:

«- На угощении, которое было дано в честь столетия Максима Горького во Дворце съездов, мы, группа таджикских литераторов, встретились с узбекским писателем Хафизом Абдусамадовым.

Первый неофициальный тост был поднят в честь удачного завершения Декады таджикской культуры в Узбекистане. Этот тост предложил Хафиз Абдусамадов. Он рассказал, что сегодня в Узбекистане, кого бы вы не встретили или в чей дом бы не вошли, все говорят о таджикской литературе и искусстве, поскольку к Декаде таджикской культуры готовится весь Узбекистан. Мы намерены принять вас как родных братьев и ещё раз показать древнюю дружбу наших народов.

Хафиз сказал правду. Ведь тот дворец дружбы, фундамент которого был заложен мастерами слова Абдуррахманом Джами и Алишером Навои, а Октябрьская революция завершила это строительство, больше прежнего сближает нас, увеличивает нашу любовь и уважение и очищает наши сердца.

После революции свободная таджикская республика испытывала необходимость в большом количестве специалистов. Но в республике

отсутствовали возможности для подготовки высококвалифицированных кадров. Узбекские братья протянули нам руку помощи. В Ташкенте и Самарканде для таджикских выпускников средних школ открылись училища и институты. Из самых отдалённых регионов таджикские бедняки пешком и верхом на лошадях, на ослах потянулись в Узбекистан, и, получив образование, возвращались на службу Родине. Ряд литераторов и работников культуры также были питомцами институтов Ташкента, Бухары и Самарканда. Благодаря этому, узбекский народ хорошо знает имена наших деятелей искусства и литературы, но и хорошо знаком с ними.

Лично я многократно посещал большие и малые города Узбекистана и у меня много близких друзей во всех его городах. Кроме того, за десять-пятнадцать последних лет в Ташкенте переведены и изданы пять сборников моих стихотворений, большинство из которых написаны для детей. Эта забота узбекских друзей стала причиной увеличения числа моих узбекских друзей. Поэтому я не только встречаюсь со своими узбекскими друзьями, но и заочно встречаюсь со своими узбекскими читателями, мысленно пожимаю им руки и вычёркиваю из сердца слово «заочно».

Когда присутствующие услышали мою речь, Шавкат Ниёзи и Расул Хадизаде с улыбкой ответили, что точно такие же слова мы слышали от Мирзо Турсунзаде, Рахима Джалила, Сотима Улугзаде, Фотеха Ниёзи, Джалола Икрами и других, и мы сами с такими же намерениями едем в Узбекистан.

Обычно, когда люди выходят в дальнее путешествие, они с собой берут немного родной земли, чтобы соединить её с водой чужой страны и выпить (для того, чтобы адаптация прошла легко - М.М.). Но нам это не нужно, у нас один воздух, мы пьём воду из одной реки, а электроэнергетическое предприятие «Дружба народов» озаряет наши сердца, дома и путь друг к другу» [103, 76].

М.Миршакар достаточно подробно остановился на том, что дружба народов в самые важные моменты помогала братским народам выправлять ситуацию с развитием экономических проблем. По меткому утверждению поэта, наши народы объединяет одна земля, один воздух, одни традиции и обычаи.

Джалол Икром:

«- Мы много говорили и говорим о дружбе двух народов, об их схожести и взаимосвязи, но обязательно следует отметить, что эта схожесть и связь неповторимы. Как невозможно отделить мясо от ногтя, также нельзя разделить эти два народа.

Мы духовно и исторически едины и живем на одной земле. Всякий, кто сеет рознь между этими двумя народами, является нашим врагом.

Поэтому и наши литературы издревле были созвучными. Хотя и отличается язык, едиными остаются дух, содержание, мелодика и звучание наших слов. Подобно тому, как до Октябрьской революции у нас отсутствовало понятие «художественная проза» в сегодняшнем понимании, у узбеков так же! Проза, подобная произведениям «Чор дарвеш» (Четыре дервиша), «Хотамнома» (Книга о Хатаме), «Чомеъулхикоёт» (Собрание рассказов) и другим, была и у нас, и у узбеков.

Однако сегодняшняя узбекская реалистическая проза начинается с Айни, и у нас это дело было начато Садриддином Айни.

Я в этом своём кратком обращении хочу выразить приветствие и безграничное уважение дружественному и братскому, трудолюбивому и талантливому узбекскому народу. Затем выражаю искреннее уважение писателям и поэтам, особенно высокочтимым прозаикам Узбекистана.

На моё литературное развитие в том числе оказали огромное влияние и узбекские литераторы. В самый разгар моего книгочтения (в двадцатые годы) на меня большое влияние оказали произведения Абдулло Кодир. Та чёткость, совершенство и изящество, которые наблюдаются в наследии Абдулло Кодир, встречаются не у многих литераторов. Первым романом, который я с наслаждением прочитал на узбекском языке, был «Ўткан кунлар» (Прошедшие дни). Это выдающийся роман в полном смысле этого слова! Этот роман и другие произведения Абдулло Кодир оказали на меня положительное влияние.

Знаменитый узбекский писатель Ойбек очаровал меня своим романом «Навои». Абдулло Каххор подобно искусственному ювелиру владеет всеми

тонкостями создания художественной прозы. Приятная и привлекательная проза Гафура Гуляма и Шарофа Рашидова также завораживают. Произведения моего молодого друга Аскара Мухтара, знаменитый роман Исмаили «Фаргона тонг отгунча», сладостная проза Хамида Гуляма, Рахмата Файзи, Суннатулло Анорбаева и других также придают мне безмерное эстетическое наслаждение.

Я несказанно рад и растроган тем, что издательства Узбекистана переводят и публикуют произведения таджикских писателей; тонкие знатоки языка – *узбекские литераторы - прилагают много усилий по переводу и редактированию наших произведений*. Декада таджикской культуры станет новой страницей в книге дружбы таджикского и узбекского народов» [103, 77-78].

Джалол Икромии остановился на том, что узбекская литература сыграла огромную роль в его творческом становлении. Узбекские литераторы практически все были знакомы нам, но самое большое влияние все-таки оказал Абдулло Кодир. Отмечая таджикско-узбекские литературные связи, он подчеркивает ведущую роль С.Айни в становлении и развитии реалистической прозы в узбекской литературе нового времени. В подтверждении этой мысли он приводит высказывание известных узбекских прозаиков и поэтов. При этом он дает высокую оценку мастерству ведущих узбекских художников слова.

Рахим Джалил:

«Когда мне сообщили приятную новость о том, что я тоже поеду на Декаду таджикской культуры в Узбекистан, я сразу же подумал о моём дорогом и почитаемом друге Гафуре Гуляме. Не как о человеке, о горе, которого уже нет с нами, а как об эрудированном и смелом предводителе советской узбекской литературы, об одном из её интеллектуальных основоположников, ценное наследие которого будет жить в веках, и который сейчас находится впереди всех своих коллег по цеху.

Я не могу представить без Гафура Гуляма трудолюбивую и любимую многочисленными читателями армию нашей многонациональной творческой элиты, сегодняшнюю передовую литературу советской нации, её завтрашний день без произведений этого эрудита с великим сердцем, точно также как

невозможно представить узбекскую литературу без Айни, Хамзы, Хамида Олимджона.

Поэтому и в этот раз, когда мы направляем свои шаги в дом дорогого брата Гафура Гуляма в Ташкенте, мысленно я представляю, как он широко раскрывает свои объятия, с искренней радостью выходит встречать нас, и как всегда, он, слегка наклонив свою большую аристотелевскую голову, свои широкие рустамовские плечи, произносит строку из Хафиза Ширази, которую он часто повторял:

- Карам намову фуруд о, ки хона хонаи туст! (Сделай милость и снизойди, ведь этот дом – твой дом).

С Гафуром Гулямом меня впервые познакомил Хаким Карим в фойе Дома Союзов в перерыве первого Всесоюзного съезда писателей. Я заочно знал этого известного уже тогда не только для своих, но и таджикских читателей литератора. Но я никак не мог предположить, что Гафур Гулям свободно владеет нашим языком, более того, он ни в коем случае не путал произношение букв «х» и «х», как это делали многие его соотечественники. В перерыве съезда, мы - трое, зашли в столовую и пообедали. Во время беседы я узнал, что мой новый знакомый хорошо осведомлён и о таджикской классической литературе.

Со временем наше с Гафуром Гулямом знакомство переросло в настоящую дружбу. Как только я проездом находился в Ташкенте, как говорится, моим местом обитания становился его дом, и когда он оказывался на трассе Коканда, по которой он часто ездил, мой дом становился местом его обитания. И даже если нам не удавалось встречаться некоторое время, мы постоянно переписывались.

Однажды, возвращаясь из Москвы, по причине того, что отсутствовала возможность сойти и встретиться с братом, я с ташкентского железнодорожного вокзала отправил ему письмо, в конце которого как пожелание встречи был наспех сымпровизирован следующий рубаи:

О друг мой любезный, Гафур,
Талантлив и смел, без цензур,

Неустанно ты пишешь для советского народа,
Партия твердит тебе: «қандингни ур!

Не затягивая с ответом, Гафур Гулям после упрёков о том, что я, не встретившись, уехал, красочно описал, какие удивительные розы расцвели в его дворе, настойчиво пригласил посетить его дом и завершил своё письмо следующим рубаи:

Душевный мой друг, Рахимджони Джалил,
Сделай милость, зайди, чтоб я душу излил.
Погостил бы с келин три-четыре денька,
И чтоб Пулада с Гульру ты с собой прихватил

Пулад и Гульру в четвертой строке были шуткой, а смысл заключался в том, чтобы я приехал с женой и детьми, кроме того, это был намёк на то, чтобы я ему подарил обещанный томик свежеезданного романа «Пулод ва Гулру».

Гафур Гулям неусыпно ратовал за укрепление дружбы народов, особенно таджикского и узбекского. У него в микрорайоне Себзор Ташкента был знакомый, который женился на девушке из Бухары. Из четверых детей двое старших говорили на языке мамы (таджикском), а двое младших - на языке папы (узбекском). Но все они очень хорошо понимали друг друга. Однажды Гафур Гулям повёл меня к ним в гости и в беседе сказал:

- Эта семья, брат мой Рахим, наглядно отображает прошлое и настоящее двух наших наций. Обрати внимание, у нас с вами не только общие традиции и обычаи, но даже имена. У меня узбека фамилия Гулом, а у вашего Мирзо фамилия Турсун.

- Мы - две стороны одной страницы в книге истории народов, - сказал я в ответ, что сильно ему понравилось, и он, взяв мою руку, крепко пожал её.

Спустя тридцать два года после первой встречи с Гафуром Гулямом, мы вновь встретились с ним два года назад, когда он приехал в Душанбе в качестве гостя пятого съезда писателей Таджикистана. В перерывах между заседаниями съезда мы увлекались беседами. Однажды я прочёл ему стихотворение из романа «Шуроб», написанное на трёх языках - таджикском, узбекском и русском. Газель

ему понравилась. Сейчас не помню, либо он говорил о том, что помнит такое смешанное стихотворение, либо обещает написать его и прислать мне. Но помню, что он вдруг поднял голову, внимательно посмотрел на меня и, положив руку мне на плечо, сказал:

- Рахим, послушай, почему бы нам не собрать воедино такие вот прекрасные стихи в стиле «ширу шакар» из Джамии и Навои, Мукими и Асири, которые по сегодняшний день написаны поэтами обоих наших народов, и не опубликовать их в виде сборника? Хоть бы нашёлся один боголюбивый и заинтересованный человек, чтобы собрать всё это. У этой книги было бы очень много почитателей.

В самый разгар нашей беседы подошёл фотограф и сфотографировал нас вместе с Мирзо Турсунзаде, и эта фотография в дни съезда издавалась в наших газетах, а одна из них хранится в моём альбоме.

Едем домой к моему дорогому брату Гафуру Гуляму. Будем показывать там новинки нашей литературы и искусства, и будем советоваться с нашими узбекскими братьями, в частности с великим советчиком Гафуром Гулямом, для их дальнейшего развития и процветания» [103, 78-79].

Рахим Джалила связывала большая и продолжительная дружба с известным узбекским поэтом Гафуром Гулямом, человеком, который неустанно долгие годы много делал для укрепления дружбы между народами. Очень трогательно и искренне делиась своими впечатлениями о знакомстве с выдающимся узбекским поэтом и прозаиком Г. Гулямом, дружба с которым оставила глубокий след в его творчестве, он подчеркивает, что это помогло ему в освоении многих тонкостей мемуарной прозы.

Боки Рахимзаде:

«- Я также был в составе участников Недели таджикской литературы в Узбекистане, которая проходила примерно девять лет назад. В то время мы в течение одной недели достаточно хорошо погостили на благодатной узбекской земле, выступали среди героев трудовых полей, рабочих заводов и фабрик, учащихся и студентов. Мы много говорили о дружбе и сотрудничестве,

обменивались мнениями с узбекскими писателями, и эти наши взаимоотношения принесли хорошие плоды.

Тогда в ходе одной из бесед мне было предоставлено слово. Я начал свою речь такими словами: в целом, узбеки ушлый народ. И когда я несколько раз использовал слово «ушлый», председатель нашей делегации Сотим Улугзаде начал нервничать и беспокоиться о том, чтобы я не сказал чего-либо, выходящего за рамки приличия и не подобающего гостю. Он постоянно подстёгивал меня словами: говори быстрее, чего ты хочешь?!

Я сказал, что узбекские литераторы сначала повели нас на завод «Сельмаш», затем на пахотные земли, оттуда на строительство Фархадской ГЭС, после этого на ткацкую фабрику, и по пути показали металлургический завод в Бегабаде. Они показали нам эти объекты не без умысла, во всём этом был скрыт тайный умысел, который мы, таджикские писатели, поняли. Цель демонстрации тракторов и посевных земель состояла в том, чтобы мы вместе с этими мощными машинами сеяли зёрна дружбы, на стройке Фархад усилили эту дружбу силой его любви, на ткацкой фабрике крепко связали нити этой дружбы между собой, а на металлургическом заводе закалили эту дружбу. Мои слова так сильно понравились присутствующим, что раздались многочисленные возгласы похвал и одобрения» [103, 80].

Боки Рахимзода, отличающийся искрометным юмором, мастерством подмечать мельчайшие детали в беседах, высказываниях и гостепреимстве узбекских собратьев по перу даже на примере посещения металлургического завода находит метафорическое выражение о том, что этот завод закалил дружбу таджиков и узбеков, а нити ткацкой фабрики еще крепче связали эту дружбу.

Аминджон Шукухи:

«-Привет, цветущий Узбекистан! - говорим мы, и эти слова эхом отдаются от богатых горных недр, плодоносных садов и кипящих городов соседней республики. Таджикский и узбекский народы являются не только соседями, но и совместно проживают. Если взглянуть на географическую карту, то можно понять, что эти две цветущие республики советского востока словно вьющиеся

цветы обвивают друг друга, и подобно влюблённым заключают друг друга в объятия. Мы ежеминутно ощущаем биение наших сердец, наслаждаемся запахом наших цветников.

Судьба таджикского и узбекского народов подобна судьбам наших рек: наши предки смотрели в воды Амударьи и Сырдарьи, видели бескрайние высушенные степи и пели полные грусти и сожаления песни. Но сегодняшние люди благодаря Октябрю провели воды рек в степи, построили новые города и новую жизнь и напевают песни, полные счастья и радости. Сияние общего света освещает дома, а плоды садов украшают наши дастарханы.

В эти торжественные дни Декады таджикской культуры мне представляется, что сам Алишер Навои, поднявшись из глубины веков, приглашает Абдурахмона Джами с его внуками и правнуками к себе на дружеское угощение, и оба этих великих мужа видят воочию свою сладкую мечту и радостно аплодируют.

Здравствуйте, высокочтимые узбекские братья, здравствуй Узбекистан!» [103, 80].

А.Шукахи, поэт с большой буквы и тонкий лирик, в своих воспоминаниях отталкивался от удивительной дружбы основоположника узбекской классической литературы Алишера Навои со своим учителем Абдурахмоном Джоми, совместная творческая работа которых заложила прочный фундамент в дальнейшей традиции литературных связей двух братских народов.

Фотех Ниёзи:

«Наша любовь к братскому узбекскому народу имеет начало, но не имеет конца. И хотя мы - два народа с различными языками, всё же у нас издревле едины душа и сердце. Корни этого единства берут начало в верной дружбе и братстве наших предков. Нити нашей любви и единства связывают мудрость, вера, искренность великих и славных наших представителей, к числу которых принадлежат Алишер Навои и Абдуррахмон Джами.

Пусть эта удивительная традиция будет устойчива в веках!» [103, 81].

Мавджуда Хакимова:

«- В ходе одной из встреч, которая состоялась несколько лет назад с молодыми узбекскими журналистами, беседа незаметно перешла на поэзию. Узбекские товарищи наряду с самыми лучшими мастерами слова поэтессу Зульфию с большим уважением называли Зульфия-апа и прочитали её стихи. Я прочитала стихи Зульфии на таджикском и сказала, что Зульфия-апа своими огненными строками проникла не только в сердца узбекских, но и таджикских читателей. Мы считаем её своей национальной поэтессой.

Эти слова я сказала от всей души, поскольку Зульфия-апа является одной из наиболее излюбленных мною поэтесс. Действительно, писать так искренне и обжигающе, как пишет она - нелегко. Огонь бывает разным. Есть палящий огонь, которого все сторонятся. И есть огонь, благодаря которому потухает тот первый огонь, и он освещает весь мир, озаряет сердца и глаза людей!

Сердце Зульфии-апы, обогреваемое огнём любви к народу, вновь отдаёт это тепло народу вместе со своими строками. Огненные строки льются из её горящего сердца на бумагу, и их искры проникают в сердца людей». [103, 81].

Абдумалик Бахори:

«-В моём альбоме есть фотография, на которой я у театра имени Навои в Ташкенте стою рядом с моими узбекскими друзьями. Помню, что тогда шло заседание, и мы как депутаты присутствовали на нём.

В Ташкенте я никогда не ощущаю себя чужестранцем, с удовлетворением шагаю по улицам и рынкам, паркам и площадям, словно у себя на родине. И это, конечно, не с проста. Между двумя народами, смешавшимися за прошедшие столетия, у которых очень близкая история и судьба, лозунг о дружбе и братстве стал наследственной традицией. Мы видим ярчайший образец этой дружбы в образе Джами и Навои. Ведь недаром Навои о своём наставнике сказал:

«Агар устод май қилса ҳавола,
Ичарман гарчи гардундур пиёла.»

Перевод: Если наставник нальет мне вина,
Выпью, хотя пиала – это весь мир.

Мы, как говорит поэтесса Зульфия, две строки в одном бейте. Каждый раз, когда приезжаю в Узбекистан, я больше прежнего чувствую эту братскую любовь.

Я очень счастлив, что в составе таджикских литераторов еду в Узбекистан и ещё раз буду гостить в городах и сёлах моих высокочтимых братьев. Я твёрдо уверен в том, что наша поездка будет плодотворной» [103, 82].

А. Бахори обратил внимание, прежде всего, на то, что Узбекистан для него является родным домом, и поэтому литература на узбекском языке, впитавшая лучшие образцы классической таджикско-персидской литературы, воспринимается им как родная литература.

Гульчехра Сулаймони:

«-Не знаю, почему, но каждый раз, как наступает весна, я невольно вспоминаю свою малую родину - Бухару, своё детство и молодость.

Я каждый год гощу в Бухаре: вспоминаю своих друзей, годы молодости. Люблю после тесных и узких улочек сразу выходить на широкие и обустроенные дороги города, слышать на каждом шагу родную и сладостную таджикскую речь, смотреть на отголоски древнего полного тайн мира, на маленькие дворики с большими домами, на её бескрайнее небо, люблю её доброжелательных жителей.

Говорят, вода и благоустройство. Вода Амударьи, которая теперь посредством канала протекает через Бухару, придаёт этому древнему городу молодость. Я рада, что наряду с таджикскими литераторами в дни Декады таджикской культуры еду на свою Родину – Бухару, буду вдыхать её животворящий весенний воздух и увижу своих друзей». [103, 84].

Абдуджаббор Каххори:

«-Всякий раз, когда речь заходит о таджиках и узбеках, я вспоминаю семью, в которой есть близнецы, одного из которых зовут Хасан, а другого – Хусейн. Обычно такие близнецы бывают столь похожи друг на друга, что их трудно отличить. Таджик и узбек и есть те самые близнецы в одной семье.

Семья, в которой я родился и вырос, говорила, читала и писала и на таджикском, и на узбекском языках.

В нашей махалле моя мама была единственной женщиной, которая более или менее владела грамотой. Ночами, особенно зимними, в нашем доме собирались соседские девушки и женщины. Среди них было несколько узбечек, хорошо знающих таджикский язык.

Мама читала им стихи из древних книг. Конечно же, наряду со стихами Хафиза и Саади, украшением этих вечеров были вдохновляющие строки Навои. Возможно, это детское впечатление навсегда поселило в моём сердце любовь к узбекскому народу и Узбекистану...

Я неоднократно бывал в Узбекистане и прекрасно знаю гостеприимство и радушие узбекских братьев. Но я никогда не забуду поездку, которую мы с Абдусаломом Дехоти восемнадцать лет тому назад совершили на эту землю. Тогда я был работником газеты «Тоҷикистони Сурх» (Красный Таджикистан).

Наше путешествие началось с города Самарканд. Сначала мы поехали к устоду Садриддину Айни. Узнав о цели нашей поездки, устод начал с воодушевлением рассказывать об истории Ташкента, Ургенча, реки Аму, которая когда-то вливалась в Хазарское море, и посоветовал нам, прежде чем посетить Ташкент, ознакомиться с некоторыми книгами по истории этого города.

После Ташкента мы посетили город Нукус, оттуда поехали в местечко Тахиятош, затем в Худжайли и Ургенч. На обратном пути остановились в Бухаре и ознакомились с древней культурой нашего народа. Мы везде и всегда чувствовали себя как дома и воочию убеждались в том, что таджики и узбеки единые братья.

Сейчас перед новой поездкой невольно вспоминаю те незабываемые моменты. Возможно, и в этот раз мне удастся посетить те города и увидеть своих давних друзей. Память о дорогих друзьях постоянно влечет моё сердце к ним». [103, 86].

1.4. Возрождение процесса таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости

Исторически сложилось так, что Центральная Азия стала общим домом для таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркменов. Однако исторический путь таджиков и узбеков по-своему уникален: это народы, объединённые общей историей и культурой, традициями и обычаями. История народов Средней Азии по своему характерному для развития народа особенностям имеет множество самых различных по объёму и значимости события. Великие народы на своем историческом пути очень много свершений пережили вместе, подставляя плечо друг другу. Братская помощь этих народов в различные исторические периоды помогала им совершенствоваться, развиваться, удивлять многими научными открытиями. Если говорить об таджикско-узбекских, то они ощущались везде и во всем на протяжении очень длительного исторического времени. Вряд на какой-либо территории можно найти народы с такими близкими братскими узами. Б. Г. Гафуров, известный ученый с мировым именем утверждал: «...в Средней Азии самые близкие, и родственные отношения складывались между таджиками и узбеками» [59, 34].

Благодаря дружбе и сотрудничеству народы Средней Азии на разных этапах развития своей культуры во взаимосвязи с друг другом, во времена правления образованных, нацеленных на развитие культуры, науки, музыки, зодчества, удивительный сплав неповторимой цивилизации.

В наши дни, многие бывшие союзные республики, в том числе Таджикистан и Узбекистан, обретшие свою государственную независимость, с новыми взглядами, концепциями укрепляют эту дружбу во благо обеих стран, опираясь на принципы добрососедства и взаимной дружбы. Это позволяет главам правительства Таджикистан и Узбекистана планомерно и уверенно выстраивать политику, гарантирующую достижения незыблемого мира и согласия.

Ориентацию на принципы добрососедства, дружбы и сотрудничества Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев подчеркнул в своём выступлении 10 ноября 2017 года на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания». Он отметил, что народы региона на протяжении тысячелетий связаны узами братства и добрососедства, их объединяют общая история, религия, культура и традиции, а прочной основой устойчивого развития и процветания являются искреннее стремление к взаимодействию и коллективная ответственность стран Центральной Азии за общее будущее.

Президент Республики Таджикистан, много сделавший для возвращения мира и согласия на таджикскую землю во всех своих речах, подчеркивал, что дальнейшее укрепление связи Таджикистана и Узбекистана принесет желанные плоды и еще больше укрепит могущество наших стран, будет служить духовному и культурному обогащению.

Действительно синтез духовности, литературы, музыки и образа жизни двух наших народов не имеет аналогов во всей истории человеческой цивилизации, когда совершенно разные народы по происхождению, языку стали настолько близкими, что появилась поговорка «Они как ногти, вросшие в мясо» - то есть их нельзя разделить и рассматривать их культуру, в особенности начиная с четырнадцатого века разобщенно.

Это наглядно проявляется в доверительных и дружественных отношениях между Президентами Узбекистана и Таджикистана – Шавкатом Мирзиёевым и Эмомали Рахмоном, а также в их стремлении к дальнейшему укреплению братских связей между нашими народами в соответствии с требованиями нового времени.

Всем известно, что во все времена главными глашатаями и проповедниками мира и согласия, дружбы между народами были представители литературы и искусства. Именно они могли пробудить в сердцах правителей любовь к народу и желание служить своему отечеству во благо процветания страны.

Так происходит и в наши дни. Подтверждением этому стало культурно-просветительское мероприятие, организованное весной прошлого года по инициативе Союзов писателей Узбекистана и Таджикистана и посвящённое 108-летию со дня рождения выдающегося таджикского поэта Мирзо Турсунзода, которое прошло на территории Узбекистана. В нём приняли участие таджикские поэты и писатели, учёные и переводчики, а также творческая молодёжь во главе с председателем Союза писателей Таджикистана, Народным поэтом Таджикистана Низомом Косимом. Главная мысль, красной нитью проходившая во всех речах выступающих сводилась к тому, что узбеки и таджики как родные братья, вскормленные одним хлебом и водой, с общими традициями, обычаями и религией, что эти узы братства крепнут еще большей силой благодаря тому, что главы наших государств - Эмомали Рахмон и Шавкат Мирзияев своими решениями и деяниями, своей любовью к обеим народам еще больше подчеркивают общность истории и духовных ценностей.

Примечательно, что в молодые годы Мирзо Турсунзода жил и учился в Ташкенте, общался с выдающимися узбекскими поэтами и писателями и уже тогда создал несколько стихотворений, посвящённых Узбекистану и узбекскому народу. В дальнейшем его творчество продолжало развиваться в тесной связи с известными узбекскими авторами, такими как Айбек, Гафур Гулям, Максуд Шейхзаде, Зульфия, Миртемир обогатила его духовно и способствовала рождению многих замечательных произведений, вошедших в сокровищницу узбекской и таджикской литератур [100, 33].

Одним из активных проводников таджикской литературы в сердцах узбекских читателей является узбек по своей национальности, известный в Таджикистане поэт Улмас Джамол. При постоянной поддержке Мирзо Турсунзаде в Таджикистане зародился и получил мощное развитие литературный круг узбекских поэтов, который долгое время возглавлял Улмас Джамол. Членами этого литературного круга были также и двуязычные поэты Таджикистана. Их произведения печатались в Таджикистане как на узбекском языке, так и в переводах на таджикский язык.

Улмас Джамол внес свою неоценимую лепту в дело перевода произведений таджикских поэтов на узбекский язык. Так, его перу принадлежат предельно близкие к тексту оригинала переводы поэзии М. Турсунзаде, Б. Рахимзаде, М. Каноата, А. Каххори, Л. Шерали, К. Кироматова, М. Хакимовой, Г. Сафиевой и других.

Мумин Каноат, известный таджикский поэт, утверждал: «Улмас - посол двух народов - узбекского и таджикского» [110, 59].

Улмас Джамол многое сделал в укреплении дружбы между узбекским и таджикским народом не только в области литературного творчества, хотя он своими переводами таджикской литературы на узбекский язык достаточно полно представил ее узбекским читателям. Он много сделал как политический деятель для установления стабильности и возрождения мира в Таджикистане. За все его заслуги перед таджикским народом 12 августа 1994 года Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмон направил поздравление к 60-летию, начавшееся словами: «Мой дорогой друг Улмас Джамол!», что является свидетельством громадного уважения высшего эшелона власти республики к заслугам Улмаса Джамола.

По случаю 80-летия Улмаса Джамола в своем поздравительном послании члены Писательского Союза Таджикистана, в лице его президиума, также подчеркивали выдающиеся заслуги поэта и переводчика-билингва, отмечая, что он в своей творческой деятельности наряду с журналистикой внес весомый вклад в развитие таджикско-узбекских литературных связей.

Действительно, начиная с 1969 года по нынешние дни в Таджикистане такими издательствами, как «Адиб» и «Ирфон» было издано более 20 книг Улмаса Джамола в переводе на таджикский язык. Таджикские читатели воспринимали сборники его стихов как оригинальные творения на таджикском языке, даже не думая, что это есть переводы. То есть, таджикские поэты стремились к тому, чтобы сохранить дух оригинала, мысли и чувства поэта, не допуская значительных трансформаций.

Учитывая огромные заслуги Улмаса Джамола в деле укрепления дружественных братских связей таджикского и узбекского народа, У. Джамол. был награжден орденом «Дусти», Государственной премией имени Абдулкасима Лахути и высоким званием «Заслуженный журналист Таджикистан».

Отдельного исследования также заслуживает многотрудная и целенаправленная творческая деятельность другого талантливой поэта и переводчика, узбека по своему происхождению, Джонибека Кувнока.

На витке новых исторических перемен, произошедших в республиках Таджикистан и Узбекистан важную роль в возрождении и укреплении дружбы и связей наших народов во всех областях науки и культуры сыграли и играют политические руководители Таджикистана и Узбекистана Эмомали Рахмон и Шавкат Мирзияев. Их политика в духе гуманизма и добрососедства принесла желанные плоды, еще сильнее и мощнее отражаясь во взаимном уважении и дружеских отношениях двух братских народов. «Независимые Таджикистан и Узбекистан неразрывно связаны традиционной и искренней многовековой дружбой, взаимным уважением и братскими отношениями наших народов, обладающих бесценным культурным и литературным наследием» [100, 8].

После длительного перерыва в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном они с новой силой и рвением возобновились только в 2017 году, когда деятели культуры и искусства Узбекистана посетили Таджикистан. Данный визит стал свидетельством того, насколько близки эти народы по своим культурным традициям, своему менталитету, традициям гостеприимства и многих других аспектах, утвердившихся в течении совместного проживания на сопредельных территориях в течении десятков веков. Те же впечатления получили представители творческой интеллигенции во время проведения Дней таджикской культуры и искусства в городе ташкенте, где на протяжении всего пребывания таджикской делегации царил атмосфера дружбы, добрососедства и братства между народами. В рамках декады состоялась встреча председателя Союза писателей Таджикистана Низама Косима с его узбекским коллегой

Мухаммадом Али. Руководители творческих союзов обсудили множество проблем, накопившиеся за долгие годы [100, 8].

Подобные культурные мероприятия стали символом открытия новой страны в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве двух стран. Главы государств – Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон и Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиязев – в пункте 7 своего совместного заявления об укреплении дружбы и добрососедства подчеркнули: «Главы государств высоко оценили успешное проведение Дней культуры Республики Узбекистан в Республики Таджикистан, и также Республики Таджикистан в Республики Узбекистан в 2017 году» [100, 2].

В приветственном слове Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон сказал, что «интеллигенция, поэты и писатели должны активно переводить и распространять богатое научное и литературное наследие, изучать обычаи и традиции народов, а также организовывать научные, культурные и литературные мероприятия с целью укрепления сближения наших народов на основе созидательных ценностей» [100, 5]. Особое внимание Президентом было уделено проблеме сохранения тех ценностей в отношениях этих братских народов, которые веками были накоплены узбеками и таджиками на их длинном совместном пути реального развития. Присутствовавшие тепло приветствовали выступление Президента, поддержали инициативу Президента в продолжении долгосрочных дружественных отношений на благо процветания народов и продолжения взаимовыгодного сотрудничества на долгие годы. Лидеры обеих стран не представляют процветания одной страны без другой. Только взаимовыгодное сотрудничество, широкие политические, экономические и культурные связи могут дать возможность развития Узбекистана и Таджикистана и определить их достойное место в мировом пространстве.

Народный писатель Таджикистана Ахмаджон Рахматзода, в своём обращении «Дари дилро ба сӯям во намудед» («Распахнули двери сердца навстречу мне») сказал: «В мире существует множество стран, которые, наряду с собственными национальными особенностями и ценностями, имеют

культурные и исторические сходства с другими народами. Однако редко встретишь народы, подобные таджикам и узбекам, которые настолько схожи по нравственным устоям, традициям, обычаям и образу жизни. На протяжении долгого исторического времени эти две нации взаимодействовали друг с другом таким образом, что между ними не оставалось различий ни в целом, ни в деталях» [100, 34].

Особую ценность в дружбе узбекского и таджикского народов и в среде творческой интеллигенции увидел Аскар Хаким. Он придал творческому союзу узбекских и таджикских поэтов особую ценность. Именно в совместном творческом союзе он увидел развитие специфических особенностей двух восточных литератур, соединение образов, тем народов, близких по духу, культуре, менталитете не могло не сказаться на их творческом развитии. В частности он отмечает: «Беседы и чтение стихов Абдуллы Орипова, Эркина Вахидова, Нормуроода Нарзуллоева, Гулчехры Ибрахимовой и других оставили целым мир незабываемых впечатлений» [132, 5].

Большое значение в расширении творческих связей между писателями и поэтами двух стран имеют издания Союза писателей Таджикистана – журналы «Садои Шарк», «Памир» и еженедельник «Адабиёт ва санъат». Перечисленные издания в достаточно большом объеме систематически публикуют лучшие переводы произведений узбекских поэтов и писателей, причем как ранее переведенных, так и переведенных в период обретения государственной независимости. Произведения разных лет имеют свои особые колориты, когда литература была привязана к идеологии, и на современном этапе литературного процесса, когда цензура не в той степени придирчива к тематике и описанию образов. Тем интереснее становится осознание преимущества современного этапа развития литератур этих народов

Кроме того, Союз писателей Таджикистана стремится все время расширять границы сотрудничества, публикуя отдельными изданиями произведения узбекских поэтов и писателей. Примером может служить сборник «Чашмаи Хурӯшон» («Кипящий родник»). Этот и многие другие отдельные

издания поэтов и писателей Узбекистана укарепляют творческое сотрудничество двух союзов. Причем в Узбекистане данному процессу на современном этапе придают колоссальное значение. Мы видим стремление узбекских коллег как можно больше осветить развитие литературного процесса в Таджикистане и позволить своим читателям представить сложный и многогранный аспект развития современной литературы.

Даже беглый взгляд на таджикскую литературу убеждает нас в том, что в творчестве таджикских поэтов часто обращается пристальное внимание на древнюю дружбу двух народов, на ценность и значимость этой дружбы для каждого из нас, указывают на то, как дружба помогает народам выйти из сложных ситуаций. Например, Мухаммадали Аджамии в своём стихотворении «Ду номи ишк» («Два названия любви») отмечает:

«Чу Чомию Навой буда пири ишк,
Ду номи ишк - ҳам тоҷик, ҳам узбек.» [80, 63].

Перевод:

Как Джамии и Навои были старцами любви,
Два названия любви – это таджик, это узбек.

Известный сегодня в современной таджикской поэзии замечательный художник слова Камол Насрулло в одном из своих стихотворений под названием «Таджик и Узбек» с высокой образностью, в духе классиков, следующими словами отобразил неразрывную связь и общность таджиков и узбеков:

«Ду саҳифаи як китоб тоҷик узбек,
Парвардаи як савод тоҷик узбек.
Он кист, аз ҷисме, ки ба як ҷон пайваст?
Гӯям ба ту ман ҷавоб: тоҷик узбек.» [110, 63].

Перевод:

Две страницы одной книги: таджик - узбек,
Воспитанники одной грамоты: таджик - узбек.
Кто тело, связанное одной душой?
Отвечу я тебе: таджик – узбек.

Другой таджикский поэт Саидали Маъмур образно сравнивает единство таджиков и узбеков с ветвями одного дерева - чинара, который живет благодаря живительной влаге воды из одной реки и одной земле, принадлежащей испокон веков обеим народам - двум цветкам одной весны, одного цветника:

«Ҳаммарзу хамчаворанд узбеку тоҷик,
Ду шохи як чаноранд узбеку тоҷик.
Парвардаи як обу як хоку як боғ,
Ду гул зи як баҳоранд узбеку тоҷик.» [110, 66].

Перевод:

Бликие соседи - узбек и таджик,
Две ветви одной чинары - узбек и таджик.
Одна вода, одна земля и сад един,
Два цветка одной весны - узбек и таджик.

На тему дружбы и братства узбеков и таджиков написано огромное число произведений, как в прозе, так и в поэзии, и во всех этих творениях красной нитью проходит главная мысль, что эта дружба уникальна по своей значимости и продолжается уже многие тысячелетия. Образ друга для таджикских и узбекских писателей по своей значимости стоит на одном из главных позиций, имеет особое место и значение. Обращаясь к многовековой истории литературы таджиков и узбеков можно удостовериться, что большинство великих мыслителей наших народов подчеркивали значимость этой дружбы во благо процветания культуры, искусства и науки узбекского и таджикского народов. Следует подчеркнуть, что в укреплении литературных связей значимую лепту внесли не только поэты - переводчики, но также наши ученые литературоведы и прозаики.

В переводе и популяризации творчества известного узбекского писателя Абдулло Каххара определенная заслуга принадлежит нашему таджикскому писателю Равшану Махсумзоду, перу которого принадлежит замечательный рассказ этого писателя «Клевета» - «Тӯҳмат».

Мы уже выше упоминали заслугу таджикских ученых в развитии таджикско-узбекских литературных связей, которые в своих исследованиях на конкретных примерах выявили различные периоды подъемов и спадов этого литературного процесса. Среди этих ученых, следует упомянуть в этом направлении работы Абдужаббора Рахмонзода, Мирзо Муллоахмада, Аламхона Кучарова, Мухаммадюсуфа Имомзода, Муртазо Зайниддинова, Аъзама Худойдодова, Абдушукури Абдусаттора, Мухриддина Низомова, Сироджиддина Эмомали и других. Исследования вышеназванных ученых отличаются новым взглядом и целым рядом заслуживающих внимания выводов и умозаключений, касательно темы таджикско-узбекских литературных связей.

Среди тех, кто своими искренними стремлениями помогает переводить литературное творчество таджикских писателей и поэтов, следует отметить Амонбоя Джуманова и Сулаймона Эрматова, которые ценой огромного творческого титанического труда подготовили и издали в 4 томах антологию современной таджикской прозы. Подобные издания создают благоприятные условия для ознакомления читателя с литературой соседних стран.

Немало для широко сотрудничества сделал и Ато Хамдам. По его инициативе была создана книжная серия «Дружба литератур, дружба народов». В соавторстве с Леонидом Чигриным они написали книгу. «Подвиг двух президентов». Сегодня достойно внимания тот факт, что данная книга Амонбоем Джумановым была переведена на узбекский язык.

Таджикский народ сегодня благодарен узбекским переводчикам и горд тем, что журналистом и писателем Хасаном Бердыкуловым известное на весь мир труд Б. Гафурова «Таджики» был переведен на узбекский язык. Это первый фундаментальный научный труд, который ознаменовал развитие таджикско-узбекских отношений в научной сфере.

После обретения независимости важным шагом в укреплении дружеских связей между нашими странами стали визиты президентов: весной 2018 года Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев посетил Таджикистан, а 17–18 августа 2018 года состоялся государственный визит Президента Таджикистана Эмомали

Рахмона в Узбекистан. Эти события ознаменовали начало нового этапа в истории наших государств и народов. В столице Таджикистана, Душанбе, и по всей стране звучали тёплые приветствия: «Хуш омадед! Добро пожаловать, Шавкат Мирзиёев!», что принесло людям искреннюю радость и надежду.

В ходе визита Президента Таджикистана прошли дружеские встречи, были подписаны 27 документов, направленных на дальнейшее расширение и углубление сотрудничества в политической, торгово-экономической, инвестиционной, финансовой, транспортно-коммуникационной, туристической, здравоохранительной, культурно-гуманитарной сферах, что позволило вывести отношения между странами на качественно новый уровень [100, 10].

Действительно, мудрые и дальновидные лидеры укрепляют связи между народами, способствуют миру и сотрудничеству, продолжая традиции предков. Президент Узбекистана также высоко оценил мужество и заслуги Президента Таджикистана Эмомали Рахмона в деле обеспечения мира и стабильности в стране, подчеркнув: «Это признаёт всё мировое сообщество». Подписанное главами двух государств Совместное заявление об укреплении дружбы и добрососедства между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан несомненно вывело отношения между странами на новый уровень и уже приносит конкретные результаты.

Государственный визит Президента Таджикистана Эмомали Рахмона 17–18 августа 2018 года в Узбекистан, проведённый в рамках конструктивных встреч и переговоров, стал историческим событием для обеих соседних стран. Желание развивать дружеские отношения, и воля народов двух государств ещё больше сплотили их на пути к развитию и светлому будущему. В ходе визита были определены приоритетные направления дальнейшего сотрудничества, направленного на его долгосрочное и масштабное развитие. [100, 4].

За большие заслуги в укреплении добрососедских отношений и дружбы между двумя таджикским и узбекскими народами, развитии культурно-гуманитарных связей, экономического сотрудничества, а также за вклад в сохранение мира и стабильности в регионе, согласно указу Президента

Республики Узбекистан, Президент Таджикистана Эмомали Рахмон был награждён орденом «Эл-юрт хурмати».

Эмомали Рахмон отметил инициативы Президента Узбекистана по проведению масштабных реформ, укреплению стабильности в регионе. «Говоря о прочной дружбе наших народов, которые издревле поддерживали родственные и добрососедские связи, прежде всего вспоминаются искренние отношения между выдающимися представителями восточной литературы – Мавлоно Абдуррахмоном Джами и Алишером Навои. Их безграничное взаимное уважение, которое на протяжении веков символизирует дружбу, согласие и литературные связи между нашими народами, служит примером для интеллигенции, особенно для молодых писателей и поэтов» [100, 40].

Академик Академии наук Республики Узбекистан и профессор Самаркандского университета Аслиддин Камарзода выступил с докладом «Положение таджикского языка в Узбекистане» на Международной конференции «Межлитературные связи и взаимопроникновение культур», где в аналитической форме представил перспективу сотрудничества двух стран, указал на роль лидеров двух стран – Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзияева и Основателя мира и национального единства, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, в деле укрепления и развития и расширения дружественных связей двух стран, стремительное развитие экономических и культурных связей.

Особо следует отметить тот факт, что расширение литературных связей двух стран создали определенные условия расширения творчества литературных критиков. Литературная критика представляет определенный барьер, фильтр для не очень совершенного с точки зрения современного литературного процесса произведения. Для примера можно привести несколько критических статей, которые были посвящены творчеству отдельных писателей и поэтов. Статья Замиры Ульмасовой посвящена критическому анализу произведения писателя Фаридуна Фарходзода. Творческой деятельности Носира Саиди посвящены статьи Субхона Азамзода и Рамизи Абдуллы. К подобным статьям можно также

отнести: статьи Хафиза Рахмона «Айни и Сервантес», Умеды Гаффоровой «Связь между арабской и аджамской литературой», Мухаммадюсуфа Имомзода и Муртазы Зайниддинзода «Захват сердец», А. Рахмонзода «Литературные и культурные связи таджикского и узбекского народов», Низома Косима – «Поэт любви и справедливости», «Зелёные росточки связи», «Хранитель великой литературы», а также Равшана Махсумзода – «Литература не имеет границ».

В этот период узбекскими и таджикскими поэтами-переводчиками была издана серия книг переводов таджикских поэтов, среди которых особо следует отметить такие книги переводов как: «Такдир тегирмони» - Ташкент, 2005; «Хирмани сухан» - Ташкент, 2019; «Хангомаи донишдех» - Самарканд, 2021; «Олами Машраб. Машраб олами», Тошкент, 2020; Махмудхоча Бехбудй. «Падаркуш» - Самарканд, 2021; «Бодбараки хаёл» - Самарканд, 2021; «Дарахти дӯстӣ» - Тошканд, 2021; «Хонаат бо дӯст обод» - Ташкент, 2019; Абдурахмон Жомий «Рисолаи аруз» - Тошкент, 2021; «Замонавий тожик шеъри антологияси» - «Антология современной таджикской поэзии» - Самарканд, 2020 и др., которые наметили новые подходы в школе узбекского и таджикского перевода.

На самом деле дружба этих двух народов издавна выражалась не только в традициях и обычаях, но и в их культурных и литературных связях, и приобрела огромную популярность. Полагаем, что благодаря визиту высокого гостя, Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и литературной и культурной политике Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, эта дружба будет и дальше расти. Братство этих народов разносится повсюду, как голуби мира, делая имена обоих народов еще более известными на мировой арене [100, 40].

ГЛАВА II
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРИОД
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ
(ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПОЭТИКИ ОРИГИНАЛА)

2.1. Проблемы перевода поэзии и способы их решения

Перевод буквально означает замену текста или речи, написанных на одном языке, текстом или речью, написанными на другом языке. «С точки зрения целевого содержания перевода такая замена чаще всего выражается в создании текста (или речи) на другом языке, максимально полно соответствующего смыслу, стилю и художественности исходного текста при строгом соблюдении норм и законов языка перевода» [48, 59].

Переводческая деятельность выходит за рамки чисто лингвистического или текстового процесса. Процесс перевода, а также возникающие при нём проблемы и трудности обусловлены множеством объективных и субъективных, языковых и неязыковых факторов. К числу таких факторов относятся, прежде всего, единство и познаваемость мира, отражаемого человеческим сознанием, а также универсальность категорий мышления, которые делают перевод возможным. Далее – сходство и различие языковых структур, способы и средства отображения явлений, особенности языка, возникающие из различий культур, быта и исторического опыта народов, психология восприятия действительности, а также характер аудитории, для которой выполняется перевод.

На процесс и результаты перевода значительное влияние оказывает объём коллективного переводческого опыта: наличие переводческих школ, развитие специализированной переписки, качество двуязычных словарей, количество переводной литературы с данного языка и др. Всё это тесно связано с длительностью и интенсивностью языковых контактов между рассматриваемыми этносами – в данном случае таджиками и узбеками. При этом

главным действующим лицом в переводе остаётся сам переводчик. «Искусство поэтического перевода – это искусство переносить потери и допускать трансформацию. Без этого невозможно играть в единоборство с поэзией на иностранном языке» [45, 5].

Главное для переводчика – чётко понимать, какие потери допустимы в каждом конкретном случае и в каком направлении допустима трансформация текста. Чрезмерная строгость переводчика, его неспособность выйти за рамки буквального следования автору – за рамки метафор, каламбуров и образных выражений – может привести к катастрофическим результатам, создавая мертвые, безжизненные переводы. Переводчик, особенно если он сам поэт, может одновременно быть и очень далёким от оригинала, и очень близким к нему.

Ключом к успешному переводу является глубокое знание родного и иностранного языка, истории и реалий страны, где говорят на этом языке, общеобразовательная подготовка, собственный опыт и навыки переводчика, знание тематики исходного текста, умение анализировать и учитывать все перечисленные обстоятельства.

На практике процесс перевода включает три этапа:

- 1) семантический, стилистический и художественный анализ исходного текста;
- 2) поиск функциональных соответствий и построение переводного текста;
- 3) контрастивная проверка переводного текста по отношению к исходному и его окончательная доработка.

Иными словами, перевод требует глубокого понимания смысла, стиля и образности исходного текста. Для этого необходимо многократное чтение текста с опорой на словари и справочные материалы до тех пор, пока содержание, стиль и художественные особенности не станут полностью ясны. На этом этапе особенно важно, чтобы переводчик хорошо разобрался в предмете перевода.

Стремление к буквальной точности особенно опасно для поэзии, в особенности романтической. Переводчик неизбежно сталкивается с трудностями, когда пытается подобрать слова, максимально близкие к оригиналу. Подобное стремление к буквальной верности часто сопровождается готовностью жертвовать содержанием или вносить замены, чтобы строго соответствовать тексту оригинала.

Такая ошибка называется буквализмом. Абсолютно точный перевод возможен лишь в редких исключениях. Чаще всего стихотворный перевод невозможен без определённых жертв, пропусков или замещений элементов текста. Как отправитель литературного текста, «переводчик может занимать различные стилистические позиции, характеризующие его личный художественный код по отношению к инвариантному содержанию оригинала» [45, 57]. Именно эти позиции занимают переводчики в отношении передачи стилистических кодов на язык перевода. Необходимо учитывать временные различия между исходным и переводным текстами, а также различия между культурами. Культурные различия возникают, во-первых, из-за различий во времени создания литературных произведений, а во-вторых – из-за различий в литературных эпохах, что особенно важно для переводчика. Несоответствие стиля оригинального текста и стиля перевода в первую очередь проявляется на лингвистическом уровне.

Что касается соотношения личного стиля переводчика и стиля современной литературы, очевидно, что переводчик должен учитывать изобразительные средства, нормы языка и особенности восприятия читателя, так как он работает для современной аудитории. Невозможно, например, перевести таджикско-персидский язык XI века на современный узбекский язык «Узбегим» Эркина Вахидова. Поэтому при работе с текстом необходимо применять специальные принципы, сохранять стиль и одновременно учитывать интересы читателя, которому адресовано произведение.

Также важным аспектом является соотношение индивидуальной поэтики оригинала и переводного текста. Коммуникативная функция перевода играет

ключевую роль в его существовании как текста. О том, насколько перевод подвержен времени, свидетельствует факт его устаревания: когда один перевод заменяется другим, меняется опыт читателя, меняются интерпретация и воплощение произведения.

Поэтическая структура художественной речи находит своё отражение в поэтическом переводе. Подобно анализу прозы, здесь приходится учитывать «стилистические ключи», ритм, интонацию, синтаксическую организацию, художественные образы и другие литературные элементы. Все эти составляющие, однако, подчинены строгим законам поэзии. В этом смысле известные теоретические принципы получают новое практическое воплощение, требующее уточнения и конкретизации.

Известно, что поэзия характеризуется чётким, чаще всего удлинённым ритмом, выражаемым законами поэзии через тональные единицы и их разнообразные сочетания. Интонация поэзии обладает музыкальным оттенком, который сильно отличается от обычной музыки, и поэтому поэту вовсе не нужен музыкальный слух в привычном понимании. Так, например, у таджикского поэта Лоика Шерали не было музыкального слуха, но его поэзия обладает исключительной музыкальностью благодаря внутреннему лиризму и тональной выразительности. В подобных случаях поэт опирается на другие источники музыкальности, связанные со смыслом и выразительностью слов. «Музыка поэзии рождается не в абстрактном звучании слов, а в слиянии звука и смысла, звука и выраженной мысли» [60, 9]. «Поэтическая музыка зависит от ритмической структуры, а ритм, в отличие от прозы, здесь не зависит от синтаксиса, а, наоборот, влияет на синтаксическую структуру своим метром» [40, 43].

Поэзия отличается своей уникальной художественной техникой, которая более лаконична и нетрадиционна по сравнению с прозой. Особенности проявляются и в других художественных и языковых элементах. При анализе поэтического перевода целесообразно использовать ту же методологию, что и при исследовании прозаического перевода. Главное отличие поэтического

перевода заключается в его относительной свободе. Жёсткость конструкции и идиоматичность разговорного языка поэзии чаще препятствуют установлению прямого соответствия между оригиналом и переводом, чем в прозе.

Если анализ прозаического перевода показал ограниченность принципа прямого языкового соответствия, то при изучении поэтического перевода становится очевидным, что ключевые характеристики классической поэзии как организованной формы речи, выраженные через артикуляцию, не допускают ни прямого языкового соответствия, ни прямой артикуляции. Кроме того, важной особенностью поэтического перевода является проблема просодической передачи, которая вызывает многие трудности при переносе стихотворения на другой язык.

Композиция стихотворения, основанная на устойчивой ритмической структуре, требует, чтобы для нахождения «стилистического ключа» к оригиналу переводчик прежде всего понял ритм и метр. Ритм поэтического произведения связан как с содержанием текста, так и с интонацией, соответствующей этому содержанию. Совокупность этих элементов формирует стиль стихотворения, а поэтический метр организует его структуру.

Согласно принципам реалистического подхода к переводу, поэтический оригинал предстает как условная художественная реальность, которую отражает перевод. При этом перевод облакает текст в особую поэтическую ткань. Рифма по своей природе тесно связана с особенностями языка: длиной слов, формами их изменения, ударениями, а также с ритмами, выработанными веками через труд, танец и песню, которые отражают психическую структуру людей. Эти элементы, вместе с другими специфическими характеристиками, придают поэзии каждой нации уникальный национальный колорит и тесно связывают её с фонетикой, соотношением синтаксиса и средствами ритма и интонации.

Классическая персидско-таджикская поэзия строилась на соотношении коротких и долгих слогов, характерных для арабского языка. Было создано 24 разновидности размеров аруза и соответствующие им строфы. Долгие слоги старых песен условно заменялись ударными, а краткие – неударными. Также

существовали тонические стихи, основанные на распределении ударных слогов (например, в таджикской и узбекской народной поэзии), слоговые стихи с равномерным распределением слогов (в узбекской поэзии) и слогово-тонические стихи (в иранской и таджикской поэзии), где количество слогов и ударных слогов распределено поровну. Уже на основе базовых знаний о составе поэзии можно заметить различия, вызванные особенностями языков. Сравнение стихотворений на разных языках показывает, что различия проявляются не только в лексическом материале, но и во всей поэтической системе.

Ритм прозы менее точен и не так чувствителен: общая интонационная окраска почти не меняется при добавлении или удалении одного-двух слогов. В поэзии ритм точен и ясен. Передать ритм оригинального стихотворения проще, чем метр, который часто невозможно воспроизвести на другом языке. Поэтому поэтический перевод стремится передать соотношение ритма и интонации, а не точный метр всех единиц. Поняв содержание и уловив стилистические и образные особенности, переводчик ищет эквивалентные функциональные соответствия и строит переводной текст.

Соответствие перевода может быть буквальным или небуквальным в зависимости от степени близости языков, участвующих в переводе, однако оно всегда должно быть функционально эквивалентным – сохранять смысл, стиль и художественную образность оригинала, а также учитывать экстралингвистические факторы. Частичное сходство таджикской и узбекской языковых систем позволяет переводчику практически точно передать содержание текста на другом языке (за исключением особенностей словосочетаний, артиклей и вспомогательных грамматических функций), соблюдая при этом нормы языка и принципы перевода.

Во многих случаях переводчику приходится отходить от исходной формы текста из-за грамматических, лексических или стилистических различий между языками либо по экстралингвистическим причинам, создавая при этом функциональные соответствия, которые могут быть не полностью адекватными. Для этого применяются различные лексические, грамматические и лексико-

грамматические приёмы. Нелингвистические соответствия особенно часто встречаются в поэтическом переводе.

Сегодня большинство исследователей склонны соглашаться с тем, что приоритет в стратегии перевода смещается в сторону поиска такой формы, которая наилучшим образом передаёт содержание оригинального текста. Именно форма, через которую выражено содержание, играет ключевую роль в процессе перевода.

Каждый язык обладает своими уникальными средствами, характеристиками и особенностями, настолько отличными друг от друга, что для точной передачи отдельных образов и выражений иногда необходимо заменять их на эквиваленты в переводе. «Подходящий образ или подходящая фраза не обязательно определяются видимым соответствием слов, но внутренняя жизнь переведенного произведения должна соответствовать внутренней жизни оригинального произведения» [79, 21]. Любая попытка полностью передать произведение в точном соответствии с оригиналом практически обречена на неудачу. Практически никто не сомневается, что исторически сложившаяся система языковых знаков, отражающих человеческую деятельность, существенно отличается между языками, иногда настолько, что в процессе перевода приходится использовать лингвистические средства, полностью отличные от тех, что применяются в оригинальном тексте. «Задача переводчика - полностью и точно передать содержание оригинального текста средствами другого языка, сохранив при этом его стилистические и выразительные особенности» [79, 22]. Другими словами, важна полнота перевода: «Под «полнотой» перевода следует понимать объединение формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является идентичность информации, передаваемой на разных языках, то унифицированным (полным или правильным) может быть только такой перевод, который передает эту информацию эквивалентными средствами. Другими словами, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что написано в исходном тексте, но и то, как это сказано в исходном тексте. Это

требование относится не только к переводу всего текста, но и к переводу отдельных его частей» [79, 29].

Ранее основное внимание уделялось передаче формы сообщения, и вершиной мастерства переводчика считалось точное воспроизведение стилистических особенностей текста, таких как ритм, рифма, игра слов, параллелизм и необычные грамматические конструкции. Сегодня акцент смещён с формы на восприятие текста получателем. Перевод понимается как воспроизведение на языке перевода максимально близкого естественного эквивалента оригинального сообщения – прежде всего по содержанию, а затем и по форме. Переводчик должен стремиться к эквивалентности, а не к полной идентичности. Иными словами, приоритет отдается передаче смысла, а не точному сохранению формы. Поскольку содержание сообщения играет главную роль, именно оно должно быть сохранено в первую очередь, тогда как форма, за исключением поэзии, вторична. Это объясняется тем, что каждый язык обладает сложными и неоднородными правилами сочетания содержания и формы.

На основе вышеизложенного представляется возможным подчеркнуть ключевые моменты процесса перевода, которые состоят из следующих правил:

1. Во всех случаях содержание должно быть передано с минимальными потерями или искажениями.

2. Очень важно максимально передать коннотативные аспекты, эмоциональную окраску и воздействие текста. Этот вопрос трудно объяснить и еще труднее реализовать, но задача крайне важна.

3. В процессе передачи текстового содержания и коннотации с одного языка на другой, «если можно сохранить некоторые элементы формы исходного языка, то это следует сделать. Однако ни в коем случае нельзя допускать, чтобы форма преобладала над другими аспектами оригинального произведения» [146, 69].

Другими словами, главная цель перевода заключается в передаче содержания через форму, при этом сохранение самой формы является второстепенной задачей и ограничено возможностями конкретного текста.

Иногда форма жертвуется полностью, особенно при переводе образных или фразеологических выражений, характерных для данного языка. Например, слово «дугоник» можно перевести как «два брата, рожденные одновременно», однако в словаре дается более упрощенный вариант – «близнецы», удобный для понимания.

Передача содержания – это ключевая задача перевода, которая до сих пор полностью не решена. Возникает вопрос: насколько глубоко следует проникать в смысл оригинального текста? Разные люди будут интерпретировать один и тот же текст по-разному. Это особенно наглядно проявится в практическом разделе, где будут рассмотрены несколько вариантов перевода одного стихотворения Мирзо Турсунзоды и Лоика Шерали.

Перевод стихотворение. Существует три подхода к переводу стихотворения. Первый способ – случайный: переводчик использует рифму и размер по своему усмотрению, вводит собственную лексику, часто чуждую автору, удлиняет или сокращает текст. Такой перевод можно считать любительским.

Второй способ – более осознанный, когда переводчик делает примерно то же самое, но теоретически обосновывает свои действия, утверждая, что если бы автор писал на языке перевода, он бы сделал это именно так. Этот метод был распространен в XVIII веке, затем в XIX его отвергли, однако следы его сохраняются и сегодня. Некоторые переводчики до сих пор считают допустимым изменять размер стиха, например, четырехстопный рубаи превращать в пяти- или шестистопный, отказываться от рифмы или вводить новые образы. Главным оправданием служит сохранение духа произведения.

Однако истинный поэт использует форму как средство выражения духа, и именно на этом методе будет сосредоточено внимание в следующем разделе данной главы диссертации.

Выбор образов. Первое, что привлекает внимание читателя – часто подсознательно, но именно это является главным: поэт мыслит образами, а значит, главными становятся не мысли в привычном смысле, а сами образы.

Количество образов ограничено жизненным опытом, и поэт редко создаёт их заново; его индивидуальность проявляется в отношении к этим образам, в их интерпретации и сочетании.

Например, персидский поэт воспринимает розу как живое существо; средневековый поэт видит в ней символ любви и красоты; у Пушкина роза – это красивый цветок с аккуратным стеблем; у Майкова она чаще выступает как украшение или аксессуар; у Вячеслава Иванова роза приобретает мистическое значение. Очевидно, что в каждом случае выбор и комбинация слов принципиально различны. Так, Эдгар По производит особенно сильное впечатление в «Словах ворона, говоря и слегка намекая на подводное течение темы. Если кто-то переведет того же «Ворона» более тщательно ради внешне прекрасных движений птицы и менее ради тоски поэта по умершей возлюбленной, он погрешит против идей автора и не выполнит взятую на себя задачу» [79, 76-87].

Соблюдения количества строк и строф. Сразу после выбора образа перед поэтом возникает задача его развития и соразмерного раскрытия. Эти аспекты определяют длину строк и количество строф. В этом случае переводчик должен строго следовать авторскому замыслу: невозможно сохранить образы и одновременно сокращать или удлинять их без изменения тональности стихотворения. При увеличении или уменьшении числа строк меняется степень напряжения и выразительность образа, будь то краткость или неопределённая образность.

Что касается строф, каждая из них формирует особый ход мысли, отличающийся от других. Например, в рубаи смысловая антинomia раскрывается в четвертой строке, тогда как первые две строки задают позицию и взаимодействие с третьей. Четвертая строка часто выполняет функцию ключевой, сжимая смысл в конце строфы, иногда даже в последнем слове. В маснави классиков персидско-таджикской поэзии, где соблюдается принцип парных рифм, каждый байт сохраняет самостоятельность, оставаясь связанным с последующими. Итальянские сонеты, рифмующие только женские рифмы,

отличаются лиризмом и торжественностью, но мало подходят для повествования. В газели повторение слов и выражений в конце каждой строки создаёт ощущение орнаментов и заклинаний. Расширенные октавы придают повествованию мягкость и пространственность, недостижимую в других строфах.

Даже в простых строфах, как четверостишия и двустишия, поэт учитывает их особенности, порой интуитивно. Чтобы глубоко понять творчество поэта, важно знать, какие строфы он предпочитает и как их использует. Соответственно, переводчик обязан воспроизвести строфы точно, сохранив их структуру и функциональное значение.

Вопросы сохранения стиля. Что касается стиля, переводчик должен хорошо владеть поэтикой автора, так как она напрямую влияет на передачу текста. Каждый поэт использует свой уникальный словарь, часто подкреплённый собственными теоретическими представлениями. Например, С. Айни настаивал на применении просторечий, Абулькасим Лахути – на использовании слов в их исходной форме, Лоик – на точности, а Бозор Собир – на простоте и свободе выражений.

В поэзии часто встречаются такие приёмы, как повторение, параллелизм, инверсия, многоточие, точное указание времени и места, вставки цитат и другие элементы, создающие особое, почти гипнотическое воздействие на читателя. При переводе их следует стараться сохранять, жертвуя менее значимыми деталями. Также многие поэты придавали большое значение рифме, что необходимо учитывать для точного воспроизведения их художественного замысла. Камол Насруло в своей книге «Шеър чист ва шоир кист? Андар шинохти шеър» (Душанбе: «Адиб», 2020) - «Что есть поэзия и кто есть поэт?» утверждает, что «рифмующиеся слова сначала появляются в сознании поэта как направляющие слова и составляют каркас стихотворения: поэтому желательно, чтобы хотя бы одно из пары рифмующихся слов совпадало со словом в конце исходной строки» [85, 23].

Трудность передачи звуковых аспектов стиха. Передача звуковой стороны стихотворения – одна из самых сложных задач для переводчика. Русский слоговой стих пока недостаточно развит, чтобы воспроизвести персидско-таджикские ритмы, тогда как узбекская поэзия, унаследовавшая систему аруза от таджиков и персов, способна передать ритмику таджикского стихосложения по нескольким причинам. Во-первых, в узбекском языке присутствует большое количество персидских и арабских слов. Во-вторых, возможны свободные комбинации узбекских лексем, совпадающих с таджикскими. Кроме того, таджикские рифмы не чужды узбекской поэзии, что облегчает передачу ритма. Тем не менее, соблюдение этих условностей обязательно, так как они создают близкое впечатление, аналогичное оригинальному.

Каждый метр обладает своей «душой», индивидуальностью и особой схемой. Переводчик должен определить характер авторской рифмовки и строго следовать ей. Важное значение имеет также перенесение предложений с одной строки на другую, или enjambment.

Таким образом, переводчик должен быть поэтом, внимательным исследователем и проницательным критиком. Он выбирает наиболее характерные элементы автора, жертвуя другими при необходимости, полностью подчиняясь авторской индивидуальности и оставляя собственное «я» на втором плане. В идеале перевод не должен «подписываться» собственным стилем переводчика. При переводе рекомендуется учитывать:

- 1) количество строк;
- 2) метр и размер;
- 3) чередование рифм;
- 4) особенности enjambment (перенос предложения с одной строки на другую);
- 5) характер рифмы;
- 6) стиль словоупотребления;
- 7) виды сравнений;

- 8) специальные художественные приёмы;
- 9) тональные сдвиги.

2.2. Жанрово-стилистические особенности современной таджикской поэзии в восприятии узбекских поэтов-переводчиков

2.2.1. Вариации поэзии Мирзо Турсунзаде в переводах современных узбекских поэтов: проблема адекватности

Исследуя переводы произведений таджикских поэтов на узбекский язык в годы независимости следует отметить, что в рассматриваемый период в этом направлении проявился совершенно новый подход к прочтению и восприятию таджикской поэзии. С начала 30-х до первой половины 50-х годов переводом таджикской поэзии в основном занимались отдельные известные узбекские поэты – Г. Гулям, Уйгун, А. Каххар, М. Шайхзаде, Миртемир, Зулфия, Р. Бободжон. В последние десятилетия к ним присоединились новые имена: Джамол Камол, Улмас Джамол, Кибриё Каххарова, Джонибек Кувнок, Истад Касымов, Самандар Вахидов, Одил Икромов и другие. Эти мастера слова перевели на узбекский язык лучшие произведения классиков и современных таджикских поэтов.

При анализе переводов таджикской поэзии на узбекский язык в годы независимости следует выделить два важных момента. Во-первых, произведения таджикских поэтов всё чаще переводятся напрямую с оригинала, без использования языка-посредника или подстрочников. Во-вторых, наряду с профессиональными переводчиками, в работу включились талантливые поэты и писатели.

Кроме того, к переводу активно подключились молодые поэты с новым мировосприятием, что проявилось в свежем прочтении ранее переведённых произведений классической и современной таджикской поэзии. В этом контексте стоит упомянуть сборник «Тўғли диёр кўшиқларй» («Песни земли») в переводах

О. Джуманова и Дж. Тошматова, включивший произведения Абдумалика Бахори, Урун Кухзода, Мехмона Бахти, Кароматулло Мирзоева, Ато Хамдама, Джонибека Акобирова и других.

С 1991 года и до настоящего времени на узбекский язык переведены произведения более десяти классических и современных поэтов. Так, Джамол Камол перевёл «333 рубаи» (Ташкент, 1991), а также пятитомное «Маснавий маънави» Джалалиддина Руми (Ташкент, 2001–2007). Узбекский поэт-переводчик Эргаш Очилов подготовил книгу «Минг бир рубои» («Тысяча один рубаи») с переводами таджикской и персидской поэзии (Ташкент, 2009).

Особого упоминания заслуживает труд одного из ведущих узбекских переводчиков последних десяти лет, подготовившего и издавшего в 2011 году на узбекском языке «Антологию современной таджикской поэзии» – «Замонавий тожик шеърияти антологияси». В антологию вошли произведения таких известных таджикских поэтов, как С. Айни, А. Лахути, Пайрав Сулаймони, Гулчехра Сулаймони, Мирсаид Миршакар, Мирзо Турсунзаде, Боки Рахимзаде, Лоик Шерали, Бозор Собир, Мехмон Бахти, Низом Косим, Рустами Вахоб, Фарзонаи Худжанди и другие. Эта антология демонстрирует мастерство и глубину восприятия таджикской поэзии узбекским переводчиком.

Особое внимание заслуживают переводы поэзии Мирзо Турсунзаде. Его творчество оставило глубокий след в таджикской и узбекской поэзии с 30-х до 70-х годов XX века. Перед анализом переводов важно вспомнить основные этапы его творчества и охарактеризовать особенности лирики и эпических произведений, принесших поэту широкую известность и любовь читателей Азии и Африки.

Поэзия Мирзо Турсунзаде сочетает скорбь и героический порыв, музыкальность лирики, простоту и ясность стиля, достойную классиков персидско-таджикской поэзии, а также высокий интеллектуальный уровень. Для его творчества характерны философская глубина, смелость мысли, тонкий лиризм и материалистическое миропонимание. Важную роль играет пейзаж,

создающий достоверную психологическую атмосферу и активно влияющий на сюжетную структуру произведений.

Ещё одной особенностью является лирико-публицистический компонент, подчинённый творческой индивидуальности поэта и связан с развитием национальной литературы на каждом её историческом этапе. В творчестве Турсунзаде заметно сопоставление прошлой и настоящей действительности – жизни советских людей и народов Азии и Африки, находящихся под колониальным гнётом. Сам поэт определил это как основную тематику своей поэзии: «Мавзуи асосии ман мавзуи озодӣ буд ва ҳамин хоҳад монд. Ба фикри ман ин мавзуи хеле васеъ ва калон аст. Ҳамаи он чи ки бо сухани мутантан ва муқаддаси «Револютсия» алоқаманд аст, дар ин мавзуъ ифода меёбанд... Одами озод – қаҳрамони асосии шеърҳои ман аст. Аз сароидани озодие, ки неъматӣ револютсия мебошад, ҳаргиз монда намешавам» [16, 19].

Рассматривая творчество Турсунзаде с точки зрения отражения действительности, следует отметить, что она проявляется в самых разных формах. Иногда это связано с обращением к старинной дидактической традиции, от которой поэт отходит, стремясь преодолеть схематизм и участвовать в общих закономерностях мировой литературы, где движение от романтического восприятия к реализму является естественным. В других случаях, отдавая дань восточной литературной традиции, дидактизм плавно переходит в философские рассуждения. Для Турсунзаде трагедия личности неотделима от трагедии народа; причина этой трагедии, по его мнению, кроется в неизменяемости мира, поэтому любое действие и любая активность имеют для него высокую ценность.

Турсунзаде был выдающимся знатоком персидско-таджикской классической поэзии и хорошо ориентировался в литературе народов Средней Азии. Вместе с тем его подход к классике носил романтический характер: он не идеализировал прошлое и в произведениях предшественников искал отражения несправедливости и дисгармонии мира и человека. Вершиной литературного мастерства он считал лирико-эпические жанры, в которых возможен прямой и глубокий показ человеческих чувств. Среди любимых форм Турсунзаде – газель

и маснави, отличающиеся друг от друга: одни напоминают лирический эскиз, другие, по размеру и содержанию, приближаются к поэме.

Зрелые произведения поэта отличаются уходом от внешнего описания и конкретности ранних газелей, обретая философскую глубину и лирическую проникновенность. В его лирике царит мир размышлений: поэт размышляет больше, чем чувствует. Это особенно заметно даже в любовной лирике – газелях, рубаи и других лирических жанрах. Например, это проявляется в газели под названием «Родина»:

«Баҳор омад, зи умрам боз як соли дигар бигзашт,
Тамоми зиндагӣ оҳиста аз пеши назар бигзашт.
Ба мисли гушту нохун ман ҳамеша бо Ватан будам,
Агарчӣ нисфи умри беҳтаринам дар сафар бигзашт.
Ватан, дар ҳар кучо омад ба сар форам ҳавои ту,
Ман аз он сӯи укёнус бишнидам садои ту» [17, 276].

Перевод:

«Вот пришла весна - и с нею моей жизни год отцвел,
Будто на киноэкране, перед глазами он прошел.
Связан, словно ноготь с пальцем, с родиной своею я,
Хоть немало я объездил городов чужих и сел.
Родина, твой воздух чистый всюду был всегда со мной,
Вдалеке, за океаном различал я голос твой.

Поэт, размышляя о пройденной жизни и неизбежной смене времен года, связывает свои личные чувства с Родиной и родной природой, в которой он сформировался как личность. Мирзо Турсунзаде относится к числу поэтов, у которых социальная тематика тесно переплетается с публицистическими мотивами, создавая уникальные по глубине и выразительности мысли и поэтические образы. Эстетическое восприятие мира поэта отчетливо проявляется во многих его стихотворениях, каждое из которых требует внимательного и всестороннего изучения. Одной из ключевых черт его

поэтического кредо является то, что с самого начала творчества он стал носителем важных национальных идей.

Цикл стихов Турсунзаде, посвященный теме матери, написан в своеобразной повествовательно-описательной форме, соответствующей тематике произведений. Для переводчиков крайне важно сохранить эту форму, чтобы не исказить индивидуальный стиль поэта и передать как национальные, так и общечеловеческие особенности его творчества.

После ознакомления с мировоззрением Турсунзаде и основными мотивами его поэзии можно обратиться к теме нашего исследования. Вхождение творчества Мирзо Турсунзаде в узбекскую литературу началось в конце 40-х – начале 50-х годов благодаря переводу ряда его произведений Гафуром Гулямом, с которым у поэта сложилась крепкая и искренняя дружба до конца жизни. Первым стихотворением, переведенным на узбекский язык, стало «Возвращение» («Бозгашт») в исполнении Гафура Гуляма. Позже, в 1951 году, Гулям перевел поэмы «Индийская баллада» и «Тара-Чандра», а в 60-х годах на узбекский язык были адаптированы «Любовь горянки», «Дорогая моя» и другие произведения Турсунзаде.

История переводов его стихотворений могла бы быть рассмотрена более подробно, но это тема отдельного исследования. В данной работе основное внимание уделено новым переводам поэзии Турсунзаде, выполненным в период государственной независимости Узбекистана, а также анализу восприятия его творчества современными узбекскими поэтами и поиску новых подходов к переводу.

Главной задачей при работе над переводом считалось понимание того, что человек, обладающий знаниями о своей культуре, истории и национальном наследии, способен понять и оценить другую культуру. Переводчик, изучая художественное произведение, должен видеть его в контексте национальной и мировой литературы. Через глубокое постижение слова поэта переводчики получают возможность увидеть национальную картину мира, специфику

культурного и речевого поведения, менталитет народа и его ценностные ориентиры. [48; 51; 52; 56; 57].

Из многочисленных переводов отдельных стихотворений, газелей и поэм Мирзо Турсунзаде, наше внимание привлекли переводы (три перевода) одной газели таджикского поэта, под названием «Шоиро!» («Поэту!»), то есть проблема вариативности перевода, его причины, роль и значение в достижении эквивалентности, с точки зрения приближения к оригиналу. В результате сопоставления различных вариантов перевода на узбекский язык у исследователя появляется возможность прийти к выводу относительно оптимальных способов передачи заложенного в стихотворении Мирзо Турсунзаде смысла.

В большинстве изученных переводов заметна ориентация на принимающую культуру, что часто приводит к своеобразному «переписыванию» текста с использованием различных переводческих подходов: модернизации, идеологизации, натурализации, адаптации и смысловой девиации.

Разные позиции переводчика создают вариативность перевода, которая, особенно в случае культурно значимых произведений, многократно воспроизводимых в переводе, превращается в переводческую универсалию. Исследование этой вариативности проводится не с оценочной точки зрения, а как проявление различий в позициях переводчика, обусловленных социокультурными и интерпретационными факторами.

Стихотворение «Шоиро!» («Поэту!») написано в форме маснави, то есть с использованием парных рифм в каждом бейте, и считается одним из лучших произведений Мирзо Турсунзаде. В этом традиционно рифмованном стихотворении, с его плавностью и подчеркнутым назидательным звучанием, поэт придерживается единого ритма одиннадцатисложника (-у--/-у--/-у--), при этом отказавшись от использования строф, что значительно усложняет задачу переводчикам.

Стихотворение Турсунзаде величаво и гармонично. В нём ясно выражен равномерный ритм, построенный на одинаковом количестве слогов. Это не

«белый» стих: поэт использует парную рифму, чередуя разновидности рифмы маснави – аа, бб, вв и т.д. Стихотворение является монологом души: чувства свободны, непокорны, бурны. Эмоция автора нарушает привычные рамки стихотворной речи, созданной строгим рационализмом. Этот текст можно рассматривать как размышление о сути и значении поэзии и роли поэта как творца, который, пропустив жизненные реалии, переживания и мысли через собственное сердце, перерабатывает их и создает подлинное поэтическое произведение.

Рассмотрим стихотворение «Шоиро!», сопроводив его своим подстрочником.

1. «Шоиро, аз сӯхтан дорӣ хабар, а
Пас макун аз оташи сӯзон ҳазар! а
2. Сӯхтан пӯлоду оҳан офарад, б
Аз шароре тоза гулхан офарад. б
3. Пурҳарорат гар намешуд офтоб, в
Зиндагӣ мегашт аз сармо хароб. в...
4. Бе ҳарорат санг буду дил набуд,
Дилкушою пурсафо манзил набуд.
5. Бе ҳарорат не дамидан буд расм,
Не шукуфтан, не расидан буд расм.
6. Бе ҳарорат дар лабонат ханда нест,
Хандаи чун машъали тобанда нест.
7. Шоиро, аз сӯхтан ҳаргиз манол,
Сӯхтанро дуст медорад висол.
8. То насӯзӣ, сохтан мушкил бувад,
Дил ба чонон бохтан мушкил бувад.
9. Шеър ҳам бояд занад фавворае
Аз танӯри дил чу оташпорае,
10. Сар занад аз дил ба дил коре кунад,
Нармтар сангин дили ёре кунад.

11. Ёр донад, ки чй бошад сӯхтан,
Дар вафодорй сабақ омӯхтан.
12. Шоиро, аз сӯхтан дорй хабар,
Пас макун аз оташи сӯзон ҳазар!» [17, 71-172].

Перевод:

1. «Поэт, тебе известна сила огня – горенье,
Так, не сторонись обжигающего пламени!
2. В огне рождаются железо и сталь,
От одной искры возгорается пожар.
3. Если бы солнце не обладало силой огня,
Жизнь на земле от холода и стужи замерла бы.
4. Без жара сердце было бы камнем, не лоном чувств,
Не было бы на земле без тепла уютной обители.
5. Без тепла не росли бы травы, не пробилась зелень на земле,
Не цвели бы сады, не было бы буйства деревьев на земле.
6. Без тепла твои губы не украшает и улыбка,
Не загорается в них смех, подобный яркому факелу.
7. Поэт, никогда не сетуй, что ты сгораешь дотла,
Ведь нет любви у тех, кто не знает мук от огня.
8. Покуда не будешь гореть, трудно что-либо сотворить,
Не горя, невозможно сердце любимой своей подарить.
9. Стих должен тоже фонтаном бить
Из горнила сердца подобно языкам огня.
10. Вырываясь из сердца, заставляет гореть сердца,
Превращает в воск мягкий каменное сердце возлюбленной.
11. Любимая знает, что значит гореть,
Уроки верности в этом горенье узреть.
12. Поэт, тебе известно сила огня - горенье,
Так, не сторонись обжигающего пламени!

В этом стихотворении особое внимание сосредоточено на первых двух бейтах, где сосредоточена основная идея – миссия поэта, каждое слово которого должно исходить от сердца, излучая свет и тепло и наполняя мысли и чувства созидательной энергией. Поэт использует парную рифму (первая и вторая строки, третья и четвёртая: аа, бб) и строит равносложный стих с одиннадцатью слогами в каждой строке. Постоянный ритм создаёт гармонию метрики и соответствует возвышенному характеру стихотворения.

1. /y---/y---/y--/ фоилотун, фоилотун, фоилун
2. /y---/y---/y--/
3. /y---/y---/y--/
4. /y---/y---/y--/
5. /y---/y---/y--/
6. /y---/y---/y--/ ...

Прибегнем к сравнительному анализу данного стихотворения в трех вариантах переводов Джуры Тилака, Гоиба Хасанбоя и Джамшеда.

Перевод Джуры Тилака так же, как и текст оригинала, выполнен с соблюдением равносложного ритма (одиннадцать слогов), на основе стихотворного размера хазадж мусаддас рамал -/y---/y---/y--/ фоилотун, фоилотун, фоилун.

ШОИР

«Шоиро, ёнмоқ экан тақдир агар,
Қилма оташ тафтидан ҳаргиз ҳазар.
Ўтда пўлоту темирлар тобланур,
Учқунидан янги гулхан жонланур.
Офтоб ҳам бўлмаса оташга кон,
Ерда ҳам сўнгай эди жонли жаҳон...» [152].

Примечательно, что переводчик сохранил рифму оригинала. Рифма присутствует и в переводе Хасанбоя Гоиба, и он так же, как Джура Тилак придерживается метрики оригинала. Оба поэта сохранили и количество бейтов, равных 24 стихотворным строкам.

ШОИР

«Шоиро, топсанг ёнишдан гар хабар,
Айлама ёнган оташдан сўнг ҳазар.
Ёнмоқликдан яралгуси оҳан ҳам,
Бир учқундан таралгуси гулхан ҳам.
Пурхарорат бўлмаса гар офтоб,
Дунё бўлар эрди совуқдан хароб..» [152].

Что касается перевода Джамшида то, во-первых, отметим, что это единственный вариант, где полное совпадение движения мысли, многие слова оставлены без перевода, так как они есть в словарном составе узбекского языка; в некоторых бейтах поэт помимо рифмы выстроил также редиф. Однако, скандируя этот перевод, с учетом стихотворного размера текста оригинала, нетрудно заметить, что в отдельных бейтах поэт теряет нить размера -у--/ -у--/-у- и также извлеченные им из словарного состава узбекского языка синонимы.

ШОИРО!

«Шоиро, ёнмоқдан топдингми хабар,
Ҳеч қачон этмагил оташдан ҳазар.
Ёнишдан пўлату темир яралди,
Бир тоза учқундан гулхан таралди.
Ҳарорати юксак эрмаса офтоб,
Бу ҳаёт совуқдан бўларди хароб» [152].

Указанная ритмика перекликается с оригиналом и имеет благозвучное восприятие. Хотя следует отметить 10-11 слогов, используемые переводчиком, создают в некоторой степени дисгармонию. Это не мешает утверждать то, что первым двум переводам удалось достаточно близко к оригиналу сохранить метрику.

С точки зрения лексического соответствия в переводах Джуры Тилака и Гоиба Хасанбоя наблюдается достаточно глубокий анализ подбора соответствия, учитывая внутреннее содержание слов в обоих языках. Этого нельзя сказать о переводе Джамшида. Здесь наблюдается обилие слов, которые не работают на

сближение с оригиналом. Текст перевода Джамшида далеко ушел от стихотворения «Шоиро!» - «Поэт!» Мирзо Турсунзаде.

Анализ представленных вашему вниманию трех переводов одного стихотворения доказывает давно утвердившуюся истину относительно того, что переводчикам сложно достичь адекватности в полном объеме, он может только сближаться, а степень близости перевода во многом будет зависеть от мастерства переводчика.

В рассматриваемых переводах наиболее близкими являются переводы Дж.Тилака и Гоиба Хасанбоя. В переводе Джамшида узнаваемо содержание «Шоиро!» Турсунзаде, но наблюдается уход от содержания.

2.2.2. Проблема сохранения национальных особенностей и поэтики Лоика Шерали в узбекских переводах

Широкое развитие культурных связей, одним из компонентов которого являются литературные связи, требует пристального внимания литературоведов. Изучение творчества поэтов и писателей сопредельных государств, каковыми являются Таджикистан и Узбекистан, требуют пристального внимания. «Особую заинтересованность учёных к данному процессу можно объяснить тем, что немаловажным фактором для развития литературы в целом является идейное и эстетическое взаимообогащение и взаимообмен художественными ценностями. Возрастающий интерес к изучению крайне сложной проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур свидетельствует о том, что этот раздел литературоведения становится весьма актуальным» [72, 67].

Современная таджикская поэзия представляет собой сложную систему, где органично переплетаются восточно-классические традиции, фольклорное наследие и современные поиски с экспериментами. Переводчику важно владеть поэтикой таджикского стиха и уметь различать традиционное восточное и новаторское. Отсутствие понимания исторического и современного контекста

переводимой поэзии, её стилистических особенностей и образной системы существенно нарушает целостность перевода на другой язык.

Воссоздать национальное своеобразие таджикской поэзии в узбекских переводах возможно лишь при творческой гибкости переводчика, способного проникнуть в содержание оригинала, сохранить уникальность образной системы и особенности ритмико-интонационного строя. Это подтверждают лучшие переводы Гафура Гуляма, Абдулло Каххара, Зулфии, Эркина Вахидова и Абдулло Орипова, которые обращались к произведениям выдающихся таджикских авторов – С. Айни, Абулкасима Лахути, Мирзо Турсунзаде, Миршакара, Мумина Каноата, Лоика Шерали, Гулрухсор и других современных поэтов, создавая переводы, отражающие дружбу народов и вечные темы литературы.

Особого внимания заслуживают переводы глубоко философской и филигранной поэзии Лоика Шерали, выполненные после обретения Узбекистаном государственной независимости. Они отличаются по степени близости к оригиналу: одни сохраняют верность, ясность и лаконизм подлинного стиля, другие же по ряду причин удаляются от оригинала настолько, что перед узбекским читателем предстаёт иной Лоик, неузнаваемый ни внешне, ни по внутреннему строю.

Лоик в одном стихотворении, сегодня выбитом на граните его могилы, писал:

«Ба сабзаҳои гӯри ман касе, ки об медиҳад,
Ба косаҳои чашми ман шароби ноб медиҳад» [25, 53].

Перевод:

Тот, кто травы моей могилы водой поливает,
В глазницы глаз моих чистое вино наливает.

В этом стихотворении звучит просьба Лоика быть вспомняемым таким, каким он был на самом деле, без прикрас и искажений, без умалений и преувеличений, и тогда он вернется к нам вновь. Это касается и перевода его поэзии на различные языки мира.

В данном разделе диссертации на конкретных примерах переводов произведений Лоика Шералаи, известного таджикского поэта XX века, мы попытались произвести комплексный анализ основных стилистических особенностей поэзии Лоика и национального своеобразия его произведений, делая при этом акцент на возможности их сохранения при переводе на узбекский язык.

В своем выборе мы остановились на тех переводах, которые были осуществлены узбекскими поэтами-переводчиками в годы независимости Узбекистана, и для начала обратились к стихам Лоика Шерали, включённым в книгу под названием «Онамгинам» («Мама»), опубликованную в 2019 году в Ташкенте в издательстве «Noshirlik yogdusi». В этот поэтический сборник, выпущенный тиражом 3000 экземпляров, вошли лучшие стихи Лоика Шерали в переводе Одила Икромова.

Как известно, передача национально-специфических особенностей стихосложения является неотъемлемой частью проблемы сохранения национального колорита оригинала. Переводчик не имеет права обойти метр и ритм оригинала, так как формообразующие элементы стиха всегда национально самобытны и несут определенную семантическую нагрузку. Задача переводчика - средствами своего родного стиха воссоздать ритмический рисунок оригинала и сохранить стилистическую функцию его размера.

Как пишет известный таджикский литературовед З. Муллоджанова: «Переводчик должен знать характерные для нового круга читателей жизненные ассоциации. Помнить об историко-культурных традициях, эстетических навыках. Естественно, необходимо так передать содержание и форму подлинника, чтобы правильно донести до иноязычного читателя впечатление» [79, 180].

Лоик как поэт и его место в современной поэзии - тема отдельного разговора. Сразу оговоримся, что здесь мы ведем разговор о переводе поэзии Лоика на узбекский язык на примере работы одного переводчика - Одила Икромова, владеющего в равной степени обеими языками - узбекским и

таджикским. Показательны переводы Одила Икромов в воссоздании специфики композиции, системы рифм и ритмики оригинала, целостности его формообразующих элементов и содержания поэзии Лоика Шерали. Передача содержания многих стихов Лоика Шерали, к примеру, таких как «Ба модарам» - «Онамга» («Маме»), «Модар, эй модари дунёнадида» - «Онагинам, дунё курмаган онам» («О, мама, не выдающая мира, мама»), «Домони модар» - «Она этаги» («Подол матери») и др. осуществлены Одилом Икромовым в соответствии с эстетическими возможностями узбекского читателя, с опорой на традиции лирических произведений - широко применяемых в современной таджикской поэзии мураббаъ, газель, катиба и др.

Тексты упомянутых стихотворений Лоика Шерали можно охарактеризовать как «вольные переводы». В целом Одил Икромов сумел передать одну из ключевых особенностей архитектоники и звуковой гармонии поэзии Лоика, особенно внутреннее движение переживаний героя, которое является сложным элементом оригинала. Тем не менее, в его переводе по ряду причин – грамматических и синтаксических особенностей узбекского языка, отсутствия точных эквивалентов многозначных таджикских слов и словосочетаний и др. – произошли отклонения, нарушившие лаконичность и строгую стройность взаимодействия строк.

Например, в первой строфе стихотворения «Ба модарам» - «Маме» («Онагинам»), состоящей из пяти стихотворных строк (первая и последняя строки при этом даны с разрядкой) наблюдаются явные отклонения, кроме того, что в подлиннике первая строка заканчивается словом «модари пирам», а в переводе это ключевое слово переключалось во вторую строку, строфа из пяти полустиший в оригинале в процессе перевода выросла до десяти строк. Обратимся для наглядности к оригиналу, подстрочному переводу и художественному переводу этой строфы, в исполнении Одила Икромова.

Оригинал:

«Ба кунчи сандалӣ биншаста шабҳо, модари пирам,
Ту шояд чомаи домодӣ медӯзӣ ба сад ният,

Увидев на мне жениховый халат,
Чтоб в день свадьбы сбылись все твои мечты (грезы),
Чтобы с новым блеском вернулась к тебе ушедшая молодость.
Мама, за твои благородные и дрожащие руки
Я готов отдать жизнь свою, о матушка моя!

В переводе Одила Икромова, несмотря на то что содержание оригинала в целом сохранено (с некоторыми отклонениями), допущена свобода в отношении структуры строфы – она фактически разрушена. Причиной такого вольного обращения с оригиналом стало непонимание роли строфы, которая, между тем, имеет важное значение для поэзии: во-первых, как ритмическая единица, во-вторых, как эмоционально-тематическое целое.

Лоик Шерали относится к числу поэтов, которые, наблюдая за своим временем, с исключительной пронизательностью и тонкостью смогли отразить своё измерение, пространство и культурно-историческую среду. В его изобразительном мастерстве, передающем формальную национальную суть его поэзии, проявляется характерная черта художественной идеи, уходящей корнями в историю и культуру нации.

В этом контексте особое значение для определения национальной формы поэзии Лоика Шерали имеют национальные формальные элементы: метод изображения, язык, лексические и грамматические особенности, средства художественного выражения, культурные и природные признаки, география. Примером служит стихотворение Лоика «Дар қиёси гӯри мардон» («В сравнении с могилой мужчин»), написанное в форме четырёхстрочной строфы с рифмовкой абва, абвб и т. д. в размере рамал. При этом поэт активно использует элементы национальной культуры и обрядности, что усиливает отражение национальной формы его поэзии.

Узбекский поэт-переводчик Одил Икром, владеющий таджикским и узбекским языками на высоком уровне, поставил перед собой задачу воссоздать национальные особенности поэзии Лоика, сохранить оригинальные стиховые

формы и метрическую схему, и в этом он добился заметных успехов, открывая перспективные пути воссоздания таджикского аруза.

Сравнительный анализ перевода данного стихотворения с текстом оригинала и подстрочником позволяет нам убедиться в сказанном.

Оригинал:

«Дар киёси гӯри мардон пештар,
Гӯри занро жарфтар мекофтанд.
Гӯйӣ ӯ дорад гуноҳони азим,
Аз шариат ҳилаҳо мебофтанд.
Гӯри занро жарфтар мекофтанд,
То гуноҳаш жарфтар пинҳон шавад.
Тоз зи хоки ӯ нарӯяд сабзае,
Боиси маъсияти покон шавад.
Беҳабар аз он ки зан модар бувад,
Чурмаш он бошад, ки инсон зодааст.
Бар чунин одатшиносони дурушт,
Ӯ насиби зиндагонӣ додааст.
Беҳабар аз он ки модар холиқ аст,
Зиндагӣ ёбад аз ӯ такрорҳо.
Аз гуноҳи чумла фарзандони хеш,
Мекашад дар гӯр ҳам озорҳо.
Беҳабар аз он ки зан ҷони ҷаҳон,
Чашмҳоро бар ҷаҳон бикшодааст.
Гар гуноҳе дорад он ҳам ин бувад
К- он чунон ноқадрдонон зодааст» [25, 87].

Перевод:

«В сравнении с могилой мужчин
Могила женщин копали глубже,
Ссылаясь на то, что у неё больше грехов -
Искали ухищрения в шариате.

Могилу женщины копали глубже,
Чтоб захоронить её грехи глубже.
Чтоб из её праха не проросла трава -
И не стало это осквернением безгрешных.
Не осознавая, что женщина прежде всего мать,
Грех её лишь в том, что произвела человека на свет.
Что таким грубым законоведам шариата
Она подарила счастье жизни на белом свете.
Не ведая о том, что мать - творец жизни,
Что от неё идет продолжение, круговорот жизни,
то от содеянных её детьми грехов,
Она и в могиле испытывает боль и страдания...
Не осознавая то, что женщина - есть душа вселенной,
Открывшая им глаза на мир окружающий их.
Если она и совершила какой-либо грех,
Это то, что явила на свет божий таких неблагодарных».

Перевод Одила Икрома:

«Илгари эркаклар гүридан кўра
Чукур қазиганлар аёллар гүрин.
Гуноҳи катта деб топлдилар мудом
Шариатдан не-не ҳийлалар йўлин.
Чукурроқ қазигнлар аёллар гүрин,
То гуноҳин кўмсин деб ернинг таги.
Бирор майса ўсиб чиқмасин эмиш,
Булғанмасин эмиш поклар этаги.
Лек улар билмасди, аёл бу- она,
Инсонни туғди у, гуноҳи шудир.
Бундай одатшунос, разил зотларга
Ато айлаганин ҳаёт ва умр.
Улар билмас, она яратгувчидир,

Она билан топар бу ҳаёт такрор.
Гарчи фарзандларин гуноҳи учун,
Ҳатто гӯрида ҳам тортади озор.
Улар билмас, аёл - жаҳонинг жони,
Она боис кўргай олами кўзи,
Гуноҳи бор бўлса, у ҳам шул:
Шундай Қадр билмасларни тукқандир ўзи» [7, 19]

Передать в переводе богатство художественной палитры поэта, динамику мыслей и чувств иностранного мастера слова и воспроизвести их на другом языке обычно под силу лишь коллективу поэтов. Тем не менее, сборник стихов Лоика Шерали, подготовленный узбекским поэтом-переводчиком, является результатом его единоличного труда. Он выступает не только как переводчик всех произведений, но и как их усердный собиратель; не только как поэт, но и как знаток современной таджикской поэзии. Благодаря этому к переводам лирики Лоика Шерали он подошел во всеоружии богатого опыта, как зрелый и надежный талант, глубоко освоивший традиционные формы классической и современной таджикской поэзии.

Сравнив русский перевод проанализированного нами стихотворения, выполненный известным переводчиком восточной поэзии Яковом Козловским, можно убедиться, с каким уважением Одил Икром отнесся к творению таджикского поэта.

Вот как выглядит это стихотворение Лоика Шерали в переводе Якова Козловского:

«Я знаю: женщина была
Мужчин безгрешнее от века.
Во славу жизни человека
Она на свет произвела.
Любила, мучилась, ждала,
Несла свой жребий в одиночку.
И песни пела до светла

Неблагодарному сыночку.
Был дик обычай старины,
И новый счет идет годинам,
Но перед женщиной вины
Вовек не искупить мужчинам» [23, 34].

Этот перевод никак нельзя отнести к поэтическому мировосприятию Лоика Шерали. Яков Козловский настолько своевольно и безответственно подошел к его воссозданию на русском языке, что глубоко национальное и философски заостренное стихотворение стало больше похоже на цикл частушек. В нем откуда-то появились не существующие в переводе обращение от первого лица и такие строки, как:

«Во славу жизни человека
Она на свет произвела.
Любила, мучилась, ждала,
Несла свой жребий в одиночку.
И песни пела до светла
Неблагодарному сыночку...» [23, 34].

Добротный перевод Одила Икромова в свете поставленных в настоящем исследовании проблем позволяет составить также общую типологию переводческих ошибок, мешающих верному воспроизведению национальной специфики таджикской поэзии:

- а) поэтические находки, индивидуальные образы Лоика Шерали во многих переводах заменяются обычными, традиционными;
- б) переводчики часто вводят к текст свои эпитеты и метафоры, чуждые образной ткани оригинала;
- в) усложненность образной системы перевода, излишняя насыщенность эпитетами, расширение метафор в сравнении с выразительной лаконичностью подлинника;
- г) изменение ритмико-интонационной организации стиха в переводе;

д) передача метрической гармонизированной формы оригинала свободными стихами.

Эти явления наблюдаются в переводах Аслиддина Камарзода в сборнике Лоика Шерали «Хайём жоми: рубоийлар» - «Чаша Хайяма: рубаи» (2022).

По словам З. Муллоджанова: «Переводчик должен знать характерные для нового круга читателей жизненные ассоциации. Помнить об историко-культурных традициях, эстетических навыках. Естественно, необходимо так передать содержание и форму подлинника, чтобы правильно донести до иноязычного читателя впечатление, которое производит оригинал на своем родном языке» [83, 180].

Передача содержания рубаи Лоика Аслиддином Камаровым осуществляется с учётом эстетических возможностей узбекского языка и опорой на традиции классической поэзии, а также жанра рубаи в узбекской литературе. По сути, текст рубаи Лоика на узбекском языке можно рассматривать как «вольный перевод». На наш взгляд, А. Камаров не до конца справился с одной из наиболее трудных для перевода особенностей жанра рубаи – движением философской мысли и глубиной чувств героя. В первом рубаи, приведённом ниже, заметных отклонений не наблюдается, за исключением того, что в оригинале первые два полустихия начинаются с вопроса («До коих пор ты будешь уповать на Хафиза и Рудаки?»), тогда как в переводе эта вопросительная интонация несколько ослаблена и не выделена вопросительным знаком. Кроме того, в переводе опущено ключевое слово «трибуна свободного слова - минбари озоди сухан».

Оригинал:

«То чанд ту бо гузаштагон менозй,
Бо Рӯдакию ба Ҳофизи Шерозй?
Вақт аст сари минбари озоди сухан
Хайёми дигар, Ҳофизи дигар созй!» [25, 48].

Перевод:

«Ўтганлар номи билан ғўдаясан қанча,

Рудакий, Ҳофиз Шерозий ила анча.
Эркин сўз минбарига сен ҳам чиқ-да,
Янги Хайём, бошқа Ҳофиз яса бунда» [27, 51].

При переводе другого рубаи А. Камаров избрал метод буквального перевода, и это позволило ему лишь немного отдалиться от оригинала: он соблюдает в этом рубаи очередность выражения мысли, сохраняет форму рифмовки и редиф, композицию жанра рубаи. Однако во второй строке слово *мотам* - *траур* в оригинале, в переводе превращается в *память* - *ётганлар*, что несколько снижает экспрессивность чувства лирического героя. В четвертой строке рубаи А. Камаров для сохранения рифмы использовал отсебятину - *жунун учун* - *подобно безумному*, что совершенно выпадает из общего контекста четверостишия. То есть при всей близости перевода к содержанию оригинала, его нельзя назвать точным переводом.

Оригинал:

«Ин хок мисоли модарон мегиряд,
Дар *мотами* хокхуфтагон мегиряд,
Ҳар роҳ, ки нақши бад гузоранд бар ў,
Дар зери кудуми нокасон мегиряд» [25, 49].

Перевод:

«Бу тупроқ оналар каби мунг йиғлар,
Тупроқ тагида ётганлар учун йиғлар.
Ҳар йўлда агар ёмон қадам қўйганда,
Нокас оёғи остида чун жунун йиғлар» [27, 52].

Сравнивая оригинал третьего рубаи с переводом, можно наблюдать верное соотношение лексем: *Бо айби гуноҳ савоб* - *Гуноҳ айбидин савоб*, *оташи чаҳл* - *жаҳл оловида*, *сих ва ҳам кабоб* - *унда сих ила кабоб* и т.д. Правильный подбор эквивалентных слов позволяет считать перевод данного отрывка близким оригиналу:

Оригинал:

«Бо айби гунаҳ савоб сўзад бешак,

Дар оташи чаҳл об сӯзад бешак.
Ин сон, ки пур аст оташи манқалдон
Ҳам сих ва ҳам кабоб сӯзад бешак» [25, 51].

Перевод:

«Гуноҳ айбидин савоб куйгай шаксиз,
Жаҳл оловида сув ҳам куйгай шаксиз.
Кўмирхонада гўё эрур бу дунёда инсон,
Унда сих ила кабоб куйгай шаксиз» [27, 53].

В переводе описываются процесс жизни человека, находящегося между добрыми деяниями и соблазном совершения грехов, поэтому перевод сохраняет важные особенности оригинала, за исключением неправильно понятого слова в третьей строке рубаи «*Ин сон*», которое переводится как *поскольку, потому как, ввиду того*. Переводчик же понял это слово как *человек*. Но слово *человек* в таджикском языке пишется слитно - *Инсон*. Из-за этой погрешности третья строка в переводе звучит как: *Человек будто находится в топке печи*, что, конечно же, логически не вяжется с последующей, заключительной строкой.

Выполнение столь сложной задачи, как перевод филигранных рубаи Лоика Шерали, потребовало от переводчика глубоких знаний языка, литературы и культуры, а также, по-видимому, внутреннего трепета и восхищения талантом Лоика. В целом Аслиддин Камаров, одинаково свободно владеющий таджикским и узбекским языками, будучи известным литературоведом, критиком и переводчиком произведений многих современных таджикских поэтов, сумел передать поэтическую интонацию оригинала рубаятов Лоика Шерали. Он стремился максимально точно донести до узбекского читателя как содержание, так и поэтичность рубаи, используя общую для таджикской и узбекской поэзии метрическую систему аруз и образную систему, сохранив величие оригинала. В его переводах отчётливо проявляется глубокое знание классической и современной таджикской поэзии, а также эмоциональное участие и сопереживание, без которых художественный перевод не может считаться полноценным. Большинство

переводов А. Камарова представляют собой гармоничное единство формы и содержания.

Оригинал:

«Бечорааму хазору як чора кунам,
Дилро паи дилшиносӣ овора кунам,
З-он чӯб, ки аблаҳе тарошад тобут,
Болор ба хона ё ки гахвора кунам» [25, 10].

«Я беден и нахожу тысячу один выход,
Не даю покоя сердцу в поисках расположения других сердец,
Из той древесины, что глупец строгает тобут,
Я строгаю балки для крыши дома или гахвору - колыбель».

(Подстрочный перевод наш - З.Р.).

Перевод:

«Бечора ману минг бир чора кӯрурман,
Кўнгил топишга юрак овора қилурман.
Аҳмақ тобут ясаётган ул ёғочдин,
Кошонага устун ёки гахвора қилурман». [27, 55].

Сравнительный анализ перевода с подстрочником свидетельствует о верной оценке перевода А. Камарова, которую мы высказали выше.

Читая эти переводы, можно убедиться в вышесказанном. Переводческий процесс состоит из двух этапов: понимания и оформления. «При переводе с подстрочника эти этапы разделены: понимание текста целиком задает подстрочник, оформление берет на себя переводчик. Отклонение от буквы оригинала переводчик может объяснить своим «проникновением в дух» подлинника; отклонение от подстрочника никак не может быть «проникновением в дух», а может быть только «от лукавого», только вольностью переводчика. (Исключения возможны, но крайне редки, например, когда переводчик имеет возможность пользоваться, кроме подстрочника, другими источниками, скажем - устными консультациями)» [96, 34]. Все это делает

чрезвычайно любопытным сопоставительный анализ подстрочников и сделанных по ним переводов.

Для всестороннего представления таджикской поэзии на узбекском языке требуется детальный анализ переводов, выполненных выдающимися мастерами слова, такими как Рамз Бободжон, Эркин Вохидов и Абдулло Орипов. Их работы тонко передают уникальный национальный колорит поэзии современных таджикских авторов и обычно не требуют существенной корректировки.

В условиях укрепления литературных связей между таджикским и узбекским народами важно изучить, как обстоит ситуация с переводами произведений Бозора Собира и Гулрухсор Сафиевой, поэтические миры которых пока лишь частично открыты узбекскому читателю и представлены в ограниченном числе переводов. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Особое внимание заслуживает возвращение к переводам Лоика Шерали, с уважением относясь к своеобразию его творческой манеры. Этот выдающийся и самобытный поэт внёс значительный вклад в укрепление литературных связей между таджикской и узбекской культурами, и его переводы представляют собой важный элемент этого процесса. Судя по анализу, качество переводов нуждается в совершенствовании, что дает основание нам предложить некоторые мероприятия, направленные на улучшение ситуации.

Общий взгляд на узбекские переводы современной таджикской поэзии приводит к выводу о том, что при имеющихся достижениях, есть еще много пробелов, недочетов, требующих своего восполнения и изучения.

Исходя из сложившихся обстоятельств, не только переводчикам, но и критикам и теоретикам перевода предстоит еще большая работа с целью создания целостной научной картины всей таджикской литературы на узбекском языке. И тут должной опорой могут служить традиции переводческой школы и достижения современного переводоведения.

2.2.3. Проблема воссоздания поэтической образности поэзии Бозора Собира в переводах на узбекский язык

В этом разделе рассматриваются вопросы художественного перевода как отдельного вида искусства на примере стихов известного таджикского поэта, лауреата государственной премии Абуабдулло Рудаки – Бозора Собира, переведённых на узбекский язык. Выбор его произведений обусловлен глубиной мыслей и богатством образов, которые побуждают читателя к размышлениям. Их перевод позволяет проиллюстрировать два различных подхода к воспроизведению поэтической образности автора.

До независимости среди узбекских переводов современной таджикской поэзии особое значение имеют работы Абдулло Орипова, Эркина Вахидова, Нормурода Нарзуллоева, Гулчехры Ибрахимовой, Ульмаса Джамола, Амонбоя Джуманова и других. Они заложили традиции перевода произведений выдающихся таджикских поэтов, которые продолжают развивать молодые поэты-переводчики. Благодаря этим переводам таджикская поэзия заняла достойное место в сокровищнице узбекской литературы, обогатив её новыми формами, свежими образами и ритмико-интонационными особенностями.

Анализируя переводы Бозора Собира, можно отметить, что узбекские переводчики в период независимости обращались к его творчеству из-за оригинальности и неповторимости его стихов. Его поэзия наполнена чувством свободы, гуманизмом, искренностью и задушевностью. Особенно ценятся произведения, посвящённые чисто человеческой, бескорыстной любви, стихи с ёмкой поэтической мыслью и богатой метафорикой.

Бозор Собир не стремится к напыщенной словесности. Его поэтический мир вырастает из самой действительности, из простых и привычных слов, которые он выстраивает так, что рождается многокрасочная картина, где вереница слов и выражений наполняется глубокими мыслями и эмоциями. В процессе перевода важно передать эту гармонию, чтобы читатель на другом языке смог ощутить красоту, мысли и чувства поэта.

Можно с уверенностью сказать, что узбекские читатели, познавшие поэзию Бозора Собира через переводы знатоков таджикского языка, поэтов, испытывают большую радость и истинное восхищение. Однако наше изучение различных вариантов переводов произведений Бозора Собира на узбекский язык, изучение научной литературы касательно этого вопроса убедили нас в том, что отдельные произведения поэта нуждаются в новых переводах, по причине их большой отдаленности от оригинала. Тема данного раздела актуальна и проливает свет на целый ряд проблем, связанных с трудностями перевода таджикской поэзии на узбекский язык.

Вопрос восприятия поэзии Бозора Собира в узбекских переводах всегда привлекал внимание исследователей и продолжает оставаться актуальным. Главный интерес ученых сосредоточен на сохранении национального и индивидуального авторского начала оригинала: особенностей стиля, глубины и уникальности художественной мысли. В работах, посвященных анализу переводов его стихотворений на узбекский язык, нередко отмечаются случаи ослабления национального колорита и искажения авторского стиля. Поэтому возникает необходимость системного научного изучения проблемы передачи национальной и авторской самобытности поэзии Бозора Собира в переводах, выявления слабых или неточных переводов, которые порой снижают ценность оригинала и допускаются некоторыми переводчиками.

Исходя из всего вышесказанного мы задались целью проанализировать замечательное произведение Бозора Собира, под названиями «Лачуга моей матери» - «Кулбаи модарам». В оригинале текст стихотворения выглядит следующим образом:

Кулбаи модарам

«Дар навдаи тути модар овезон
Чун халтаи чака халтаи маҳтоб,
Дар кундаи тути модар овезон
Чун халтаи моҳ халтаи чурғот.
Шаб аз лаби боми кулбаи модар,

Ҳамчун зари об мечакад маҳтоб,
Аз халтаи моҳу халтаи ҷурғот
Ҳамчун зари ноб мечакад зардоб...
Ман дар тани кӯдакӣ фуру рафта,
Худро таги тути пухта мебинам,
Дар чолаи туту тутборонаш
Як мушт яtimi хуфта мебинам...» [14, 70-73].

Следует подчеркнуть, что в этом стихотворении поэт глубоко передает душевную боль разлуки с родными, тоску по безвозвратно ушедшему детству, материнской любви и заботе в родительском доме, по братьям и сестрам, которых уже нет. В произведении звучит лишь вопрос кукушки: «ку? ку?» (буквально – «где? где?»). От стихотворения исходит такая сильная тоска, что каждое слово возвращает читателя к детским воспоминаниям, пропущенным через сердце автора. Именно поэтому мы предъявляем серьезные замечания к, на первый взгляд, удачному переводу этого стихотворения на узбекский язык, выполненному двуязычным переводчиком Сайфулло Куллаевым.

Прежде чем приступить к сопоставительному анализу оригинала и узбекского перевода, считаем необходимым представить подстрочный перевод стихотворения, звучащий следующим образом:

Лачуга матери моей

На ветке тутовника моей матери висит,
Словно мешочек с густым кислым молоко, мешочек луны,
на суку тутовника матери висит,
Подобно мешку луны, мешок с простоквашей.
Ночью с крыши лачуги моей матери,
Подобно золотой струе воды, капает луна,
С мешочка луны и мешочка простокваши,
Подобно золоту воды, капает сыворотка...
Окунувшись в тело (воспоминания) детства,
Вижу себя под спелыми ягодами тутовника,

Вижу себя комочком спящей сироты

Под градом осыпающихся ягод тутовых...

Подводя итог наблюдениям, невозможно не подчеркнуть исключительную фантазию поэта, его умение передавать тончайшие переживания ностальгирующей души. Это свидетельствует о высоком мастерстве автора, его поэтическом видении, способности простыми словами и выразительными речевыми оборотами создавать яркие, осязаемые образы, рождающиеся из самой жизни. Для того чтобы в переводе донести всю красоту и глубину творчества таджикского поэта, переводчику необходимо суметь полностью перевоплотиться в автора оригинала и находить адекватные эквиваленты в богатстве своего родного языка.

Мы располагаем переводом этого стихотворения на узбекский язык выполненным Сайфулло Куллаевым:

Онам кулбаси

«Тутнинг новдасида турар осилиб,

Қатиқ халтасидек моҳтоб халтаси.

Тутнинг кундасида турар осилиб,

Ойнинг халтасидек чакоб халтаси.

Онам кулбасиннинг қамиш томидан,

Зар томчилар каби томичлар моҳтоб.

Ой билан чакобининг зар халтасидан,

Зар сочиб бу замон томичлар зардоб.

Болалик ичига қайтадан шўнғиб,

Тутлар ичра юзимғбетимни кўрдим.

Тутлар тўқилиб ётган ул жойда,

Ухлаб ётган муштдек етимни кўрдим..» [15, 10-12].

Следование ритмометрической форме и особенностям рифмы в буквальном смысле, чрезмерная дословность в ущерб содержанию анализируемого стихотворения привели к появлению двусмысленностей, логико-смысловых противоречий, фрагментарности и неестественности

поэтического синтаксиса, нарушению норм узбекской номинационной системы и, как следствие, – к ослаблению художественно-эстетического впечатления в целом.

Сравнение перевода с подстрочником показывает, что Сайфулло Куллаев лишь частично сохранил дух оригинала, образные выражения и деревенский колорит текста. Можно отметить, что общий смысл стихотворения в целом передан, но приблизительное сходство перевода с подстрочником составляет лишь около 30%.

По мнению исследователей, лучшие переводы допускают условные изменения относительно оригинала, если цель – сохранить единство формы и содержания на другом языке. Однако объем таких изменений напрямую влияет на точность передачи. В переводе Сайфулло Куллаева этих трансформаций слишком много, из-за чего текст воспринимается как переложение, словно сочиненное самим переводчиком.

Логично задать вопрос: зачем автор создаёт произведения, если будущие читатели будут понимать их совершенно иначе? Литература – это голос времени; она способна передать историю человечества. Переводчик, используя синонимы, метафоры и другие близкие по смыслу слова, может достоверно передать идеи, чувства и эмоции автора, даже если перевод не совпадает с подлинником слово в слово.

Возникает и более фундаментальный вопрос: возможно ли полностью и точно передать на одном языке мысли, выраженные средствами другого языка? В научной среде сложились две противоположные точки зрения. Первая, известная как «теория непереводаемости», утверждает, что полноценный перевод невозможен из-за значительного расхождения выразительных средств языков; перевод в этом случае лишь слабое отражение оригинала. Вторая точка зрения, которой придерживается большинство исследователей, заключается в том, что любой развитый национальный язык способен адекватно передать мысли другого языка. Особенно это справедливо для русского языка, одного из самых богатых и выразительных языков мира. Практика переводчиков подтверждает,

что любое произведение можно полноценно перевести на русский язык с сохранением всех стилистических и художественных особенностей оригинала.

Таким образом, в переводе Сайфулло Куллаева воссоздаются ключевые особенности оригинала: художественные образы, идиомы, игра слов, стилистика и поэтика стихов, что отражает индивидуальный подход и организацию идейно-художественной системы автора.

ГЛАВА III

ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

3.1. Особенности перевода современной узбекской поэзии конца XX века

Литературные связи Таджикистана и Узбекистана не ограничиваются лишь переводами произведений таджикских поэтов и писателей на узбекский язык. Традиции переводов узбекских поэтов и прозаиков на таджикский язык также имеет давнюю историю. Следует упомянуть имена таких известных поэтов, как М. Турсунзаде, М. Миршакар, А. Дехоти, М. Рахими, Гулчехра Сулейманова, Мумин Каноат, Лоик Шерали, Гулназар Келди, Гулрухсор, творчество которых было наполнено переводческими произведениями известных узбекских поэтов, таких как Абдуллы Орипова, Эркина Вохидова, Сирождидина Саида, Усмона Азима, Уйгуна Рузиева и многих других.

Причем литературные связи не ограничиваются только советским и постсоветским периодом в лице только перечисленных известных литераторов. Подобное сотрудничество и крепкая дружба этих народов корнями уходит в глубь истории. Ни один исследователь литературных связей не может обойти стороной дружбу и творческое сотрудничество между Мавлоно Абдуррахмоном Джамии и Мир Алишером Навои.

Если вести речь о литературных связях периода независимости, то следует сказать, что благодаря высокопрофессиональным переводам узбекских поэтов на таджикский язык Лоика Шерали, Аскара Хакима, Камола Насрулло, Гулчехры, Зулфии, Туроба Тулы, Эркина Вохидова, Рамза Бабаджана, Р. Мусурмана, С. Сайида и других, поэтическое творчество узбекских поэтов стало достоянием любителей поэтического творчества в Таджикистане. *«...Но именно отсюда я родом был, я родом есть и буду»*, - писал поэт С. Сайид. Те же чувства и мысли мы находим в творениях многих таджикских поэтов. Например, у Лоика:

«Добра для человека не жалеи,
Мы - люди, и живем мы для людей.
И в поле долу клонится пшеница,
Тем ниже, чем колосья тяжелей» [23, 34].

Творческие мотивы поэтов обоих государств достаточно часто перекликались, они воспевали давнюю дружбу народов, искренне восхищались силой отражения многих восточных мотивов в творчестве известных поэтов. Это во многом стало причиной роста количества переводов. Гулрухсор, Саидали Маъмур и Кутби Киром перевели многочисленные произведения Гафура Гуляма, Зулфии и Эркина Вохидова на таджикский язык. Влияние таджикской классической поэзии в лице таких классиков, как Саади, Фирдоуси, Хайяма, Хафиза и Джами в творчестве Гафура Гуляма. В своем стихотворении он пишет:

«Дустии неки Чомию Навои баҳри мо
Ҳаст рамзи дустии безаволи халқҳо.
Асрҳои аср монад ҳамсафию ҳамдамӣ,
Байни ин ду халқ н-афтад тафриқи хато каме...» [4, 5]

Сборник «Чашмаи хурӯшон» [22], изданный в 1981 году, выбрал произведения таких известных узбекских поэтов, как Уйгун, Аскар Мухтор, Туроб Тула, Рамз Бободжон, Мирмухсин, Шукрулло, Уткур Рашид, Пулод Мумин, Джуманиёз Джабборов, Душан Файзи, Эркин Вохидов и многих других. В произведениях перечисленных поэтов отражены лучшие традиции поэтического творчества. Сборник отличается высокой степенью оригинальности перевода, близостью перевода с оригиналом.

Оригинальность и точность перевода объясняется тем, что он выполнялся напрямую с подлинника, без использования языка-посредника, которым часто выступает русский. Такое непосредственное обращение к оригиналу обеспечивает высокую степень близости текстов: перевод воспринимается естественно, почти не ощущается его чуждость, создается впечатление подлинной оригинальности. Традиция, выработанная таджикской и узбекской

школами перевода, без лишней скромности может служить образцом для исследований и практической работы в области теории перевода.

Чтобы подтвердить сказанное, приведем несколько стихотворений узбекских авторов, переведённых на таджикский язык, которые своей красотой звучания и точным воспроизведением художественно-стилистических особенностей индивидуального стиля не могут не восхищать знающих оба языка. В данном разделе диссертации, учитывая ограниченный объем, представлены только сами переводы.

Стихотворение Нурмурода Нарзуллоева «Самарканд» в переводе Кутби Киромы:

«Макони офтобу нур борад,
Ҳазорон қасри бас маъмур дорад.
Ба дунё як дили масрур дорад,
Зи чашми бад худояш дур дорад,
Самарқанди чу қанди бостонро...
Чу шоирҳо дили пурчӯш дорад,
Чу шахмардон лаби хомӯш дорад.
Ҳазорон кӯчаи гулпӯш дорад,
Зи атри сад чаман гулнӯш дорад,
Зиёратгоҳ бувад ӯ ошиқонро...» [22, 14]

Стихотворение Эркина Самандарова «Модар буд интизор» («Мать все ждала») в переводе Рахмата Назри:

«Модар буд интизор,
Фарзанд барнагашт.
Омад хати сиёҳ,
Тир аз цигар гузашт.
Лаънат ба чанги шум!
Модар ба қаҳр хонд.
Бо навҳа ашки хеш,
Аз чашми тар фишонд...» [22, 2].

Эти переводы при обратной транслитерации практически превращаются в точные копии оригиналов, полностью сохраняя содержание и формальные особенности стихов узбекских авторов. Фактически, произведения узбекских поэтов, переведённые на таджикский язык, и таджикских поэтов, переведённые на узбекский, могут рассматриваться как образец эквивалентного перевода.

Стихотворение известного узбекского поэта Мухаммада Али «Духтар имшаб тарона мехонад» («В эту ночь дева поёт песню») буквально завораживает своей простой и естественной красотой языка – качества, которые таджикскому поэту и критику Аскару Хакиму удалось сохранить в переводе:

«Духтар имшаб тарона мехонад,
Нурборон самой ниликор.
Духтар имшаб тарона мехонад,
Бо само, бо ситораҳо бедор.
Духтар имшаб тарона мехонад,
Газалаш мебарад ба гардунам.
Шеър резад зи умқи синаи ман,
Шавад анчуму моҳ мафтунам...» [22, 2].

В теории перевода понятие эквивалентности текста рассматривается через призму коммуникативно-функционального подхода: это означает, что коммуникативный эффект или восприятие произведения в оригинале и в переводе должно оставаться единым. К этой цели стремятся и автор оригинала, и переводчик, хотя полностью её достичь крайне сложно. Несмотря на то, что переводчик не должен привносить в текст своё личное восприятие, даже при максимальном старании элементы субъективизма неизбежно проявляются в переводе. Тем не менее, именно к такому идеалу следует стремиться.

Завершая этот небольшой раздел, в котором мы только наметили будущую большую работу в этом направлении, выполненную таджикскими поэтами в период государственной независимости, важно отметить, что толерантное взаимодействие языков, культур и литератур разных национальностей способствует установлению социального мира и доброжелательного общения, то

есть гармоническое сочетание особенностей разных национальных культур, которые утверждают разнообразие, красоту и богатство человеческих отношений.

3.2. Поэтика произведений современных узбекских поэтов в таджикских переводах периода независимости

Среди современных узбекских поэтов особенно часто привлекали внимание таджикских читателей стихи таких выдающихся авторов, как Эркин Вохидов и Абдулла Орипов. Их связывала давняя дружба с таджикскими поэтами, которые старались донести творчество своих узбекских коллег до таджикского читателя максимально полно и точно.

Исследователи современной узбекской поэзии отмечают, что со второй половины 1950-х годов, особенно в 1960-е, поэзия вошла в новый этап развития. Он выражался в качественных изменениях структуры и композиции стихотворений, системы образов и художественно-эстетического уровня поэзии. Эти новации начали проявляться, прежде всего, в произведениях Назармата, Шухрата, Туроба Тула, Аскада Мухтара и других, однако по разным причинам дальнейшего развития они не получили.

Во-первых, новаторы опирались на опыт поэтов 1930-х годов (так называемого комсомольского поколения) и творчество русских поэтов, совершенствуя своё мастерство в рамках этих традиций. Во-вторых, они, строго следуя теории социалистического реализма, избегали внедрения в свои произведения элементов иных художественных направлений, таких как романтизм, сентиментализм, имажинизм и др. Поэтому, несмотря на новаторские поиски и стремление к свежести художественного языка, их творчество оставалось ограниченным рамками официального и полуофициального художественного мышления.

Наконец, в их стихах едва ощущался дух и пульс классической поэзии, живое дыхание художественного слова великих предшественников, которое

могло бы сгладить шероховатости, придать стихам силу звучания и особую выразительность. Вероятно, существовали и другие причины этого явления.

С первых шагов Эркина Вохидова и Абдуллы Орипова в области стихотворчества было ощущение того, что они исполнены искренним желанием избежать этих недостатков в своей творческой деятельности. Еще в их первых стихах, которые, в сущности, были скованы известными темами и описаниями, наблюдалась попытка создания свежих образных картин и выражений. «Большие чувства, яркая эмоциональность, философская глубина, неповторимый национальный колорит и всеохватность мышления – вот что отличает их поэзию и делает ее непреходящей во времени» [37, 92].

В сказанном можно убедиться, ознакомившись с первыми сборниками стихов Эркина Вохидова «Дыхание зари» (1961) и Абдуллы Орипова «Митти юлдуз» («Маленькая звезда») опубликованный в 1965 году.

Вчитываясь в небольшие отрывки из ранних стихотворений Эркина Вохидова и Абдуллы Орипова можно убедиться в их удивительном мировосприятии и таланте от Бога:

Эркин Вохидов

О скромности

«Как бы чайник ни кичился

Пиале он поклонился

Если все продумать и понять

Ни к чему и нос вверх задирать.

Скромнее будь, запомни, что нельзя

Так приближать гордыню, похвалу

Вот почему и человек не зря

Пьет чай, целуя нежно пиалу» [12, 239].

Абдулла Орипов

«С такой величественной мощью

Кольшется морской залив,

Что скалы под зеленой толщью

Молчат, колени преклонив.
Но посмотри: трава морская
Встает со дна, отринув страх,
Всю тяжесть моря поднимая
На нежных, худеньких плечах» [12, 239].

Эти выдающиеся мастера слова по праву считаются современными классиками узбекской литературы и заслуживают детального и всестороннего изучения. В подтверждение этого мнения уместно привести цитату из предисловия к книге Абдуллы Орипова «Благословенно прожитое мной», изданной в честь его 60-летия, написанную всемирно известным киргизским писателем Чингизом Айтматовым: «...как приятно в свои 60 лет именоваться младшим братом - ука, а для этого, как известно, необходимо иметь впереди своих аксакалов. Я как раз один из них... И в этой связи хотел бы напомнить, что большой поэт всегда востребован, всегда историчен, ибо он - глас своего народа, выразитель чаяний и страданий человеческих душ, но самое главное - он судья и певец своей эпохи, он глашатай и философ, он акробат стиха и уединенный мыслитель-пустынник. И все это дано ему выразить и сказать в слове для всех доступном, для всех любимом и в тоже время в возвышенно глубинном смысле. И словом его будут гордиться и современники, и потомки, и грядущие поколения. Именно таким поэтом великой культурной значимости для нашего времени, вступившего в XXI век, и видится мне наш Абдулла Орипов» [37, 3].

Любопытную и достаточно точную характеристику поэзии Эркина Вохидова мы нашли в статье молодого исследователя Г.С. Келдиёрова под названием «Язык и стиль Эркина Вохидова». Эта работа может служить для нас опорной точкой при оценке качества переводов произведений узбекского поэта на таджикский язык: «В лирике поэта мы находим те же элементы, что и в слове: содержание, идею; внутреннюю форму - образ, способ, каким усваивается содержание, и внешнюю форму - материал и средства выражения. Особое внимание Эркина Вохидова привлекает внутренняя форма, он находит для нее несколько определений. Внутренняя форма – это не только образ, но и символ, а

также представление. Понятие представления у Э. Вохидова двусмысленно: в одном смысле – это изображение, картина действительности, в другом - способ представления содержания в сознании... Язык поэта свободный. Он умел использовать каждое слово на своем месте, при этом поэт избегает повторения слов. Главная особенность творчества Э. Вохидова заключается в том, что поэтичность языка сохраняется до тех пор, пока в нем не утрачивается внутренняя форма слова, и наоборот, забвение или утрата символической природы внутренней формы приводит к прозаичности слова» [68, 41].

Мы преднамеренно предварили этот раздел своего исследования краткой характеристикой места и роли двух замечательных поэтов в современной узбекской литературе, особенностей их идиостиля, прежде чем приступить к анализу перевода их поэзии на таджикский язык, оценке степени их адекватности с текстами оригиналов анализируемых нами произведений.

3.2.1. Лоик Шерали и Саидали Маъмур в поисках достижения адекватности при переводе поэзии Эркина Вохидова на таджикский язык

Переводы произведений узбекских поэтов открыли таджикским читателям богатый мир современной узбекской поэзии и предоставили возможность духовно и эстетически обогатиться. В этом важном деле особенно заметна заслуга Лоика Шерали и Саидали Маъмура, которые не только дружили и сотрудничали с выдающимися современными узбекскими поэтами, но и продолжили традиции своих предшественников – таких, как С. Айни, М. Рахими, М. Турсунзаде, М. Миршакара, Гулчехра Сулейманова. Переводя поэзию Эркина Вохидова, они обогатили современную таджикскую литературу яркими образцами художественной поэзии.

Эркин Вохидов прежде всего был поэтом эпического плана, и основную часть его наследия составляют поэмы. Вместе с тем, в его творчестве много лирических стихотворений, наполненных нравственно-философскими

размышлениями, чувствами и размышлениями о миссии поэта, о человеке, его социальной и природной среде, многогранных отношениях между людьми, а также личных переживаниях и восприятии действительности.

В этих стихах прежде всего проявляется стремление поэта осознать свою личность, человеческую и литературную индивидуальность. Он видел смысл своей жизни через поэзию, ощущал ценность своих стихов и хотел, чтобы через них читатели понимали его мировоззрение и художественное видение. Переводчики – Лоик Шерали и Саидали Маъмур – стремились максимально точно и адекватно передать эти особенности лирики Вохидова.

Многочисленные стихотворения Эркина Вохидова направлены на пробуждение у читателей чувства высокой патриотичности, национальной гордости, самосознания, уважения к истории, любви к литературе и родному языку. Ярким примером этого является стихотворение «Она тили» («Родной язык»), прекрасно переведённое великим таджикским поэтом Лоиком Шерали.

Вот как звучит это стихотворение в оригинале:

«Нотик деди: «Такдир шул,
Бу жаҳоний ирода.
Тиллар йўқолур буткул,
Бир тил қолур дунёда».
«Эй воиз, пастга тушгин,
Бу гап чикди қаердан!»
Навоий билан Пушкин
Туриб келди қабрдан.
Ким дар ғазаб, Ким ҳайрон,
Чиқиб келдилар қатор:
Данте, Шиллер ва Байрон,
Фирдавсий, Бальзак, Тагор.
«Ваъзингни қўй, биродар,
Сен айтганинг бўлмади»...» [55, 78].

Перевод:

«Судьба такова,
Веление вселенной.
Исчезнут языки
Останется один язык в мире»
«Эй.., спустись немного,
Откуда такое вышло!»
Навои и Пушкин
вышли из могилы
Кто разозлён, а кто-то удивлён
Все встали в один ряд
Данте, Шиллер и Байрон,
Фирдавсий, Бальзак, Тагор.
«Прекрати свой разговор
Не быть твоим словам»

Это стихотворение написано в относительно свободной поэтической форме по сравнению с традиционными классическими формами узбекской поэзии. Поэт сознательно разрушил цельные бейты, разделив их на логически связанные, но кажущиеся непропорциональными строки, чтобы передать тональность возмущения и эмоциональную напряжённость сказанного оратором. Перекрёстные рифмы через одну строку объединяют структуру и композицию стихотворения.

Задаваясь вопросом о том, как возможно объединить все языки в один общий язык, Эркин Вохидов, встав на защиту родного языка, обращается к представителям разных литератур – от Навои, Пушкина, Шиллера, Байрона до Хайяма, Фирдоуси, Лорки, Сервантеса и других всемирно известных поэтов – и с недоумением восклицает: разве могут исчезнуть языки, на которых созданы шедевры мировой литературы? Он завершает стихотворение твёрдым утверждением: народ не может утратить свой родной язык, ведь без языка не существует нации.

Лоик Шерали, создавший множество произведений о таджикском языке, нашёл в этом стихотворении созвучие своим мыслям о бессмертности родного языка каждого народа и перевёл его, изменив форму. Он использовал жанр мурабба (четырёхстрочная строфика), что позволило ему сжато и аккуратно передать отдельные трансформации оригинала, сохранив мысль автора и одновременно придать стихотворению особую динамику и экспрессию, необходимые для усиления его эмоционального настроения. В узбекском оригинале размер стихотворения составляет семисложные строки -Ү--/-Ү- фо-и-ло-тун/ фо-и-лун, а в переводе Лоика размер получил другой рисунок, состоящий из одиннадцатисложных стихотворных строк Ү---/Ү---/Ү--. Это позволило ему изменить тон возмущения на тон призыва оратора к размышлению над несуразностью его речи. При этом Лоик сумел сохранить количество стихотворных строк, убавив лишь две строки:

ЗАБОНИ МОДАРИ

«Бигуфто нотике: «Ин аст тақдир
Ва ҳам таърих дорад ин тақозо,
Забонҳо чумла мемиранд, охир
Бимонад як забон дар рӯи дунё».
«Аё нотик, аз он минбар фуруд о,
Бигӯ, ҳарфе, ки мегӯӣ, чӣ ҳарфест?»
Зи гӯри хеш Пушкину Навоӣ
Бурун частанд бо даъвою истез.
Ҳама андар ғзаб, шӯрида ҳайрон
Зи гӯри худ бурун частанд он рӯз
Пайиҳам Дантеву Шиллеру Байрон,
Такуру Балзаку Фирдавсии Тӯс.
Гузор ин нутқҳои бенамакро,
Чунин сафсатгаро кас кай пазирад?...» [2, 123].

Эркин Воҳидов часто в своих лирических стихотворениях используя к тропу олицетворения и символические образы, наполняет их глубоким мыслями.

Отдельно следует подчеркнуть размышления поэта о сущности истинной поэзии и миссии самого поэта в таких его стихотворениях, как «Поэзия и шахматы» («Шеър ва шохмот») и «Потерявшийся стих» («Йўқолган шеър»). Постепенное изменение видения поэтом роли и миссии поэзии, привело к тому, что его внимание в большей степени стали привлекать важные исторические, социальные и духовные темы и подготовили благоприятную почву для обработки историко-философских тем и создания поэм исторического плана.

Но вернемся к стихотворению «Поэзия и шахматы», которые также предельно точно перевел Лоик Шерали.

Оригинал стихотворения:

ШЕЪР ВА ШАХМАТ

«Катак қоғоздаги тўрт йўл шеър каби
Шахмат доналари саф чеккан катор.
Найзадор филию шахсувор аспи,
Туғбардор фарзини хужумга тайёр.
Шахматни шеър билан қиёс айладим,
Билимдон ўқувчим, қилма эътироз.
Шеър ахир эмасми шахматдек қадим,
Шахматда йукми ё шеърий эхтирос.
Гўзаллик, нафосат, кураш ва санъат
Шеър ила шахматга азалий удум.
Минг йиллик умрида улар бешафқат
Доимо шохларга бошлаган хужум.
Шахмат кўп ўйналган, шеър кўп ёзилган,
Одатий юришлар ҳаммамизга ёд.
Боболар ўйнаган усуллар билан
Улар набирасин қилиб бўлмас мот.
Ўйин, эрмак эмас шеър ҳам, шахмат ҳам -
Ақллар кураши, туйғулар жанги.
Бу жангда қўйилган ҳар битта қадам

Одилу хақ бўлсин, Гўзал ва янги.
Шахмат абадийдир, Шеър абадий.
Юриш тугамас-у сўз бўлмас тамом.
Шахмат тахтасида, Шеър майдонида
Ғоялар кураши этади давом» [54, 50].

Перевод:

Как четверостишье на клетчатом листе
фигуры шахмат стоят в одном ряду
и слон с копьем, и конь как будто царь
И ферзь со флагом на приступ готов
Сравнил я шахматы стихами
Мой гений ученик - не предъявляй претензий
не стих ли древний как шахматы
Разве нет в шахматах страсти как в стихах?
Красота и нежность, борьба и мастерство
Со стихом в шахматах древнейший обряд
Они в тысячелетней жизни беспощадно
Начинали наступление на Шахов
много играно в шахматы и писано стихов
Обычные ходы известно давно
Способом ходов, сыгранных дедами
Невозможно привести в мат теперь внуков
не утешение - ни поэзия, ни шахматы
Это борьба разумов и борьба страстей
Каждый шаг (ход) в названной борьбе
Должен быть честным, красивым и новым
Шахматы вечные и стихи бессмертные
И ход не остановить, и словам нет конца.
На шахматной доске и на арене поэзии
Идёт борьба идей.

В этом стихотворении соблюдена полная пропорциональность между понятиями бейты и шеренга фигур, шахматная доска и творчество поэта, истинной поэзией и каждым ходом пешек и фигур, что позволило поэту с особой образностью и предельной ясностью цели донести свою мысль до читателя.

Читая перевод этого стихотворения в восприятии Лоика Шерали, ловишь себя на мысли, что между автором и переводчиком явно ощущается родство душ, иначе трудно было бы добиться сохранения поэтики стиха в переводе:

ШЕЪР ВА ШОҲМОТ

«Мисли ҳарфи байтҳо дар қоғази пур хона-хона
Сар кашида мухраро дар арсаи шатранч бин.
Чун ду мисраъ
Ду қатори мухраҳо -
Шоҳҳо бо ҳам муқобил,
Филҳо, рухҳо, ду фарзин,
Аспҳо омодаи ҳукми чаҳидан...
Ман баробар мекунам шатранчро бо шеъри хуб,
Узр, эй хонандаи донои ман, айбам мақун.
Шеър ҳам монанди шатранч аз қадим аст,
3-озмуни асрҳо бигзаштааст.
Кишту мот! - ин ҳукмҳо ҳам мисли шеър
Мезанад аз сина берун.
Шӯру ошӯбу талош,
Ҳам назокат, ҳам қасоват
Ҳаст дар шатранч, ҳам дар шеър.
Ҳамчунон дар арсаи дурангаи шатранч фавҷи мухраҳо
Шеър ҳам дорад шабохун бар алайҳи шоҳҳо.
Бозие не шеъру шатранч,
Балки исёну қиём аст.
Гоҳ дар як ҳарфи бечо, гоҳ дар як дови бечо
Қисмати сар, қисмати ҷонат тамом аст.

Лек гар дови бачо кардӣ,
Зиндагӣ зебою қисмат бонизом аст.
Кош он хушбахт будам
Дархури завқу мазоқи наслҳо,
Мисли он донои ҳиндуе, ки шатранч офарид,
Чанд байти ҷовидонӣ
Ёдгоре бозмонад аз ману девони ман
Бар пасовандони ман фардо.
Бекарон чун осмон,
Бекарон чун шеърӣ девон
Тоқати рух, ҷустуҷӯи ҳар пиёда...
Ҷовидон дар арсаи дурангаи шатранч чанг -
Чанг, чанги ғояҳо, мафкураҳо,
То ҷаҳон дорад бақо...» [2, 124].

В стихах и газелях Эркина Вохидова встречается множество мастерски выполненных откровений, в которых отражаются его поэтическое кредо и отношение к искусству слова. Эти произведения, сочетая реалистическое восприятие мира поэтом с элементами его романтического воображения, ярко и наглядно передают читателю его мировоззрение и уникальное восприятие окружающей действительности.

В качестве примера приведем полный текст стихотворения, в котором во всех деталях и тончайших нюансах нашло отображение отношение поэта к творчеству, процессу сотворения поэзии:

МЕНИНГ ЮЛДУЗИМ

«Ёш кунглимда орзуларим мул,
Куёш эрир юрак тафтимга.
Мен осмонга узатганда кул,
Сайёралар кунар кафтимга.
Тафаккурнинг пулат кушида
Куз-куз этиб бу ёшлик куркин,

Чексиз фазо - нур огушида
Йирокларга учаман бир кун.
Парвонадек уйнаб, парпираб,
Атрофимни урар юлдузлар.
Хайрат ичра ёниб, яркираб
Аста мендан сураб юлдузлар:
«Кандай ёруг юлдузсан, ажаб,
Кандай порлок сайёрадирсан?
Ёки бирор туркумдан ажраб
Биз ёкларда оворадирсан?
Нечун кирдинг шуҳ давраимизга
Утдек ёниб хатто кундузлар?..
Шунда дейман: Кимлигим сизга
Баён этай, тингланг, юлдузлар.
Тафаккурим - синмас канотим,
Эбтикодим - нур ва офтоб.
Мен инсонман, менинг хаётим
Тарихларда буюк бир китоб.
Мен инсонман, калбимда оташ,
Куёшдан тож, ойдан тахт курдим.
Мен инсонман, кукна, жафокаш,
Тупрогимда мангу бахт курдим.
Йирокларда, мовий уфкда,
Борлигимни банд этиб маним,
Порлаб турар дилбар бир нукта,
Уша олдуз - менинг Ватаним.
Дайда парвоз этмайин узим,
Ёди билан булурман хуррам.
Уша менинг толе юлдузим,
Уша менинг мукаддас куррам...» [55, 79].

Перевод:

Мечтами полна моя молодая душа,
Даже солнце тает на лоне сердца.
когда протяну руку к небесам,
Планеты сядут на мои ладони
На стальных крыльях размышленья
показывая всем прелесть юности
в безбрежной синеве, - в объятиях лучи
Однажды полечу я ввысь
порхая и играя как мотылек
Окружают меня звезды блестя и возгораясь,
удивленно тихо спрашивают звезды
«Чудо, какая ж ты звезда,
Какая яркая планета ты?»
Иль разлучившись с небосводом
Блуждаешь ты на нашей стороне
зачем вошел ты наш веселый круг,
Гореть как пламя среди бело дня?»
Отвечу: Кто я, излагаю.
Звезды, слушайте меня
мышление мое- не взломанные крылья
Вера моя- и луч и солнце
я человек и моя жизнь
В истории великая ведь книга
Я человек, в душе горит огонь
Построил лунный трон и солнечный венец
Я человек, я древний и страдалец
Соорудил на почве вечное счастье.
на синем горизонте, довольно высоко,
занимая всю сущность мою

блестит один прекраснейший маяк,
Вот та звезда и Родина моя
где б только не летал я
Я счастлив с думой о звезде своей
она ведь мое счастье звездное
она моя священная планета.

Перевод этого стихотворения выполнен другим таджикским поэтом, Саидали Маъмуром, который, как и Лоик Шерали, в целом успешно передал основную мысль автора и его настроение, сохранил поэтическую форму оригинала и даже частично обогатил рифмовую систему, придав стихотворению особую мелодичность. Единственным замечанием к переводу можно считать то, что в концовке Маъмур допустил собственные добавления.

В оригинальном стихотворении Эркина Вохидова использованы чередующиеся перекрестные рифмы, тогда как переводчик в некоторых строках усилил рифмовку, создавая более выразительное звучание. Чтобы убедиться в сказанном обратимся к тексту перевода:

СИТОРАИ МАН

«Дили ман нест монанди мазоре,
Умеду орзуро ошён аст.
Расида дасти ман бар осмонҳо,
Кафи ман маскани сайёрагон аст.
Шино созам ба дарёи тахайюл,
Ба уммеде, ки ёбам кони гавҳар.
Гаҳе парвоз бинмоям ба гардун,
Шавам наздиктар бар моҳу ахтар.
Чу парвона, ки гирди чилчароғ аст,
Маро исторагон гиранд дар бар.
Намуда шуълапошиҳо шабонгоҳ,
Суоле медиҳандам моҳу ахтар:
«Бикун ифшо ба мо асрори худро.

Чӣ сон сайёраию аз кучой?
Чаро оворай дар манзили мо,
Ва ё гаштӣ чудо аз маҳлиқое?
Чаро бар давраи мо гашта ҳамроҳ,
Ту ҳастӣ рӯзҳо ҳам нурафшон?»
Ба овои дили ман гӯш бидҳед,
Шумо, эй моҳу ахтарҳои тобон:
Манам ҳамчун уқоби дурпарвоз,
Надорам тарсу бим аз боду борон.
Манам одам, умеду зиндагиям
Ба ёрон аст панди рӯзгорон.
Манам инсону дар дил дорам оташ,
Замин тахти ману тоҷ асту хуршед.
Ман инсон - вориси халқи ҷафокаш,
Насибам гашта бахти сабзу ҷовид.
Кунам парвоз агар бар моҳу анҷум,
Заминро бингарад чашми сари ман.
Ба чашмам нуқтае гардад намоён,
Бувад он нуқта зебо кишвари ман.
Агар як дам шавам дур аз канораш,
Кунам дилро ба ёдаш шоду хуррам.
Ватан бошад бароям ахтари бахт,
Муқаддас дорам онро ман ба олам».
«Намеҷӯям гаҳ унвоне барои шеъри таболуд,
Ба сафҳа ҷои номи шеър се ахтарча мемонам.
Ҳамерӯям, ки дар шабҳои моҳолуду хоболуд
Ва ҳам дар рӯзҳои пурсадои офтоболуд
Битоб, эй ахтари ҷовид, рӯи шеъри сӯзонам.
Битоб, эй ахтари ноёб, дар ҳар лаҳзаи ширин,
Битоб, эй ахтари пуртоб, гоҳи ҳасрати дерин.

Битобӣ, кош, ту дар гармиву дар сардии олам,
Битобӣ ту, Биафтад аз самоҳо ахтари ман ҳам» [2, 130].

«Таджикская критика и литературоведение, пусть не систематически и проблемно, но все же обращается, время от времени, к вопросам перевода с других языков на таджикский. Изредка, но все же появляющиеся статьи переводчиков и специалистов в этой области как бы напоминают о сложности задач, о необходимости разработки теоретических и практических программ по вопросам перевода» [79, 193]. К числу таких статей следует отнести статьи М. Шукурова, Х. Ахрори, Эм. Муллокандова, Р. Хашима, С. Салоха, Х. Шодикулова, З. Муллоджановой (автора единственной теоретической работы), С. Абдулло, М. Ходжаевой, А. Аминова, М. Бариевой и других. Кроме перечисленных автором, «дающих деловые и полезные советы, у нас совершенство отсутствуют теоретические работы, а в рецензиях на переведенные произведения, авторы чаще всего ограничиваются перечислением тех или иных просчетов в общих чертах. Вообще же проблема «как мы переводим» стоит на повестке дня таджикской критики, пусть даже ведется она врозь и совершенно бессистемно» [79, 193]. Поэтому наступило время серьезно обратиться к этой проблеме на материале переводов узбекской поэзии в период государственной независимости.

3.2.2. Поэзия Абдулло Орипова в контексте переводов Саидали Маъмура, Бозора Собира и Низома Косима

Первые образцы поэзии Абдулло Орипова были опубликованы в периодических изданиях республики в годы его учебы в университете. Первый сборник стихов поэта, под названием «Маленькая звезда» («Митти юлдуз») был опубликован в 1965 году. За тем в разные годы им были изданы такие сборники стихов, как «Кузларим йулингда» (1966), «Милая мама» (1969), «Рухим» («Мой дух») (1971), «Узбекистан» (1972), «Удивление» (1974), «Ветер родины» (1976),

«Мечта прожитых лет» (1984), «Мосты доверия» (1989), «Муножот» (1992), «Хаж дафтари» (1965), «Сайланма» (1996), «Сочинения» (в 4-х томах) (2001).

Творческий путь Абдуллы Орипова можно разделить на два периода, так как они заметно отличаются друг от друга. В творениях Абдуллы Орипова советского периода особая роль отводилась гражданской лирике и социальным темам. Патриотические стихи Орипова, посвященные теме Родины, мира, братства и дружбы народов отличаются высоким гражданским пафосом и наполнены идеями созидательности и гуманизма, верой в лучшее будущее человечества. В них лирический герой очень активен и обладает твердой ярко выраженной гражданской позицией, многие поднятые поэтом темы, просматриваясь и решаясь посредством активного участия лирического героя, способствуют наполнению содержания, идеи и авторской цели ассоциативными чувствами и размышлениями.

Многие стихи Абдулло Орипова советского периода, как это может показаться при первом взгляде, вовсе не являются описательными и лозунговыми. Напротив, они отличаются ярко выраженной социальной тональностью и являясь просвещенческими, написаны с определенной целью, они, изобилуя свежими оборотами речи и образами, направляют читателя по пути самопознания и самосознания.

Что касается второго периода творчества Абдуллы Орипова, приходящегося на начало 90-х годов до последних лет его жизни, необходимо подчеркнуть, что в годы независимости поэт, как бы возродился заново, пройдя через осмысление преимуществ свободной жизни в свободном и независимом Узбекистане и это углубило его мировосприятие и мировоззрение, изменило отношение в познании истинной миссии литературы и её творца в обществе.

Стихи этого периода творчества поэта отличаются глубокими философскими размышлениями, многообразием жанров и сочностью художественного и образного языка, и близостью к доступному народному языку, что подчеркнул в своей статье литературовед Т. Бабаев, отметив, что:

«...если творческая личность становится настоящим выразителем народного сердца, то в его творчестве ощущается настоящая народность» [13, 180].

Неслучайно известные современные поэты Таджикистана обратили внимание на художественно-стилистические особенности этого истинного мастера художественного слова и перевели многие его стихотворения на таджикский язык. Одним из самых активных переводчиков поэзии Абдуллы Орипова является удивительный по своему мироощущению и хорошо владевший литературным узбекским языком Саидали Маъмур. Им переведены на таджикский язык такие известные и любимые читателями стихи, как «Мама», «Родник», «Канатоходец», «Воспоминание», «Осенний пейзаж», ««Зимняя ночь», «Весь день шел дождь», «Солнечная сторона» и др. Переводческая деятельность Саидали Маъмюра в контексте поэзии Абдуллы Орипова заслуживает отдельного исследования, но поскольку это невозможно осуществить в рамках одного раздела, мы остановимся на переводах пейзажной лирики Абдуллы Орипова, что также позволит увидеть приёмы и способы, примененные Саидали Маъмуром на пути достижения адекватного перевода.

Пейзажная лирика Абдуллы Орипова была исследована многими узбекскими литературоведами [130, 72-74], поэтому мы, ограничившись лишь некоторыми своими наблюдениями о характере пейзажной лирики поэта рассмотрим особенности её перевода выполненного Саидали Маъмуром.

Среди пейзажных стихов Абдуллы Орипова есть небольшая зарисовка, выполненная будто кистью живописца. Стихотворение называется «Осенние пейзажи» - «Кӯз манзаралари». Оно на первый взгляд выглядит описательным. Поэт рассказывает о своем впечатлении, гуляя по осеннему саду, где на земле лежат ярко багровые и пожелтевшие опавшие листья, но постепенно мы начинаем ощущать его настроение, пропущенное через сердце и думы и заканчивается четверостишием:

И солнце уже будто остыло,
Хладный воздух пронизывает душу и тело.
Или это было не солнце, о мои друзья,

А было любовь поры моей молодости»

наполняя стихотворение хайямовскими мотивами о безвозвратно уходящем времени и утекающей, как песок из рук, молодости человека:

КУЗ МАНЗАРАЛАРИ

«Яна далаларга бошлайди ҳавас,
Боғларда ҳазонлар ёнади лов-лов.
Дўстларим, бу кузнинг барглари эмас,
Менинг юрагимдан тўкилган олов.
Шохларда мезонлар ялтирар хира,
Пойида шивирлар менинг куйларим.
Дўстларим, булар ҳам мезонмас сира,
Бу менинг чувалган, сўнгсиз ўйларим.
Қуёш ҳам фалакда бамисли рўё,
У энди ёндирмас, ялтирар фақат.
Дўстлар, у ҳам энди қуёшмас асло,
У олис ёшликда қолган муҳаббат» [12, 34].

Перевод:

Опять к полям ведет меня влечение
И в садах листопад в пламене огня
Друзья мои, это не осени листья
А огонь, льющийся из души моей
На ветвях блещет летящая паутина
А на пороге звучит моя мелодия
Друзья мои, это не осени паутина
Они мои безбрежные раздумья
На небесах светило наяву
Оно не греет, лишь блещет напоказ
Друзья мои, теперь оно не солнце
Она - любовь, оставшаяся в юности моей.

Таджикский текст перевода мало чем отличается от оригинала, с точки зрения сохранения поэтической формы, количества строк, последовательности выражения чувств и мысли, особенности рифмовки, но в нем произошли неминуемые трансформации, обусловленные грамматикой и синтаксисом таджикского языка, отличающегося от узбекского.

Перевод тоже творчество и в нем нашла своё неминуемое отражение личность переводчика, к большой радости, не нарушив присутствие голоса автора переведенного стихотворения. В этом можно убедиться, если есть в этом необходимость, сделав обратный перевод с таджикского на узбекский. Несколько также изменилась мелодика стихотворения благодаря повторяющимся словам - аст, выполняющим в переводе роль радифа. Однако считаем необходимым подчеркнуть, что во второй и третьей строках стихотворения переводчик почему-то игнорировал рифмующиеся между собой первую и третью, а также вторую и четвертую строки. В результате чувствуется определенный, пусть и незначительный диссонанс в мелодике стихотворения:

МАНЗАРАҲОИ ТИРАМОҲ

«Тирамах бар боғ мегардам равон,
Ҳар кучо барги хазону гулхан аст.
Барг месӯзад, вале, эй дӯстон,
Шуълааш аз оташи қалби ман аст.
Тори мизон аз миёни шохаҳо
Мекунад худро гаҳе манзури ман.
Ё ки он мизон набудӣ, дӯстон,
Буд он тори хаёли дури ман.
Офтоб акнун надорад гармие,
Мекунад сардӣ асар бар чону тан.
Ё набуд он офтоб, эй дӯстон,
Буд ишқи навчавониҳои ман?» [2, 113].

Таким образом, нетрудно заметить, что пейзажная лирика Абдулло Орипова помимо своего прямого предназначения - духовно эстетического

обогащения читателя, также включает в себе немало серьезных философских размышлений о связи человека с природой, смысле жизни и предназначении человека в общественной жизни. Как отмечает Е.В. Головина: «пейзажная единица практически всегда занимает в творчестве отдельного писателя сильную текстовую позицию» [58, 12].

Эти особенности нашли также яркое воплощение в другом пейзажном стихотворении Абдуллы Орипова «Зимняя ночь» («Киш кечаси»):

ҚИШ КЕЧАСИ

«Тақиллайди эшик ногаҳон,
Кимсан? - дейман, тугаб саботим.
Очгил, - дейди. - Мен сенга меҳмон,
Билмоқ бўлсанг - Ташвишдир отим.
Тақиллайди эшик ногаҳон,
Кимсан? - дейман тугаб саботим.
- Очгил, - дейди. Бу - мен, қадрдон,
Билмоқ бўлсанг - Бардошдир отим.
Ташқарида шамол увиллар,
Туни бўйи юммайман кўзим.
Туни бўйи баҳс қилар улар,
Тун эса-чи, жуда ҳам узун» [13, 260].

Перевод:

Внезапно стучатся в мою дверь
Кто ты? - нетерпеливо спрашиваю я
открой ты дверь - он говорит - я гость
Хочешь знать: Заботой зовут меня
Опять стучатся в мою дверь внезапно
Кто ты? - с тревогой спрашиваю я.
Открой же дверь, это я- родной,
Ты хочешь знать: терпеньем зовут меня
Воеет на улице ветер,

Не смыкать мне глаза на всю ночь.
Да всю ночь меж собой спорили они
А ночь слишком длинная.

В этом стихотворении, условно внесенное нами в пейзажную лирику, поэт через пейзажные описания атмосферы зимнего вечера, когда за окном воет ветер, окутанный тяжелыми сумерками, и стучится в дверь, выразил свои чувства, мысли и настроение. Пейзаж зимней ночи служит не только как средство выражения определенного содержания, связанного с описанием природы, но и как способ построения текста, формирования его темы и идеи, как текстовая единица, реализующая структурно-содержательную целостность художественного текста. Тема и мотив зимнего вечера, настроения, меняющегося в зависимости от смены погоды, дум и мыслей, которые созвучны с природой часто встречаются в произведениях классиков персидско-таджикской литературы и стихотворениях современных таджикских поэтов. И поэтому Саидали Маъмур неслучайно обратился к переводу этого стихотворения, которое, благодаря сохранению содержания, структуры, художественно-стилистических особенностей оригинала подлинника воспринимается как явление таджикской литературы:

ШАБИ ЗИМИСТОН

«Мерасад гаҳ садои тақ-тақи дар,
- Кистӣ? - мешавам яке пурсон.
Бишнавам дар ҷавоб: «Ташвишам,
Дари худ боз кун, шавам меҳмон!».
Боз ояд садои тақ-тақи дар,
- Кистӣ? - ман зи нав шавам пурсон.
Гӯядам: «Номи ман бувад Бардошт,
Бикушо дар, туро шудам пазмон!»
Вақти хоб асту чашмбедорам,
Боду зулмот монда дар паси дар.
Лек дар хона меҳмононам

Баҳс доранд байни якдигар» [2, 127].

Из анализа перевода стихотворения Абдулло Орипова на таджикский язык с уверенностью можно сказать, что акт пересоздания сотворчества состоялся. Заметны языковые трансформации, но, что важно нет смысловых огрехов. А главное прилежное старание шагать в такт музыки оригинала.

Можно и остальные переводы произведений современного классика узбекской поэзии рассматривать по принципу их поиска адекватности и эквивалентности с текстами оригинала, так как почти все они выполнены на высоком уровне, как того требует хороший перевод.

Поучительно, что переводчики Абдулло Орипова работали не с подстрочником, а напрямую с оригинальным текстом, сознательно отказавшись от буквального пересказа содержания его стихов. Им удалось, оставаясь верными замыслу автора, максимально приблизиться к подлиннику. Не углубляясь в детали, в чем же заключается секрет большинства успешных таджикских переводов произведений Абдулло Орипова, можно с уверенностью утверждать: главный фактор их успеха – это мастерское владение языком и талант самих таджикских поэтов-переводчиков.

В качестве примера хотим рассмотреть еще один перевод стихотворения Абдуллы Орипова «Муножот», автором которого является известный современный таджикский поэт Бозор Собир. Достаточно сравнить этот перевод с текстом оригинала, тем, кто является носителем узбекского языка и можно убедиться, что настоящий перевод также редок, как истинный большой поэтический талант. Перевод Бозора Собира это - полет, волшебство в интерпретации три первые, главные строфы данного стихотворения:

МУНОЖОТ

«Зор-зор аз даруни хилвати шом

Ҳамдами кӣ рубоб менолад?

Аз дили зори ман чӣ мехоҳад,

Аз ғами кӣ рубоб менолад?

Ин замон аз харобаҳои қадим

Мерасад ҳой-ҳойи ачдодон,
Мешавад чашмҳои ман пури об
Аз ғами кӯҳнаи замину замон.
Гӯиё оҳ мекашад Хайём,
Ки фалак санг дар бағал дорад,
Оҳи ўро ба кӯҳу пушта ҳанўз
Аз Нишопур бод меорад» [2, 166].

Переводчик сохранил архитектуру стихотворения и расширив при этом поэтическое пространство обеспечил себе свободу маневра. Отдавая предпочтение этому переводу, приведем оригинал текста, чтобы можно было сравнить его с переводом и убедиться в том, что Бозор Собир обогатил таджикскую поэзию новым видением и мировосприятием действительности, которые присущи поэтике Абдуллы Орипова.

«Қани айт, мақсадинг нимадир сенинг,
Нега тилкалайсан бағримни, оҳанг,
Нечун керак бўлди сенга кўз ёшим,
Нечун керак, рубоб, сенга шунча ғам!
Эшилиб, тўлғаниб инфанади куй,
Қайлардан келмоқда бу оҳу фарёд.
Ким у йиғлаётган, Навоиймикин,
Ва ё май куйчиси Хайёммикин, дод!
Бас, етар, чолғучи, бас қил созингни,
Бас, етар, кўксимга урмагил ханжар,
Наҳотки дунёда шунча ғам бордир...
Агар шу «Муножот» рост бўлса агар.
Агар алдамаса шу совуқ симлар,
Гар шул эшитганим бўлмаса рўё.
Сен бешик эмассан, дорсан, табиат,
Сен она эмассан, жаллодсан, дунё!
Эшилиб, тўлғаниб ингранади куй,

Асрлар ғамини сўйлар «Муножот».
Куйи шундай бўлса, ғамнинг ўзига
Қандай чидай олган экан одамзод!» [13, 47].

Перевод:

«Ах, скажи мне, о чем зарыдала эта музыка в жадной тиши?
Этот плачущий голос рубаба, что он хочет от бедной души?
Столько стонов столетья скопили, столько горя под кровом земли
так на что ему слезы скупые, безымянные слезы мои?
Так он ждет их, так просит упрямо, словно где-то меж стонущих струн
неоплаканный призрак Хайяма коченеет на вечном ветру.
Или все, что душа отстрадала, все бывшие невзгоды свои,
всю немую тоску Астрабада возвещает векам Навои...
Сколько муки! До крови, до боли истерзал меня поздний закат.
Ах, оставь свои струны, довольно, не терзай мою грудь, музыкант!
Если правда, что было так плохо, как твердит этой музыки плач,
значит, мир нам не люлька, а плаха! И природа - не мать, а палач...
Как рыдает напев! Как стремится прозвучать чей-то горестный век!..
...Если музыка так им томится - как же прожил его человек?» [15, 56].

Уместно подчеркнуть, что профессиональный уровень следующих подходов, приёмов и способов в переводе современной узбекской поэзии будет еще более высоким, прикосновение к выдающимся произведениям обогатит переводчиков, позволит выявить новые дарования, готовые послужить сближению узбекского и таджикского народов. И потому процесс перевода не имеет конца...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате выполнения завершеного исследования, посвящённого таджикско-узбекских литературным связям в период государственной независимости, мы пришли к целому ряду выводов и умозаключений, основными из которых можно считать следующие:

1. Развитие и совершенствование культуры, искусства, литературы, зодчества, изобразительного искусства и других областей духовной жизни человеческой цивилизации невозможно представить без новых понятий и ценностей таких, как взаимовлияния и взаимообогащения культур, диалога цивилизаций, обмена духовными и культурными достижениями [1-А; 2-А; 7-А].

2. Таджикская литература классического периода, занимавшая лидирующую позицию в общем литературном процессе Центральной Средней Азии и оказавшая благотворное влияние на многие литературы Европы и Запада, развивалась и совершенствовалась в постоянной взаимосвязи с литературами соседних народов, среди которых особое место занимает и узбекская литература. Произведения корифеев персидско-таджикской литературы и их наследников в лице современных таджикских писателей и поэтов хорошо были известны среди простого народа и узбекских поэтов, которые в равной степени владели родным и персидским языком и творили свои произведения нередко на двух языках [4-А; 12-А; 14-А; 35-А].

3. Таджикско-узбекские литературные взаимосвязи, представляя собой уникальное явление с точки зрения беспрецедентных культурных отношений персоязычных и тюркоязычных народов, являют собой яркие страницы углубления национальных традиций, обычаев и верований [2-А; 10-А; 12-А].

4. В таджикско-узбекских литературных связях огромную роль сыграло укрепившееся в классической литературе обеих народов двуязычие, позволяющее глубже проникать в узбекоязычную среду [6-А; 20-А; 21-А; 35-А].

5. Важно отметить, что творения классиков персидско-таджикской поэзии и прозы будучи близкими, с точки зрения национальных особенностей,

традиций, обычаев, жанровых особенностей, стихосложению, системе рифмовки, образности воспринимались не как «инородные» или «чужие», а как родные по духу. Этот фактор является важным в определении отличия литературных связей таджикского народа от литературных взаимосвязей с другими тюркоязычными литературами Средней Азии [8-А; 9-А; 13-А; 18-А].

6. На основе приведенных примеров и умозаключений целого ряда отечественных и зарубежных ученых востоковедов, можно с уверенностью утверждать, что феномен двуязычия в узбекской и таджикской литературах обусловлен многовековой совместной жизнью и сотрудничеством этих народов [11-А; 20-А; 21-А; 25-А].

7. В советский период наблюдались интенсивные связи таджиков и узбеков во многих областях науки, народного хозяйства, культуры и в особенности в литературе и искусстве. Так, рассматривая и анализируя научные исследования и переводы с таджикского на узбекский язык было выявлено, что на протяжении почти пятидесяти лет, начиная с 50-х по 90-е годы было переведено более 100 произведений таких таджикских поэтов, как С. Айни, А. Лахути, М. Турсунзаде, М. Миршакара, Дж. Икрами, С. Улугзаде, М. Каноата, Ф. Ниязи, Ю. Ақобирова, Ф. Мухамадиева и др. по несколько раз. Также в этот период таджикскими поэтами были осуществлены переводы ряда произведений А. Навои, Г. Гулома, Ш. Рашидова, Зулфии, А. Каххара, Уйгуна и многих других узбекских литераторов, получившие в литературной критике положительные оценки [17-А; 26-А; 31-А; 35-А].

8. После распада Советского Союза и обретения бывшими союзными республиками своей государственной независимости, а также произошедшей в Таджикистане гражданской войны, эти связи более, чем на два десятка лет, были почти прерваны. Прошло некоторое время и благодаря мудрой политике глав Таджикистана и Узбекистана, социально-экономические и культурные связи наших народов стали постепенно вновь устанавливаться и на сегодняшний день произошел резкий скачок в интенсивном развитии этого процесса. Появилось много взаимных переводов, стали чаще проводиться Дни литературы и искусства

Узбекского народа в Таджикистане и Дни Таджикской культуры и литературы в Узбекистане. В периодической печати ученые Узбекистана и Таджикистана стали акцентировать своё внимание на проблемах литературных связей и взаимовлияний, чаще стали говорить и рассуждать о качестве переводов поэзии с узбекского на таджикский и с таджикского на узбекский языки. Свидетельством тому завершённые работы таких ученых Узбекистана и Таджикистана, как Вохид Абдулло, Зариф Раджабов, Бурхон Валиходжаев, Аслиддин Камарзода, Атахон Сайфуллаев, Эргаш Шодиев, Абдусалом Самадов, Матлуба Мирзоюнус (Ходжаева), Юсуфджон Салимов и др.

Однако, большой неизученный пласт материалов, касательно литературных связей и взаимных переводов, позволяет нам прийти к выводу, что все еще некоторые направления этой работы в период государственной независимости не получили своего должного решения [15-А; 16-А; 19-А; 21-А; 35-А].

9. Очень показательно, что в пропаганде узбекской классической и современной литературы, а также достижений современной таджикской литературы, активную деятельность после обретения государственной независимости в Таджикистане и Узбекистане, благодаря политике Президентов двух стран Эмомали Рахмона и Шавката Мирзиёева, проявили таджикские ученые и писатели, проживающие в Узбекистане. Примером этого плодотворного процесса могут служить опубликованные в Ташкенте в промежутке между 2004-2018 годами переводы «Духовного маснави» - «Маснавий маънави» Дж. Руми, газели Хафиза Ширази, Саади Ширази, дастан Абдурахмона Джамии «Юсуф и Зулейха», рубаи Хайяма и др. [1-А; 22-А; 24-А; 35-А].

10. Среди замечательных произведений известных узбекских авторов, переведенных на таджикский язык важно отметить подборки стихов таких узбекских поэтов, как Рамз Бободжон, Мирмухсин, Шукрулло, Уткир Рашид, Пулод Мумин, Джуманиёз Джабборов, Душан Файзи, Эркин Вохидов, Абдулло

Орипов и многих других в сборнике «Чашмаи хурушон», изданного в 1981 году [5-А; 23-А; 27-А; 32-А; 33-А].

11. Из сравнительного анализа переводов таджикской поэзии на узбекский язык можно прийти к интересному выводу о том, что более адекватного перевода добивались именно те переводчики, которые были духовно близкими к авторам текста оригинала, хорошо знали традиции классической и современной таджикской поэзии, владели персидским языком. Так, к примеру, работа над произведениями Мирзо Турсунзаде требовала от переводчиков творчески интуитивной работы со словом, что они и показали в переводе стихотворения «Поэту» - «Шоиро». Узбекский перевод данного стихотворения в двух случаях (в переводе Джуры Тилака и Гоиба Хасанбоя) оказался в несколько более выигрышном положении, так как читая тексты их переводов можно встретить довольно большое количество персидских и таджикских слов [4-А; 28-А; 29-А; 35-А].

12. Начиная с XXI века процесс литературных связей и взаимовлияний двух братских народов пошел по новому витку развития и на более высоком качественном уровне. И, что очень важно, при выборе произведений того или иного писателя или поэта узбекские переводчики ориентировались на нужды своей литературы, социально - эстетические преобразования узбекского общества периода независимости. Вот почему в последнее десятилетие узбекские поэты чаще переводили произведения таких таджикских поэтов как Лоик Шерали, Бозор Собир, Мумин Каноат, Гулназар Келдиев, Гулрухсор, Саидали Маъмур, Фарзоны и др., в творчестве которых ярко выражены высокое чувство национальной гордости, патриотизма, уважения своей древней истории, народность и общечеловеческие ценности [3-А; 30-А; 34-А; 35-А].

В процессе анализа переводов этих поэтов на узбекский язык было выявлено, что:

- во-первых, произведения таджикских поэтов чаще стали переводиться непосредственно с оригинала, без языка посредника или подстрочников;

- во-вторых, переложением произведений таджикских поэтов на узбекский язык, наряду с профессиональными переводчиками, также занимались талантливые поэты и писатели;
- в свою очередь перевод произведений многих классиков и современных узбекских поэтов на таджикский язык позволил таджикским читателям познакомиться с достижениями современных узбекских поэтов и получить возможность духовно-эстетического обогащения. Среди многочисленных переводов современной узбекской поэзии на таджикский язык особого внимания заслуживают мастерские переложения известного узбекского поэта Эркина Вохидова, выполненные Саидали Маъмуром и Лоиком Шерали.

Эркин Вохидов был поэтом эпического плана и можно утверждать, что большую часть его литературного наследия составляют поэмы. Однако при этом в его творчестве также немало лирических стихотворений, в которых ярко выражены нравственно-философские размышления поэта, наполненные его чувствами и размышлениями о миссии поэта, человеке, его социальной и природной атмосфере, многогранных и многоцелевых отношениях между людьми, а также личные восприятия событий и явлений действительности. Его переводчики - Лоик Шерали и Саидали Маъмур стремились к адекватному и эквивалентному воспроизведению в переводах этих особенностей его лирики и, надо сказать справились с этой задачей на таком высоком уровне, что таджикский читатель воспринимает их как стихи, созданные таджикскими поэтами, а не как перевод.

Примером сказанному могут служить стихотворения «Она тили» («Родной язык») и «Поэзия и шахматы», прекрасно переведенное незабвенным таджикским поэтом Лоиком Шерали. Читая перевод этих стихотворений в восприятии Лоика Шерали, ловишь себя и мысли, что между автором и переводчиком явно ощущается родство душ, иначе трудно было бы добиться сохранения поэтики стиха в переводе.

Поэзия Абдуллы Орипова, автора государственного гимна Республики Узбекистан, давно приковывала внимание таджикской критики и таджикских поэтов, в силу ярко выраженных в ней глубоких философских размышлений, многообразия жанровой и тематической палитры, сочного художественного и образного языка, и близости к доступному народному языку. Неслучайно известные современные поэты Таджикистана обратили внимание на художественно-стилистические особенности этого истинного мастера художественного слова и перевели многие его стихотворения на таджикский язык.

Одним из самых активных переводчиков поэзии Абдуллы Орипова является удивительный по своему мироощущению и хорошо владевший литературным узбекским языком Саидали Маъмур. Им переведены на таджикский язык такие известные и любимые читателями стихи, как «Мама», «Родник», «Канатоходец», «Воспоминание», «Осенний пейзаж», ««Зимняя ночь», «Весь день шел дождь», «Солнечная сторона» и др.

Таджикский тексты его переводов мало чем отличаются от оригинала, с точки зрения сохранения поэтической формы, количества строк, последовательности выражения чувств и мысли, особенности рифмовки, но в нем произошли неминуемые трансформации, обусловленные грамматикой и синтаксисом таджикского языка, отличающегося от узбекского.

Перевод тоже творчество и в нем нашла своё неминуемое отражение личность переводчика, к большой радости, не нарушив присутствие голоса автора переведенного стихотворения. В этом можно убедиться, если есть в этом необходимость, сделав обратный перевод с таджикского на узбекский.

Поучительно, что переводчики Абдулло Орипова шли не от подстрочника, а от первоначального текста оригинала и отказались от буквального переложения содержания его стихов. Им удалось, не отступая от оригинала, приблизиться к подлиннику. Не вдаваясь в подробности, в чем же секрет в большинстве удачных таджикских переводов произведений Абдуллы Орипова,

мы можем априорно утверждать, что главная причина этого удачного опыта - мастерское владение языком и талант таджикских поэтов переводчиков.

Таким образом, таджикские переводы узбекской поэзии и узбекские переводы таджикской поэзии в период независимости необходимо отметить, как один из главных факторов деятельности литераторов двух народов в укреплении дружбы и братства во благо мира, сотрудничества и процветания, вызывающее чувство солидарности, которое уходит корнями в глубину культуры узбеков и таджиков.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате исследований важнейших аспектов роли перевода в таджикско-узбекских литературных связях периода государственной независимости, позволившего выявить принципы и приёмы перевода на пути к достижению эквивалентности текста оригинала и текста перевода, восприятия индивидуального стиля произведений, переводимых авторов с узбекского на таджикский и с таджикского на узбекский языки, диссертант для представления состояния процесса художественного перевода в исследуемый ею период, рекомендует планировать следующие важные работы:

– Дальнейшее изучение состояния и роли перевода в таджикско-узбекских литературных связях предоставить литературоведам возможность изучить не только идейно-художественные вопросы произведений узбекских и таджикских поэтов, но будет способствовать изучению мастерства художников поэтического слова в соединении событий, строении композиции произведений, создании образов, использовании художественных средств изображения, определении жанровых особенностей и преобразований новой поэзии, которая развивается благодаря творениям лучших поэтов Таджикистана и Узбекистана. Также, на основе изучения качества перевода поэзии нескольких поэтов братских народов, можно определить процесс развития литературы в определенный этап периода.

– Для более глубинного и обширного представления процесса художественного перевода в таджикской и узбекской литературах, играющего важную роль в литературных связях этих народов, назрела необходимость издания антологий современной узбекской и таджикской поэзии в двухсторонних переводах, сопровождаемых текстами оригиналов. Это, несомненно, предоставит возможность определить ценность мастерства созданным поэтом и его место в процессе литературного преобразования и развития в современной таджикской и узбекской литературах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А) СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Художественные источники

1. Аджи, С. Стихотворения [Текст] / С. Аджи. – Душанбе, 1997. – 98 с.
2. Армуғони муҳаббат [Матн] / Сборник стихов. – Душанбе: Ирфон, 2018. – 524 с.
3. Бободжон, А. «Абади якдилем» (Вечно едины) [Текст] / А. Бободжон. – Душанбе: Ирфон, 2000. – 103 с.
4. Гулом, Ғ. Асарлар, 10 толик. III том. [Матн] / Ғ. Гулом. – Тошкент: Гафур Гулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1970. – 146 с.
5. Дехоти, А. Полное собрание сочинений. Том 3. [Текст] / А. Дехоти. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 284 с.
6. Икромӣ, Дж. Узбекским друзьям. Песни дружбы [Текст] / Дж. Икромӣ. – Ташкент: Издательство Гафура Гуляма, 1968. – 48 с.
7. Икромов, О. Сборник стихотворений «Избранное» [Текст] / О. Икромов. – Ташкент: Издательство Гафура Гуляма, 2020. – 98 с.
8. Камарзода, А. Перевод сборника Лоика Шерали. «Хайём жомӣ: рубоӣлар» – «Чаша Хайяма: рубаи» [Текст] / А. Камарзода. – Ташкент: Мухаррир, 2022. – 197 с.
9. Лохути, А. Избранные произведения [Текст] / А. Лохути. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 297с.
10. Навоӣ, А. Мажолис-ун-нафоис [Матн] / А. Навоӣ. – Тошкент: Фан, 1961. – 90 с.
11. Ниёзи, Х.Х. Сборник произведений [Текст] / Х. Х. Ниёзи – Душанбе: Ирфон, 1980. – 336 с.
12. Орипов, А. Ветер моего края [Текст] / А. Орипов. – М.: Художественная литература, 1988. – 239 с.

- 13.Орипов, А. Танланган асарлар. Турт жилдлик. Биринчи жилд. Шеърлар ва дostonлар [Матн] / А. Орипов. – Тошкент: Гафур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 2000. – 432 с.
- 14.Собир, Б. Аз гули хор то симхор. [Матн] / Б. Собир. – М.: Интрансдорнаука, 2003. – 256 с.
- 15.Собир, Б. Кўзгу олдида. Шеърлар [Матн] / Б. Собир. – Душанбе: 2016. – 40 с.
- 16.Турсунзода, М. Осори мунтахаб. Иборат аз ду чилд. Ҷ. 1 [Матн] / М. Турсунзода. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 330 с.
- 17.Турсунзаде, М. Избранные стихотворения. В двух томах. Том первый. Стихотворения и поэмы [Текст] / М. Турсунзаде. – М.: Художественная литература, 1985. – 431 с.
- 18.Улугзода, С. Утро нашей жизни [Текст] / С. Улугзода. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 320 с.
- 19.Хамид, Г. Одной дорогой [Текст] / Г. Хамид // Правда Востока. – 1968. – 22-ое мая. – С. 4-5.
- 20.Хамид, Г. Варзоб бурлит [Текст] / Г. Хамид // Правда Узбекистана. – 1989. – 25 апреля. – С. 5.
- 21.Хамид, О. Родина [Текст] / О. Хамид. – Ташкент: Издательство имени Гафура Гуляма, 1989. – 163 с.
- 22.Чашмаи хурушон (Баёзи назми муосири узбек) [Матн] / Душанбе: Ирфон, 1981. – 271 с.
- 23.Шерали, Л. Струны дождя (стихи) [Текст] / Л. Шерали. – М.: Советский писатель, 1979. – 59 с.
- 24.Шерали, Л. Моление о дожде. Стихи [Текст] / Л. Шерали. – Душанбе: Адиб, 1989. – 199 с.
- 25.Шерали, Л. Куллиёт. Иборат аз ду чилд. Ҷилди 1. [Матн] / Л. Шерали. – Душанбе: Адиб, 2008. – 787 с.
- 26.Шерали, Л. Онагинам [Матн] / Л. Шерали. – Тошкент: «Noshirlik yog dusi» нашриёти, 2019. – 128 с.

- 27.Шерали, Л. Хайём жоми: рубоийлар [Матн] / Л. Шерали. – Тошкент: Муҳаррир, 2022. – 147 с.
- 28.Шералӣ, М. Меҳр [Матн] / М. Шералӣ. – Душанбе, Ирфон, 1994. – 177 с.
- 29.Шерозӣ, С. Гулистон [Матн] / С. Шерозӣ. – Душанбе: Дониш, 1988. – 216 с.
- 30.Ширази, Х. Избранные произведения [Текст] / Х. Ширази. – М.: Художественная литература, 2001. – 178 с.

II. Научная литература:

- 31.Азимов, Ш. Ҳофиз Шерозий ва узбек адабиёти [Матн] / Ш. Азимов // «Бедил ва узбек маънавияти»: Халқаро илмий анжуман материаллари – Техрон-Тошкент. – 2005. – 213 с.
- 32.Айни, С. Алишер Навоий ва тожик адабиёти [Матн] / С. Айни // Танланган илмий асарлар. – Тошкент: Фан, 1978. – 178 с.
- 33.Алтайбаева, Д.Ю. Мир перевода [Текст] / Д.Ю. Алтайбаева. – Астана: Лотос, 2008. – 127 с.
- 34.Аминов, Ф. Ҳамгириою ҳамсозӣ хислати сарфароз ва русуми мумтоз аст [Матн] / Ф. Аминов // Ба қуллаҳои дониш. – 2018. – № 6 (1432). – С. 16.
- 35.Аминов, Ф., Сафарӣ С. Муҳаббати саршор аз маҳфилсароии дӯстон [Матн] / Ф. Аминов, С. Сафарӣ // Ба қуллаҳои дониш. – 2019. – № 7 (1454). – С. 4.
- 36.Английская поэзия в русском переводе (14-19 века) [Текст] – М.: Прогресс, 1981. – 684 с.
- 37.Арипов, А. Благословенно прожитое мной. Избранное [Текст] / А. Арипов. – Ташкент: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г. Гуляма, – 264 с.
- 38.Бақозода, Қ. Равобити адабии халқҳои тоҷику узбек (дар китоби «Қустуҷӯҳои эҷодӣ дар насли тоҷик») [Матн] / Қ. Бақозода. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 256 с.
- 39.Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
- 40.Беляева, Л.Н. Теория и практика перевода. Учебное пособие [Текст] / Л.Н. Беляева. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 211 с.

- 41.Бертельс, Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы [Текст] / Е.Э. Бертельс. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 556 с.
- 42.Бертельс, Е.Э. Наваи и Джами. Аттар и Наваи [Текст] / Е.Э. Бертельс // Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – 524 с.
- 43.Бертельс, Е.Э. Литература на персидском языке в Средней Азии [Текст] / Е.Э. Бертельс // Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. – М.: Наука, 1988. – 514 с.
- 44.Бехер, И. В защиту поэзии [Текст] / И. Бехер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 84 с.
- 45.Брагинский, И.С. Взаимодействие советских литератур народов Средней Азии (на примере таджикской и узбекской литератур) [Текст] / И.С. Брагинский // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. – М.: Наука, 1961. – 289 с.
- 46.Брагинский, И.С. Проблемы востоковедения [Текст] / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1974. – 493 с.
- 47.Брагинский, И.С. Литература на персидском языке в Средней Азии. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана [Текст] / И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1988. – 524 с.
- 48.Бугулов, Е. и др. Статистические критерии оценки качества перевода [Текст] / Е. Бугулов. – Киев: Издательство ИТФ, 1990. – 29 с.
- 49.Вайнрайх, У. Языковые контакты [Текст] / У. Вайнрайх. – Киев: изд-во при Киевском университете, 1999. – 263 с.
- 50.Вахидов, Р. Узбекская и таджикская поэзия во второй половине XV и начале XVI вв. [Текст] / Р. Вахидов. – Ташкент: Фан, 1983. – 276 с.
- 51.Влахов, С., Флорин С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов., С. Флорин. – М.: МО, 1980. – 416 с.
- 52.Вопросы теории и практики перевода [Текст]. – Самарканд: Издательство, 1984. – 78 с.

53. Воҳидов, С. Равобити адабии халқҳои тоҷик дар асри XV (дар асоси «Хамсат-ул-мутаҳаййирин»-и Навоӣ) [Матн] / С. Воҳидов. – Душанбе: Дониш, 1974. – 298 с.
54. Воҳидов, Э. Сайланма. Биринчи жилд. Ишқ савдоси [Матн] / Э. Воҳидов. – Тошкент: «Шарқ» нашриёт-матбаа концерни бош таҳририяти, 2000. – 243 с.
55. Воҳидов, Э. Менинг юлдузим: Шеърлар [Матн] / Э. Воҳидов. – Ташкент: Давлат илмий нашриёти, 2018. – 144 с.
56. Гачечиладзе, Г.Р. Введение в теорию художественного перевода [Текст] / Г.Р. Гачечиладзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского госуниверситета, 1970. – 284 с.
57. Гачечиладзе, Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи [Текст] / Г.Р. Гачечиладзе. М.: Сов. писатель, 1972. – 262 с.
58. Головина, Е.В. Функции пейзажных описаний в художественном произведении [Текст] / Е.В. Головина // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 649-651.
59. Фафуров, Б.Ф. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, бостонӣ ва асрҳои миёна. Ҷ. 1. [Матн] / Б.Ф. Фафуров. – Душанбе, 1998. – 689 с.
60. Давронов, А. Пайванди замони ҳаҷр ва қисмати адабиёт [Матн] / А. Давронов. – Душанбе: Маориф, 1994. – 80 с.
61. Давронов, А. Мушкилоти пайвандҳои адабӣ. Маҷмуаи мақолаҳо. [Матн] / А. Давронов. – Душанбе: Маориф, 1999. – С. 89-98.
62. Давронов, А. Горизонти адабии тоҷик [Текст] / А. Давронов. – Душанбе: Шохпар, 2000. – 198 с.
63. Давронов, А. Тарҷумаи бадеӣ ва тафсири миллии [Матн] / А. Давронов // Масъалаҳои филологияи тоҷик. Маҷмуаи мақолаҳо. Барориши 1. – Душанбе: Дониш, 2002. – С. 144-166.
64. Давронов, А. Адабиёт ва воқеият [Матн] / А. Давронов. – Душанбе: Маориф, 2003. – 253 с.
65. Жирмунский, В.М. Литературные течения как явления международного [Текст] / В.М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1967. – 251 с.

- 66.Зуллisonайн шоирлар. Узбек адабиёти таърихи масъалалари [Матн] / Ташкент: Фан, 1976. – С. 101-114.
- 67.Имомзода, М., Раҳмонзода, А., Зайниддинов, М. Суруди Вахдат [Матн] / М. Имомзода, А. Раҳмонзода, М. Зайниддинов. – Душанбе: Эр-граф, 2018. – 100 с.
- 68.Келдиёрова, Г.С. Язык и стиль Эркина Вохидова [Текст] / Г.С. Келдиёрова // Молодой ученый. – 2021. – № 41 (383). – С. 40-42.
- 69.Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1988. – 407 с.
- 70.Комиссаров, В.Н. Теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 348 с.
- 71.Кувватова, С.М. Особенности художественного перевода поэтических произведений Михаила Лермонтова на таджикский язык [Текст] / С.М. Кувватова // Диссертация кандидата филологических наук. – Душанбе, 2019. – 152 с.
- 72.Латышев, Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения) [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Международные отношения, 1981. – 323 с.
- 73.Латышев, Л.К. Технология перевода. Учебное пособие для студентов вузов [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Академия, 2007. – 316 с.
- 74.Локтионова, В.Г. Азы художественного перевода. Переводческий анализ. Учебное пособие [Текст] / В.Г. Локтионова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010 – 323 с.
- 75.Маъсумӣ, Н. Адабиёти тоҷик дар асри XVIII ва нимаи дуюми асри XIX [Текст] / Н. Маъсумӣ. – Душанбе: Ирфон, 1962. – 287 с.
- 76.Мирвалиев, С., Шокирова Р. Узбекские писатели [Текст] / С. Мирвалиев, Р. Шокирова. – Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 2016. – 270 с.
- 77.Мирзоев, А. Фонӣ ва Ҳофиз [Матн] / А. Мирзоев. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 95 с.

78. Михайлов, М.М. Двухязычие и вопросы сопоставительной лингвистики [Текст] / М.М. Михайлов. – Чебоксары: ЧГУ, 1994. – 84 с.
79. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод [Текст] / З.А. Муллоджанова. – Душанбе, 2014. – 191 с.
80. Муртазоев, Б. Чомӣ ва Навоӣ. Робитаҳои адабӣ ва муколамаи фарҳангҳо [Матн] / Б. Муртазоев // Маводҳои Конфронси байналмилалӣ илмӣ-амалӣ, қисми 1 (19-уми апрели 2019, Донишгоҳи давлатии Тирмиз). – 2019. – 360 с.
81. Мусулмонкулов, Р. Требование времени и литературные связи [Текст] / Р. Мусулмонкулов. – Душанбе, 1973. – 98 с.
82. Мухаммад, А.Л. Мирза Ниязи Балхи и его роль в развитии персидско-таджикской и узбекской литературы XIX века Афганистана [Текст] / А.Л. Мухаммад // Диссертация кандидата филологических наук. – Душанбе, 2018. – 156 с.
83. Мухиддинов, М. Комил инсон адабиёт идеали [Текст] / М. Мухиддинов. – Тошкент: Маънавият, 2005. – 78 с.
84. Мэтьюз, А. Поэзия и проза [Текст] / А. Мэтьюз. – Harvard University Press, 1970. – 243 с.
85. Насрулло, К. Шеър чист ва шоир кист? Андар шинохти шеър [Матн] / К. Насрулло. – Душанбе: Адиб, 2020. – 156 с.
86. Национальные литературы во взаимосвязях, взаимодействии, взаимообогащении (Методические рекомендации) [Текст] / Коллектив. – Ташкент: Фан, 1991. – 124 с.
87. Нелюбин, Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2006. – 412 с.
88. Неупокоева, И.Г. О понятии общего типологического ряда [Текст] / И.Г. Неупокоева // Контекст. – М.: Наука, 1975 - С. 168-186.
89. Неупокоева, И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа [Текст] / И.Г. Неупокоева. – М., 1976. – 357 с.
90. Нурсеитова, А.К. Явление двухязычия как одна из проблем языковой коммуникации [Текст] / А.К. Нурсеитова // Материалы конференции

- Костанайского государственного университета имени А.Байтурсынова. – Костанай, 2004. – С. 35-39.
- 91.Обидов, Ф.С. Аз меҳр саршоранд тоҷику узбек [Матн] / Ф.С.Обидов // Ба куллаҳои дониш. – 2018. – № 7 (1433). – С. 10.
- 92.Одинаев, Н.С. Робитаи адабӣ: таҷрибаи амалии эҷодӣ ва пажӯҳиши илмӣ [Матн] / Н.С. Одинаев. – Душанбе: Ирфон, 2004. – 192 с.
- 93.Орзибеков, Р. К вопросу традиций двуязычия в узбекской лирической поэзии [Текст] / Р. Орзибеков // Вопросы жанра в узбекской и таджикской литературе. – Самарканд: Фан, 1982. – 234 с.
- 94.Особые межлитературные общности [Текст] / Коллективный труд. – Ташкент: Фан, 1993. – 211 с.
- 95.Панченко, А.М. Топика и культурная дистанция [Текст] / А.М. Панченко. – М.: Наука, 1986. – 335 с.
- 96.Перевод как средство взаимного приспособления народов [Текст] / Коллектив. – М.: Прогресс, 1987. – 640 с.
- 97.Поспелов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы [Текст] / Г.Н. Поспелов. – М.: Просвещение, 1998. – 272 с.
- 98.Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий [Текст] / Автор: Коллективный труд, Н.Д. Тамарченко (ред.) Издательство: Кулагиной INTRADA. – М., 2008. – 358 с.
- 99.Расулова, З.Х. Литературно-культурные связи между Узбекистаном и Таджикистаном [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2020. – №2. – С. 274-280.
100. Раҳмонзода, А. Равобити адабию фарҳангии халқҳои тоҷик ва узбек [Матн] / А. Раҳмонзода. – Душанбе: Шарқи озад, 2018. – 40 с.
101. Ремизов, Б.Г. История и теория литературы [Текст] / Б.Г. Ремизов. – Л.: Наука, 1986. – 244 с.
102. Ризоев, Ш. Джадидская драма: Период, источник и особенности формирования [Текст] / Ш. Ризоев. – Ташкент: Восток, 1977. – 132 с.

103. Садои Шарқ [Матн]. – 1968. – № 4. – С. 76-87.
104. Сайфуллоев, А. Мирзо Турсунзода: Очерки ҳаёт ва эҷодиёти шоир [Матн] / А. Сайфуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1963. – 484 с.
105. Сайфуллоев, А. Юбилей дружбы и праздник культуры [Текст] / А. Сайфуллоев // Памир. – 1968. – № 6. С. 10.
106. Сайфуллоев, А. Проблемы взаимодействия литератур [Текст] / А. Сайфуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 138 с.
107. Сайфуллоев, А. Олицетворение дружбы таджикского и узбекского народов [Текст] / А. Сайфуллоев. // Хамза Хақимзода Ниёзи. Сборник произведений. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 224с.
108. Саломов, Ф., Комилов Н. Дӯстлик кӯприклари [Матн] / Ф. Саломов, Н. Комилов. – Тошкент: Ф. Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1979. – 69 с.
109. Самадов, А. Ўзбек-тожик адабиёти: узаро алоқалар, узаро таъсир [Матн] / А. Самадов. – Тошкент, 1990. – 243 с.
110. Самадов, А. Пайвандҳои дӯстӣ ва адабӣ [Матн] / А. Самадов. – Тошкент: Муҳаррир, 2012. – 199 с.
111. Самадов, А. Истиқлол ва маърифати адабиёт [Матн] / А. Самадов. – Термез: Turonzamin ziyo, 2015. – 300 с.
112. Самиев, Х.Д. Самтҳо ва пешомадҳои робитаҳои дипломатии Тоҷикистону Узбекистон [Матн] / Х.Д. Самиев // Ба қуллаҳои дониш. – 2018. – № 6 (1432). – С. 6-7.
113. Сатторзода, А. Дипломатияи муосири тоҷик [Матн] / А. Сатторзода. – Душанбе: Матбуот, 2006. – 224 с.
114. Сатторзода, А. Проблемаҳои актуалии сиёсати хориҷии Тоҷикистон (Бисёрвекторӣ дар амал) [Матн] / А. Сатторзода. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 228 с.
115. Сафарова, С.Д. Масъалаҳои ватандӯстӣ ва сулҳу ваҳдат дар ашъори Мирзо Турсунзода [Матн] / С.Д. Сафарова // Ҷомеа ва афкор (маҷмуаи мақолаҳо). – Душанбе: Табъу нашр, 2016. – С. 59-63.

116. Сафарова, С.Д. Фалсафаи дӯстӣ ва тараннуми ҳамзистии тоҷикону узбекон. [Матн] / С.Д. Сафарова // Робитаҳои адабӣ ва муколамаи фарҳангҳо. Маводди Конфронси байналмилалӣ илмӣ ва амалӣ, қисми 1 (Термиз: Донишгоҳи давлатии Термиз, 19-уми апрели соли 2019). – Термиз, 2019. – С. 360.
117. Сравнительное и сопоставительное литературоведение. Хрестоматия [Текст] / Сост. В.Р. Аминева и др. – Казань: ДАС, 2001. – 389 с.
118. Сравнительно-историческое литературоведение. Энциклопедический словарь [Текст] / Погребная Яна. – М.: Издательство Флинта, 1987. – 434 с.
119. Теория литературы. Литературный процесс. Том IV [Текст] / Коллектив. – М.: Наследие, 2001. – 375 с.
120. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении [Текст] / Коллективный труд. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
121. Топер, П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения [Текст] / П.М. Топер. – М.: Наследие, 2000. – 254с.
122. Турдиев, Ш. Жизнедарующие влияния [Текст] / Ш. Турдиев. – Ташкент: Akademnashr, 1977. – 92 с.
123. Турсунзода, М. Улмас имя [Текст] / М. Турсунзаде // Правда востока. – 1960. – №10. – С. 6.
124. Турсунзаде, М. Друзья в жизни Хамзы [Текст] / М. Турсунзаде // Гулистан. – 1969. – №10. – С. 9.
125. Турсунзаде, М. Жизнь народа - источник вдохновения [Текст] / М. Турсунзаде // Правда. – 1987. – № 56 (17740). – С.
126. Ульмасова, З.Х. Двухязычие как важнейшая форма таджикско-узбекских литературных взаимосвязей [Текст] / З.Х. Ульмасова // Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Худжанд, 1998. – 148 с.
127. Умарбек, Ф. Турсунзода шиносномаи миллати тоҷик [Матн] / Ф. Умарбек // Ба қуллаҳои дониш. – 2011. – № 8 (1290). – С. 7-15.
128. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – СПб.: Высшая школа, 2004. – 303 с.

129. Халимов, С. XIX асрнинг иккинчи ярми ва XX асрнинг бошларида ўзбек ва тожик адабий алоқалари [Матн] / С. Халимов. – Самарканд: СамДу нашри, 1978. – 188 с.
130. Хамдамов, А.Н. Заметная звезда поэзии [Текст] / А.Н. Хамдамов // Молодой ученый. – 2010. – № 8 (19). – Т. 2. – С. 72-74.
131. Хасанов, Б.Х. Художественно-литературное двуязычие [Текст] / Б.Х. Хасанов. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – 191 с.
132. Ҳаким, А. Хонаи ишқу ободӣ [Матн] / А. Ҳаким // Тоҷикистон. – №10. – С.5.
133. Чустӣ. Пора цветения [Текст] / Чустӣ. – Ташкент: Издательство имени Гафура Гуляма, 1969. – 126 с.
134. Шаяхметова, А.К. Двуязычие в обществе и детское двуязычие [Текст] / А.К. Шаяхметова // КазНУ Хабаршысы. Серия филологическая. – 2002. – №2. – С. 6-10.
135. Швейцер, А.Д. Теория перевода (современное состояние, проблемы, аспекты) [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
136. Шералӣ, Л. Ширу шакар. Дӯсти мо, бародари мо: Рӯзҳои адабиёт ва санъати Тоҷикистон дар Узбекистон [Матн] / Л. Шералӣ. – Тошкент: Нашриёти Адабиёти бадеӣ ва санъати ба номи Гафур Ғулом, 1981. – 148 с.
137. Шералиева, Г.К. Роль периодической печати в становлении и развитии таджикско-казахских литературных связей во второй половине XX века: на примере переводов произведений С. Айни на казахский язык [Текст] / Г.К. Шералиева // Диссертация кандидата филологических наук – Душанбе, 2010. – 143 с.
138. Шодиев, Э. Узбекско-таджикские литературные связи [Текст] / Э. Шодиев. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 168 с.
139. Шодиев, Э. Ўзбек-тожик адабий алоқалари таърихидан [Матн] / Э. Шодиев. – Тошкент: Гафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1973. – 225 с.

140. Шодикулов, Х. Глубокие корни (О культурных связях народов Таджикистана и Узбекистана) [Текст]. / Х. Шодикулов // Коммунист Таджикистана. – 1962. – №.343 – С. 4.
141. Шодикулов, Ҳ. Ду тарҷумаи як асар [Матн] / Ҳ. Шодикулов // Садои шарқ. – 1968. – № 4. – С. 58-64.
142. Шодикулов, Ҳ. Эҳсоси поки якдилӣ ва ҳамхунӣ [Матн] / Ҳ. Шодикулов // Тоҷикистони Советӣ. – 1972. – 15-уми сентябр. – С. 8.
143. Шодикулов, Ҳ. Лохутӣ ва робитаҳои адабӣ [Матн] / Ҳ. Шодикулов // Дар китоби Абулқосим Лохутӣ. Очерки ҳаёт ва эҷодиёт. – Душанбе: Адиб, 1987. – 247 с.
144. Шодикулов, Ҳ. Гаронасарои ватан [Матн] / Ҳ. Шодикулов // Охирсухан ба мунтахаботи дучилдаи Ҳ. Юсуфӣ «Сатрҳои нотамо». ҷ.2. – Душанбе: Адиб, 1987. – 256 с.
145. Шодикулов, Ҳ., Давронов А. Пайвандҳои адабии халқи тоҷик [Матн] / Ҳ. Шодикулов, А. Давронов. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 124 с.
146. Шодикулов, Ҳ. Тадқиқоти пураарзиш [Матн] / Ҳ. Шодикулов // Адабиёт ва санъат. – 2005. – 7-уми апрел. – С. 16.
147. Шомуҳамедов, Ш. Умар Хайём ва Фафур Фулом [Матн] / Ш. Шомуҳамедов // Гуманизм – абадийлик ялови. – Тошкент: Фафур Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1970. – 180 с.
148. Шукуров, М. Олим ва тарҷумон [Матн] / М. Шукуров // Маориф ва Маданият. – 1967. – 24-уми июн. – С. 236.
149. Шукуров, М. Пайванди замони ҳо ва халқҳо [Матн] / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 223 с.

III. Электронные ресурсы

150. <http://uza.uz/posts/44166> – Ш. Салимов. Великолепные плоды дерева.
151. <http://www.philology.ru/linguistics1/uglanova-09.htm> – И.А. Угланова. Об «эффekte частоты» в типологических исследованиях и теории языковых универсалий. Вып. 7. Т. 1. Пермь, 2009.
152. <https://ziyouz.uz/jahon-sheriyati/tojik-sheriyat>

Б) ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. В рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

- [1-А]. Расулова, З.Х. Литературно-культурные связи между Узбекистаном и Таджикистаном [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №2. – С. 274-280.
- [2-А]. Расулова, З.Х. Роль и значение таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2021. – №4. – С. 221- 228.
- [3-А]. Расулова, З.Х. Проблема воссоздания поэтической образности поэзии Бозора Собира в переводах на узбекский язык [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. – №9. – С. 238-244.
- [4-А]. Расулова, З.Х. Проблемы перевода поэзии и способы их решения [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2024. – №5. – С. 252-258.
- [5-А]. Расулова, З.Х. Переводы поэзии Эркина Вохидова на таджикский язык: поиск достижений адекватности [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2025. – №4. – С. 232-239.

II. Статьи, опубликованные в научных сборниках и в других изданиях:

- [6-А]. Rasulova, Z.Kh. Integrated approach to teaching a foreign language [Text] / Z.Kh. Rasulova // Jarst International journal for advanced researches in science & technology. – Impact factor, May 2020. – Pp. 139 -141.

- [7-A]. Rasulova, Z.Kh. New approaches in the art of literary language [Text] / Z.Kh. Rasulova // *Academica An international Multidisciplinary Research Journal*. – Impact factor, June 2020. – Pp. 1829-1833.
- [8-A]. Расулова, З.Х. Грамматическая структура оригинала. Грамматическая структура перевода [Текст] / З.Х. Расулова // *Тадбиркорлик ва педагогика: ВАК Илмий-Услубий журнал*. – Денау, 2020. – №1. – С. 71-77.
- [9-A]. Rasulova, Z.Kh. The issues of word choice in fiction translation [Text] / Z.Kh. Rasulova // *International Journal of Phychosocial Rehabilitation*. – April 2020. – Pp. 660-666.
- [10-A]. Расулова, З.Х. Из опыта перевода современной узбекской поэзии на таджикский язык [Текст] / З.Х. Расулова // *Central Asian journal of Theoretical and Applied sciences*. – March 2021. – С. 12-16.
- [11-A]. Расулова, З.Х. From the experience of translation of modern uzbek poetry into the tajik language (based on materials from the collection «Chashmai Khurushon») [Text] / Z.Kh. Rasulova // *International Journal for Innovative Engineering and Management Research*. – April 2021. – Pp. 521-526.
- [12-A]. Rasulova, Z.Kh. General lexical problems of translation [Text] / Z.Kh. Rasulova // *International Journal on Economics, Finance and Sustainable Development*. – April 2021. – Pp. 68-71.
- [13-A]. Rasulova, Z.Kh. Components of adequacy in the art translation [Text] / Z.Kh. Rasulova // *Academia Globe: Inderscience Research Impact factor*. – May 2021. – Pp. 186-189.
- [14-A]. Rasulova, Z.Kh. Translation is an important part of linguistics [Text] / Z.Kh. Rasulova // *Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning*. – May 2021. – Pp. 190-193.
- [15-A]. Rasulova, Z.Kh. Translation studies today: old problems and new challenges [Text] / Z.Kh. Rasulova // *European journal of life safety and stability*. – 2021. – Pp. 248-252.

- [16-A]. Rasulova, Z.Kh. Language identity of the translator in interpretation [Text] / Z. Kh. Rasulova // Journal of Ethics and Diversity in International Communication. – 2021. – Pp. 236-238.
- [17-A]. Rasulova, Z.Kh. Theory and practice of translation in pedagogical activities [Text] / Z.Kh. Rasulova // Journal of Ethics and Diversity in International Communication. – 2021. – Pp. 176-178.
- [18-A]. Расулова, З.Х. Трудности перевода художественной литературы [Текст] / З.Х. Расулова // Тадбиркорлик ва педагогика. – Денау, 2021. – С. 87-91.
- [19-A]. Расулова, З.Х. Роль и значение таджикско-узбекских литературных связей в период государственной независимости [Текст] / З.Х. Расулова // The Best Innovator in Science. – 2022. – № 4. – Pp. 701-711.
- [20-A]. Расулова, З.Х. Роль и значение двуязычия (многоязычия) [Текст] / З.Х. Расулова // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture. – 2022. – №2(4). – С. 113-118.
- [21-A]. Расулова, З.Х. Роль традиции двуязычия в таджикско-узбекских литературных связях классической литературы [Текст] / З.Х. Расулова // JMBM – научный журнал ВАК. – 2022. – № 1543. – С. 124-129.
- [22-A]. Rasulova, Z.Kh. Translation concepts in the context of modern linguistic research [Text] / Z.Kh. Rasulova // International Bulletin of Applied Science and Technology. – 2022. – С. 161-165.
- [23-A]. Расулова, З.Х. К вопросу о переводе диалектов в художественных произведениях [Текст] / З.Х. Расулова // Academic Research. – 2022. – № 2(12). – С. 821-824.
- [24-A]. Расулова, З.Х. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы [Текст] / З.Х. Расулова // European journal of life safety and stability. – 2022. – С. 16-22.
- [25-A]. Расулова, З.Х. Особенности изучения двуязычия в Республике Узбекистан [Текст] / З.Х. Расулова // Eurasian Journal of Academic Research. Innovative Academy Research Support Center. – 2022. – С. 26-29.

- [26-A]. Rasulova, Z.Kh. O'zbek va tojik xalq og'zaki ijodida berilgan janrlarning o'zaro munosabati [Text] / Z.Kh. Rasulova // Central Asian Journal of Education and Innovation. Volume 2. Issue 1. – January 2023. – Pp. 55-58.
- [27-A]. Расулова, З.Х. Устный и письменный перевод: взаимосвязанное обучение [Текст] / З.Х. Расулова // Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture. Volume 3. Issue 2. Part 2. – February 2023. – Pp. 105-109.
- [28-A]. Расулова, З.Х. Особенности перевода современной узбекской поэзии [Текст] / З.Х. Расулова // Евразийский журнал академических исследований Volume 3. Issue 4. Part 2. – April 2023. – Pp. 26-29.
- [29-A]. Расулова, З.Х. Вариации поэзии Мирзо Турсунзаде в переводах современных узбекских поэтов: проблема адекватности [Текст] / З.Х. Расулова // Евразийский журнал социальных наук, философии и культуры. Volume 3. Issue 4. – April 2023. – Pp. 55-60.
- [30-A]. Расулова, З.Х. Лоик Шерали в переводах (к проблеме сохранения своеобразия поэтического текста) [Текст] / З.Х. Расулова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – №1(79). – С. 212-225.
- [31-A]. Расулова, З.Х. О некоторых проблемах в области нелитературных форм языка [Текст] / З.Х. Расулова // Yangi O'zbekiston Pedagoglari Axborotnomasi 1-JILD. 2-SON (YO'PA). – 2023. – Pp. 91-94.
- [32-A]. Расулова, З.Х. Поэзия Абдулло Орипова в контексте переводов С. Маъмура, Б. Собира и Н. Косима [Текст] / З.Х. Расулова // International Journal of Philosophical Studies And Social Sciences. Vol 4. Issue 6. – 2024. – Pp. 30-35.
- [33-A]. Расулова, З.Х. Поэтика произведений современных узбекских поэтов в таджикских переводах [Текст] / З.Х. Расулова // Кокандский ГПИ. Научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 1313-1320.
- [34-A]. Расулова, З.Х. Лоик Шерали и Саидали Маъмур в поисках достижения адекватности при переводе поэзии Эркина Вохидова на таджикский язык

[Текст] / З.Х. Расулова // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. – 2025. – Том 3. – №2/S. – С. 377-385.

III. Монография:

[35-A]. Расулова, З.Х. Роль художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях периода государственной независимости [Текст] / З.Х. Расулова. – Денау: ДИПП, 2024. – 160 с.